

Министерство образования Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

А. П. Чудинов

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОЗАИКА
В СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Монография

Екатеринбург 2003

УДК 408.52
ББК Ш 141.2-7
Ч-84

РЕЦЕНЗЕНТЫ

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор
Ю. Н. КАРАУЛОВ (Институт русского языка РАН)

доктор филологических наук, профессор
Е. С. КУБРЯКОВА (Институт языкознания РАН)

Чудинов А. П.

Ч-84 Метафорическая мозаика в современной политической
коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. — Екате-
ринбург, 2003. — 248 с.

ISBN 5-7186-0127-5

Монография посвящена когнитивно-дискурсивному исследованию закономерностей метафорического моделирования в современной политической речи. В работе рассматриваются теоретические основы и основные направления современной теории политической метафоры, излагаются принципы описания и классификации метафорических моделей, детально охарактеризованы метафорические модели, в которых понятийное поле «Экономика» выступает сначала как сфера-источник, а затем как сфера-магнит для притяжения милитарных, криминальных, зооморфных и иных метафор. В последующих главах анализируются закономерности развертывания метафорических моделей в пределах отдельных политических текстов и политического нарратива как совокупности политических текстов, отражающих одно политическое событие — выборы депутатов Государственной думы и президента России. Изучение способов метафорической характеристики важнейших политических реалий и закономерностей активизации определенных моделей, фреймов и концептуальных векторов — все это дает богатый материал для лингвистического мониторинга общественного сознания. В заключительной главе представлено сопоставление российских и американских метафорических моделей, что очень значимо для понимания души народа, национальной ментальности.

Книга ориентирована как на лингвистов и политологов, так и на широкий круг читателей, на всех, кому дороги Россия и русский язык.

УДК 408.52
ББК Ш 141.2-7

Издание монографии осуществлено на средства
фонда «**НАУКА**»

Уральского государственного педагогического университета

ISBN 5-7186-0127-5

© Чудинов А. П., 2003

Оглавление

Предисловие	5
ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ.....	10
1.1. Основные направления в современной политической лингвистике.....	13
1.2. Понятийный аппарат и терминология политической лингвистики.....	35
1.3. Политическая метафора и ее функции	53
ГЛАВА 2. МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ: МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ	68
2.1. Метафорическая модель и ее компоненты	68
2.2. Проблемы классификации метафорических моделей	73
2.3. Методика описания метафорических моделей: экономика как сфера-источник и сфера-магнит для метафорической экспансии	83
ГЛАВА 3. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	109
3.1. Развертывание метафорической модели в политическом тексте	113
3.2. Акцентирование метафоры в политическом тексте	125
3.3. Взаимодействие метафорического заголовка и основного текста	149

**ГЛАВА 4. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОРЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ ----- 161**

- 4.1. Когнитивно-дискурсивный анализ
и политический нарратив-----162
- 4.2. Метафорическое моделирование
в политическом нарративе
«Федеральные выборы в России» -----169

**ГЛАВА 5. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ:
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ----- 182**

- 5.1. Методика сопоставительного анализа
метафорических моделей-----183
- 5.2. «Театр» как сфера-источник
метафорической экспансии
в российском и американском
политическом дискурсе -----190
- 5.3. «Война в Югославии» как ситуация-магнит
в российском и американском
политическом дискурсе -----208
- 5.4. Российская монархическая метафора
и ее американские эквиваленты-----215

Заключение-----227

Библиографический список -----231

Предисловие

Исследование теории концептуальной метафоры и описание ее конкретных моделей в различных видах дискурса — одно из интенсивно развивающихся направлений современной когнитивной лингвистики. Новая теория метафоры не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных (идуших еще от Аристотеля) учениях о метафоре. Она просто предложила использовать при исследовании метафор принципы когнитивной лингвистики, и это позволило увидеть новые грани в, казалось бы, хорошо известном феномене.

Современная когнитивистика (М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Е. Киттей, Дж. Лакофф, М. Тернер, Ж. Фоконье, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов и др.) рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира.

В современных исследованиях метафоры важное место занимает изучение «блендинга», который понимается как своего рода «смешивание», «слияние» двух концептов, образующих метафору [Turner, Fauconnier, 1998]. Важно подчеркнуть творческий, а не механистический характер такого «смешивания». В применении к теории блендинга очень важна идея Е. С. Кубряковой о необходимости изучения законов **композиционной семантики**. При таком подходе нужно исследовать **«тайны интеграции знаков в новые гештальты... отказаться от разного рода аддитивных, или же суммативных, концепций композиционной семантики и заменить их концепциями более творческого характера — динамическими концепциями, отдающими дань самым сложным когнитивным способностям человеческого разума — воображению, интуиции, абстрактному мышлению и, прежде всего, инференции, а значит, возможностям вывода нового знания в ходе решения текущей проблемы и способности к умозаключениям на основе имеющихся данных»** [Кубрякова, 2002, с. 6].

Смешивание, слияние концептов — это не суммативный процесс, а создание новой ментальной единицы, которая не равна сумме двух ее составляющих.

Соответственно метафоричность — это естественный путь творческого мышления, а вовсе не уклонение от главной дороги к познанию мира и не прием украшения речи.

Метафору нередко образно представляют как зеркало, в котором вне зависимости от чьих-либо симпатий и антипатий отражается национальное сознание.

В нашей предыдущей монографии [Чудинов, 2001] современная политическая метафора была представлена как своего рода комплекс «зеркал», в котором, во-первых, отражается ментальный мир человека и общества в целом (метафора дает нам обширный материал для изучения когнитивных механизмов в сознании человека и социального мировосприятия), во-вторых, в этом зеркале мы видим отражение обыденных («наивных») представлений людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы политических образов, а, в-третьих, метафора отражает человеческие представления о сфере-мишени метафорической экспансии (в данном случае это современная политическая реальность).

В название настоящей монографии вынесен концептуальный образ **МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОЗАИКА**. Как известно, каждая отдельная частица мозаики — это всего лишь «кусочек камня или стекла», по которому практически невозможно судить о картине в целом.

Точно так же каждая конкретная метафора отражает мировосприятие одного человека, нередко метафорическая конструкция передает только сиюминутное настроение этого человека. Если же рассматриваемую метафору сопоставить с множеством других, если выделить доминантные для современного политического дискурса метафорические модели, если сравнить системы политических метафор в различных языках, то, возможно, удастся обнаружить какие-то общие закономерности в метафорической картине политического мира, существующей на данном этапе развития в национальном сознании. Так маленькая частица становится органичной частью большой картины. В связи с этим очень значимо социальное признание авторской метафоры, что может проявиться, в частности, в цитиро-

вании соответствующего высказывания и в дальнейшем развертывании образа. Ср.:

- Мой коллега Юрий Яковлев сказал: «Нас затоптали, во всем мире Россию воспринимают как черт знает какую страну, и тут такая радость (Ж. Алферов).

Когда фразу «Нас затоптали...» произносит «широко известный в узких кругах» физик, то это его частное мнение и индивидуально-авторский образ. Но когда рассматриваемую фразу запоминает и повторяет (а значит, образ показался ему точным и выразительным) нобелевский лауреат и одновременно депутат Государственной думы, когда интервью с этой фразой печатает газета с многомиллионным тиражом, то это уже не частное мнение и отражение личного мировосприятия, а значимый для политического дискурса факт.

Две указанные монографии объединяет стремление к синтезу лучших достижений когнитивной теории метафоры и уже традиционной для российской лингвистики теории регулярной многозначности (Ю. Д. Апресян, Д. Н. Шмелев, Н. В. Багичева, Н. И. Бахмутова, Л. В. Балашова, Л. А. Новиков, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.), а также иных направлений лингвистики, связанных с изучением регулярности семантических преобразований (М. В. Володина, В. Г. Гак, О. П. Ермакова, Н. А. Илюхина, Н. А. Кузьмина, С. Н. Муране, Г. Н. Склиаревская, В. Н. Телия, Е. И. Шейгал, Т. В. Шмелева и др.).

Специфика настоящей работы — в расширении арсенала приемов исследования и привлечении нового материала (современная российская экономическая метафора, современная англоязычная политическая метафора), в углубленном внимании к процессам развертывания концептуальной метафоры в политическом тексте и взаимодействия метафор в пределах текста. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что представляемая монография является не второй частью ранее изданной работы, а самостоятельной публикацией. Поэтому при ее подготовке для удобства читателей (не все из которых знакомы с первой монографией) оказалось необходимым еще раз повторить некоторые основные положения теории когнитивной метафоры и охарактеризовать используемую методику анализа метафорических моделей.

Композиционно основная часть монографии состоит из пяти глав, что отражает логику развертывания научного исследования.

Первая глава представляет собой своего рода теоретическое введение в теорию когнитивного исследования политической метафоры: здесь рассматриваются общие проблемы политической лингвистики, ее основные понятия и термины, сущность политической метафоры и ее функции.

Во *второй главе* представлено обоснование методики исследования метафорических моделей и принципов их классификации; в качестве основного материала для исследования используются метафоры, связанные с понятийной сферой «Экономика», которая сначала выступает как сфера-источник метафорической экспансии в сферу «Политика», а затем — как сфера-магнит для притяжения милитарных, криминальных, зооморфных и иных метафор.

Третья глава посвящена исследованию закономерностей развертывания метафорических моделей в политических текстах, здесь же анализируются средства акцентирования метафоры в тексте и стилистические эффекты, возникающие при взаимодействии метафорического заголовка (или заголовка, который может восприниматься как метафорический) и системы метафор в основном тексте.

В *четвертой главе* рассматриваются особенности метафорического моделирования в политическом нарративе «Федеральные выборы в России». Отбор способов метафорической характеристики важнейших политических событий, активизация определенных моделей, фреймов и концептуальных векторов, появление новых концептуальных метафор — все это дает богатый материал для лингвистического мониторинга общественного сознания.

В последней, *пятой*, главе представлены результаты сопоставительного исследования русских и английских политических метафор, что позволяет выделить как общие закономерности в метафорическом представлении политической реальности, так и некоторые национальные особенности в использовании и развертывании метафорических моделей.

В результате выстраивается следующая модель исследования: метафора рассматривается сначала в рамках политического текста, далее — в рамках политического нарратива, понимаемого как множество текстов, посвященных одному политическому событию, а

затем в рамках российского политического дискурса в его сопоставлении с американским.

При работе над текстом были использованы материалы ряда выполненных под руководством автора дипломных и диссертационных сочинений. Особой благодарности заслуживают Ю. В. Абдульманова, Т. С. Вершинина, А. Б. Ряпосова, Ю. Б. Феденева, Т. В. Шитикова и Д. А. Шулина. Полноправным соавтором разделов, посвященных сопоставлению театральных и монархических метафор в российских и американских текстах является А. А. Каслова; совместно с Е. В. Колотниной написаны разделы «Экономика как сфера-магнит для метафорического притяжения» и «Взаимодействие метафорического заголовка и основного текста»

Материалы исследования неоднократно обсуждались на научных конференциях и семинарах (Екатеринбург, Москва, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Тамбов, Тюмень, Челябинск и др.) и в личных беседах с языковедами и политологами, что сыграло важную роль в подготовке данной книги. Зарождению ряда изложенных в работе положений способствовало участие автора в семинарах Юрия Николаевича Караулова и Елены Самойловны Кубряковой, проводимых в рамках летней лингвистической школы, организованной при поддержке фонда «Открытое общество» кафедрой современного русского языка (завкафедрой Людмила Григорьевна Бабенко) Уральского государственного университета.

При подготовке книги к публикации были учтены советы и замечания рецензентов — члена-корреспондента РАН, доктора филологических наук, профессора Юрия Николаевича Караулова и доктора филологических наук, профессора Елены Самойловны Кубряковой, а также докторов филологических наук, профессоров Людмилы Григорьевны Бабенко, Алексея Александровича Кретьева и Натальи Борисовны Руженцевой, прочитавших рукопись монографии.

Глава 1

Введение в теорию исследования политической метафоры

В последние годы наиболее перспективные научные направления чаще всего рождаются в зоне соприкосновения различных областей знания. Одним из таких направлений стала политическая лингвистика, новая для России наука, возникшая на пересечении лингвистики с политологией и учитывающая также достижения этнологии и этносемантики, социальной психологии и социологии. Необходимость возникновения и развития нового научного направления определяется возрастающим интересом общества к условиям и механизмам политической коммуникации.

Политическая лингвистика тесно связана с другими лингвистическими направлениями — с социолингвистикой, занимающейся проблемами взаимодействия языка и общества, с функциональной стилистикой и особенно с исследованиями публицистического стиля, с классической и современной риторикой, с когнитивной лингвистикой и лингвистикой текста. Для политической лингвистики в полной мере характерны черты, которые выделены Е. С. Кубряковой [1995] в качестве ведущих для современного языкознания: антропоцентризм (человек, языковая личность становится точкой отсчета для исследования языковых явлений), экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение).

Предмет исследования политической лингвистики — политическая коммуникация, то есть речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе. Каждый человек, который хотя бы изредка читает газеты, включает радио или телевизор, становится адресатом политической коммуникации. Когда этот человек идет на выборы, он участвует в политической жизни и делает это не без влияния субъектов политической коммуникации. Главная функция политической коммуникации — борьба за политическую власть: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее создании и преобразовании.

Важная задача политической лингвистики — исследовать многообразные взаимоотношения между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества. Политическая коммуникация оказывает влияние на распределение и использование власти благодаря тому, что она служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.). Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира.

Современная политическая лингвистика активно занимается общими проблемами политической коммуникации (анализирует ее отличия от коммуникации в других сферах), изучает проблемы жанров политической речи (лозунг, листовка, программа, выступление на митинге, парламентские дебаты и др.), она обращается к проблемам идиостиля отдельных политиков, политических партий и направлений, рассматривает стратегию и тактику политической коммуникации, композицию, лексику и фразеологию политических тек-

стов, использование в них разнообразных образных средств. Одно из актуальных направлений политической лингвистики — изучение отдельных политических концептов в рамках соответствующего языка и национальной культуры, обращение к проблемам понимания политических реалий того или иного государства гражданами других государств.

Важнейший постулат современной политической лингвистики — дискурсивный подход к изучению политических текстов, то есть исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, с учетом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны.

Необходимо различать политическую лингвистику, ориентированную на изучение политической коммуникации, и исследования в области языковой политики государства, которые относятся к сфере интересов социолингвистики. Несколько упрощая проблему, можно сказать, что специалистов по политической лингвистике интересует то, **как говорят политики**, а специалисты по языковой политике занимаются тем, **что политики делают** (или должны делать) для оптимального использования языка. Поэтому к сфере интересов политической лингвистики не принадлежат столь важные направления работы, как анализ проблем функционирования государственного и иных языков в стране (начиная с вопроса о самой необходимости официального признания государственного языка), изучение проблем языков межнационального общения и языков международного общения (мировых языков), государственная регламентация письменностей (например, недавнее решение об использовании в России исключительно кириллических письменностей), решение вопроса об отношении к заимствованиям. Все эти проблемы относятся к государственной политике в сфере использования языка в целом, а не только к политической коммуникации, что и «выводит» их за рамки политической лингвистики в том понимании, которое лежит в основе настоящего исследования.

1.1. Основные направления в современной политической лингвистике

Политическая лингвистика как особая область науки возникла в России в последнее десятилетие прошлого века. Однако истоки современной политической лингвистики можно обнаружить уже в античной риторике — проблемами политического красноречия активно занимались в глубокой древности. В России XVIII — первой половины XIX века проблемы политического красноречия также изучались преимущественно в рамках риторики. Проблемы политической речи во второй половине XIX — начале XX века затрагивались прежде всего в публицистике, где велись острые политические дискуссии между сторонниками революционных, либеральных и консервативных взглядов, между марксистами разных направлений, народниками и приверженцами других политических течений.

В истории изучения политического языка советской эпохи можно выделить три периода. Первый из них приходится на 20—30-е годы, когда Г. О. Винокур, С. И. Карцевский, Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, П. Я. Черных, Р. О. Якобсон изучали преобразования, происходящие в русском литературном языке после 1917 года. Были обнаружены значительные изменения в лексической и стилистической системе (прежде всего появление множества аббревиатур, экспансия варваризмов и диалектизмов, значительное влияние просторечия и одновременно официально-деловой речи, сдвиги в семантике и эмоциональной окраске многих слов).

Второй период приходится на 30—40-е годы, когда последователи Н. Я. Марра стремились выделить и автономно описать «язык эксплуататоров» и «язык трудящихся» как едва ли не отдельные системы в рамках национального языка. Определенный историко-лингвистический интерес представляют также опубликованные в этот период работы, в которых представлен лингвополитический анализ «языка и стиля» некоторых советских политических лидеров: М. И. Калинина, С. М. Кирова, В. И. Ленина, И. В. Сталина и др. Авторы указанных исследований отмечали ораторское мастерство большевистских руководителей, «народность» их речи (в смысле ее доступности для широких масс). С этими выводами (если с понима-

нием отнестись к тому, что в таких работах доминировал восхваляющий пафос) следует согласиться: плохой оратор просто не способен стать лидером в стране, где кипят революционные страсти, или победить в острых внутрипартийных дискуссиях, так характерных для первых лет Советской власти.

Третий период в изучении советского политического языка относится к 50—80-м годам, когда проблемы политической речи рассматривались в публикациях по теории и практике ораторского искусства и лекторского мастерства (Г. З. Апресян, Л. А. Введенская, Н. Н. Кохтев, В. В. Одинцов и др.), при освещении деятельности средств массовой коммуникации (Ю. А. Бельчиков, В. Г. Костомаров, Д. Э. Розенталь, Г. Я. Солганик и др.), в исследованиях по вопросам агитации и пропаганды. Эти проблемы занимали важное место и в некоторых публикациях, посвященных развитию русского языка в послеоктябрьский период, его стилистической дифференциации, обогащению его лексико-фразеологического фонда (П. Н. Денисов, С. Г. Капралова, А. Н. Кожин, Т. Б. Крючкова, М. В. Панов, И. Ф. Протченко и др.). Среди советских специалистов были и блестящие мастера эзопова языка, и искренние сторонники господствующей идеологии, и люди, для которых сама возможность заниматься наукой значила больше, чем рассматриваемый материал. Наши языковеды смогли многое сделать и многое сказать (иногда между строк).

Совершенно особое место в изучении отечественного политического языка занимают зарубежные исследования (Андре Мазон, Астрид Бэклунд, Эгон Бадер, Патрик Серио и др.), в том числе публикации российских эмигрантов (С. М. Волконский, И. Земцов, С. И. Карцевский, Л. Ржевский, А. и Т. Фесенко и др.) и специалистов из бывших советских республик — ныне суверенных государств (В. В. Дубичинский, А. Д. Дуличенко, Э. Лассан, С. Н. Муране, Б. Ю. Норман, Г. Г. Почепцов, И. Ф. Ухванова-Шмыгова и др.). Как справедливо писал С. Есенин, «лицом к лицу лица не увидать»: взгляд «со стороны» иногда позволяет увидеть даже больше, чем наблюдения над языковой ситуацией «изнутри». Кроме того, нельзя забывать, что жесткая цензура и самоцензура часто не позволяли советским лингвистам в полной мере высказать свою точку зрения, тогда как авторы, работавшие за рубежом, были в этом отношении

относительно свободны. С другой стороны, многие эмигранты «первой волны» оказались слишком суровыми критиками и отвергали едва ли не любые инновации послереволюционного периода. Интересный обзор филологических размышлений и высказываний русских эмигрантов представлен в книге Л. М. Грановской [1993].

Обсуждение проблем политической коммуникации в отечественной лингвистике советского периода происходило, по существу, вне контекста мировой науки. Западные публикации по этой проблематике считались идеологически порочными и по различным причинам почти не были известны в нашей стране. Положение изменилось только в конце XX века, когда демократизация общественной жизни сделала политическую коммуникацию в России предметом массового интереса и стала возможной объективная оценка трудов крупнейших зарубежных специалистов в области политической коммуникации.

В западных странах проблема соотношения языка и идеологии вызывала интерес еще в начале прошлого столетия, но политическая лингвистика как самостоятельное научное направление возникла во второй половине XX века. Обращаясь к истокам современной политической лингвистики, историки этой науки, помимо филологов, исследовавших социальные аспекты функционирования языка, называют английского писателя Джорджа Оруэлла и немецкого литературоведа Виктора Клемперера. Первый из них написал в 1948 году роман-антиутопию «1984», в приложении к которому были описаны принцип «двоемыслия» (*doublethink*) и образцы «новояза» (*newspeak*), то есть на конкретных примерах были охарактеризованы способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве.

Дж. Оруэлл наглядно показал, каким образом при помощи языка можно заставить человека поверить лжи и считать ее подлинной правдой, как именно можно положить в основу государственной идеологии оксюморонные лозунги «Война — это мир», «Свобода — это рабство» и «Незнание — это сила».

Пророческий дар Дж. Оруэлла постоянно отмечают современные специалисты по политической пропаганде: иногда кажется, что

именно по рецептам «новояза» советские войска в Афганистане решили называть ограниченным контингентом, а саму эту войну — интернациональной помощью.

Описанный Джорджем Оруэллом «новояз» был плодом его фантазии. Виктор Клемперер подробно охарактеризовал «новояз», за которым он имел несчастье наблюдать 12 лет. Книга «ЛТИ. Записная книжка филолога» (издана в 1947 году) была посвящена коммуникативной практике германского фашизма, а буквы «ЛТИ» в ее названии обозначают «Лингвистика Третьей империи». Следует отметить, что практика нацистского «новояза» была значительно многообразнее и изощреннее созданной Джорджем Оруэллом теории.

Например, оказалось, что вовсе не обязательно запрещать то или иное выражение — достаточно взять его в кавычки. Например, «*немецкий поэт*» Гейне — это уже совсем не немецкий и не совсем поэт; соответственно написание «*выдающийся ученый*» Эйнштейн позволяет поставить под сомнение гениальность выдающегося физика.

Позднее появилось описание коммунистического «новояза» и языкового сопротивления ему в Польше (А. Вежбицка), России (Н. А. Купина) и других государствах существовавшего во второй половине прошлого века социалистического лагеря. Например, в советском политическом дискурсе очень значимыми были политические определения, кардинально преобразующие смысл и эмоциональную окраску слова. Например, в советском «новоязе» *буржуазный гуманизм* или *абстрактный гуманизм* — это вовсе не человеколюбие, а негативно оцениваемое проявление слабости, недостаточная твердость по отношению к политическим противникам и просто представителям «эксплуататорских классов».

С другой стороны, в качестве *социалистического гуманизма* могли быть представлены жестокие действия «против классово чуждых элементов», особенно если эти действия воспринимались как полезные «для трудового народа» в его «классовой борьбе».

Например, в некоторых учебных пособиях как пример социалистического гуманизма описывался эпизод из романа Александра Фадеева «Разгром»: командир партизанского отряда Левинсон «экспроприрует» (проще говоря, отбирает) у крестьянина свинью, чтобы обеспечить пищей голодных партизан.

Публикации многих других специалистов по политической лингвистике (Р. Водак, Д. Вотс, Т. А. ван Дейк, Дж. Лакофф, К. Хаккер, Л. Хан, Й. Хейзинга, Н. Хомский и др.) отражают коммуникативную практику современных западных демократий. Эти исследования показали, что и в условиях демократии постоянно используется языковая манипуляция сознанием, но это более изощренная манипуляция. Политика — это всегда борьба за власть, и в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Например, опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов», но хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам. Умелый специалист будет предлагать бороться за социальную справедливость, за «сокращение пропасти между богатыми и бедными», и не всякий избиратель сразу поймет, что это может быть призывом к повышению прямых или косвенных налогов, а платить их приходится не только millionaireам.

В нашей стране формирование политической лингвистики как особого научного направления происходило в последнее десятилетие XX века, чему способствовали как бурные изменения в политическом языке, отражавшие коренные социальные преобразования в постсоветской России, так и появление возможности открыто выражать свои взгляды, использовать опыт западной политической науки. Вместе с тем показательно, что до настоящего времени специалистам приходится обосновывать использование самого наименования «политическая лингвистика». Так, П. Б. Паршин пишет: «В названии настоящей статьи присутствует выражение “политическая лингвистика”, которое может вызвать вполне обоснованную оторопь. Оно, однако, имеет некоторую историю употребления (международная конференция, в названии которой присутствовало это выражение, прошла в Антверпене еще в декабре 1995 года), да и к тому же проще и понятнее, чем “теория политического дискурса” и тому подобные обозначения соответствующей сферы исследований. Еще одним аргументом в пользу этого названия является то, что оно устроено ровно так же, как уже привычное “политическая психология”: определение в составе обоих

названий относится не к самой дисциплине, а к ее объекту» [Паршин, 2001, с. 181]. Высказанные опасения представляются напрасными: исследования в области политической лингвистики становятся все более глубокими и разнообразными, а название этого раздела науки не вызывает не только оторопи, но и удивления.

Специфика современной российской политической речи в последние годы активно обсуждается специалистами (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Н. А. Безменова, А. Д. Васильев, И. Т. Вепрева, С. И. Виноградов, О. И. Воробьева, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, О. С. Иссерс, Е. Г. Казакевич, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, Н. А. Купина, П. Б. Паршин, Г. Г. Почепцов, Л. И. Скворцов, Т. Г. Скребцова, Ю. А. Сорокин, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов, В. Н. Шапошников, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал и др.). Повышенное внимание современных специалистов к исследованию политической речи связано еще и с тем, что в советский период едва ли не всякая публикация по проблемам политической речи была априорно скомпрометирована. Как известно, в условиях жесткой цензуры и самоцензуры было крайне сложно объективно охарактеризовать особенности речи как коммунистических лидеров (идейная чистота и высокая должность как бы предопределяли их речевое мастерство), так и их политических противников; допускались лишь своего рода «советы» пропагандистам, стремящимся увеличить воздействие своей пропаганды, а также рекомендации журналистам по проблемам «языка и стиля» в средствах массовой коммуникации и критический анализ языка «буржуазной» прессы. Положение изменилось только после начала «перестройки», когда гласность сделала возможной публикацию более объективных исследований.

В современной отечественной политической лингвистике сформировалось несколько относительно автономных, хотя и взаимосвязанных направлений. Возможна классификация современных отечественных политико-лингвистических исследований по используемым методам исследования, по изучаемому периоду, по рассматриваемому языковому уровню и некоторым другим основаниям. Рассмотрим основные противопоставления, выявляющиеся при анализе конкретных публикаций.

1.1.1. Исследования в области теоретических основ политической лингвистики — анализ конкретных единиц в рамках политических текстов

К первой группе относятся публикации, авторы которых стремятся осмыслить общие категории политической лингвистики, сформулировать теоретические основы этой науки, охарактеризовать ее понятийный аппарат и терминологию (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, О. И. Воробьева, Ю. Н. Караулов, Л. П. Крысин, Н. А. Купина, А. К. Михальская, П. Б. Паршин, Г. Г. Почепцов, Л. И. Скворцов, Ю. А. Сорокин, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Так, в учебнике А. Н. Баранова [2001] политическая лингвистика представлена как одно из направлений прикладной лингвистики, охарактеризованы предмет, задачи и методы указанного научного направления. В исследовании П. Б. Паршина [1999] рассмотрены понятие идиополитического дискурса, методологические основы политической лингвистики и специфика политического языка. В монографии Е. И. Шейгал [2000] даны определения основных понятий политической лингвистики, представлена общая характеристика политического языка и политического дискурса, рассмотрены вопросы категоризации мира политики в знаках политического дискурса и интенциональные характеристики политического дискурса, проанализирован ряд политических жанров. Автор приходит к выводу, что в политическом дискурсе обнаруживается «примат ценностей над фактами, преобладание воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным» [Шейгал, 2000, с. 46]. Характерными признаками языка политики, по мнению исследователя, являются смысловая неопределенность (политик часто предпочитает высказывать свое мнение в максимально обобщенном виде), фантомность (многие знаки политического языка не имеют реального денотата), фидеистичность (иррациональность, опора на подсознание), эзотеричность (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным), дистанцированность и театральность.

Оригинальная концепция представлена в книгах О. И. Воробьевой «Политическая лексика. Семантическая структура. Текстовые коннотации» [1999] и «Политическая лексика. Ее функции в совре-

менной устной и письменной речи» [2000]. Рассматривая теоретические основы политической лингвистики, автор прямо соотносит функции политической лексики с функциональным стилем и детально рассматривает номинативную функцию указанной лексики (в рамках официально-делового стиля), ее аксиологическую и прагматическую функции (в рамках публицистики) и эстетическую функцию (в рамках художественных текстов). В других разделах представлено подробное описание семантической структуры и текстовых смыслов ключевых слов политического языка (*политика* и *политический*; *партия* и *партийный*; *буржуазия* и *буржуазный*; *социализм* и *социалистический*; *советы* и *советский*). Подобное совмещение в рамках одной публикации теоретического осмысления проблемы и конкретного описания отдельных явлений характерно и для многих других исследований.

1.1.2. Изучение советского «новояза» — исследование современного политического языка

При «хронологической» (ориентированной на исследуемый исторический период развития русского политического языка) классификации противопоставляются публикации, посвященные, с одной стороны, «тоталитарному языку» советского периода, а с другой — современной политической коммуникации (начиная с «перестройки»). Ярким примером исследований первого типа может служить монография Н. А. Купиной «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» (1995), в которой тщательно рассматривается словарь советских идеологов, относящихся к политической, философской, религиозной, этической и художественной сферам, а также языковое сопротивление и языковое противостояние коммунистической идеологии внутри России. В монографии А. П. Романенко «Советская словесная культура: образ риторика» [2000] представлено детальное описание советского риторического идеала, образа «идеального» советского риторика. На основе учения Ю. В. Рождественского об этосе, пафосе и логосе А. П. Романенко рассматривает условия речевой деятельности советского риторика (этос), направленность содержания его выступлений в зависимости от вида речи (пафос) и средства языкового выражения применительно к условиям и направленности содержания (логос).

Проблемы «русско-советского языка» и языкового сопротивления исследуют также Ю. А. Бельчиков [2000], А. А. Ворожбитова [1999; 2000], С. Ю. Данилов [1999], В. И. Жельвис [1999], Н. А. Кожевникова [1998], С. Кордонский [1994], Э. Лассан [1995], Ю. И. Левин [1998], В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина [1998], Б. Ю. Норман [1994], Е. А. Покровская [2001], Г. Г. Почепцов [1994], Р. И. Розина [1991], П. Серио [1999], А. П. Чудинов [1997] и целый ряд других авторов. Их работы показывают, что в политическом языке советской эпохи действительно существовала «диглоссия» (по А. Вежбицка [1993]), точнее, использовалось несколько «диалектов» (официальный, диссидентский, обывательский, «потаенный»). Как справедливо отмечает Максим Кронгауз, неверно считать, что «русский язык в советскую эпоху был неуклюж, бюрократичен и малопонятен. Таким была только одна из его форм, а именно «новояз», но другим «новояз» быть и не мог. Его устройство определялось его предназначением» [Кронгауз, 1999, с. 139]. Следует подчеркнуть, что советский «новояз» — это не язык всего советского народа, а **официальный** язык тоталитарного общества. Бюрократичность, «двоемыслие» (по Дж. Оруэллу), максимальная обезличенность, эзотеричность (наличие смыслов, понятных только специалистам), ритуальность — это естественные свойства официальной политической коммуникации, которые в той или иной мере присутствуют и во многих современных политических текстах официального (и не только официального) характера. Разумеется, бюрократическим и неуклюжим был не русский язык, а коммуникативная деятельность большинства советских лидеров, речевая практика которых если не считалась образцовой, то по меньшей мере воспринималась как наиболее соответствующая духу эпохи.

Если же сравнивать русско-советский язык и русский политический язык новейшего времени, то следует отметить, что в прошлом осталась жесткая регламентация, которая определяла строгое следование всевозможным нормам (языковым, речевым, жанровым, этическим, композиционным и иным) и ограничивала проявления индивидуальности. Эта регламентация в каких-то случаях играла положительную роль (например, не допускала использования грубопросторечной и жаргонной лексики, ограничивала поток заимство-

ваний), но именно она и обуславливала те качества «советского» языка, которые в одних случаях вызывают его критику, а в других — некоторую ностальгию.

1.1.3. Нормативный и дескриптивный подходы к изучению политического языка

В современной отечественной политической лингвистике отчетливо разграничиваются дескриптивный (описательный) и нормативный подходы к оценке инноваций. В первом случае авторы фиксируют новые явления, не стремясь при этом дать им позитивную или негативную оценку. Во втором случае новые явления «подвергаются досмотру» с позиций традиционной речевой нормы; высказывается даже мысль о необходимости создания лингвоэкологии — особой науки, призванной «защищать» классический русский язык [Скородников, 1996]. Авторы подобных работ тщательно фиксируют всевозможные реальные и мнимые недостатки в речи российских политиков и журналистов, справедливо демонстрируя при этом, что отечественная политическая элита по своему риторическому мастерству еще очень далека от Демосфена и Цицерона, что прямой телеэфир слишком безжалостен и что напрасно в некоторых газетах сократили должности литературного редактора и корректора. Нередко в подобных работах критика современной речи и сетования на общую «порчу» русского языка совмещаются с критикой современной политической ситуации и современных политических лидеров.

Как известно, речевое творчество современных политиков и журналистов едва ли не основной источник беспокойства лингвистических пуристов, потому что многочисленные нарушения традиционных литературных норм вызывают тревогу и у общества в целом. Подборки «перлов» политического слога стали в последние годы постоянной рубрикой многих авторитетных средств массовой информации («Литературная газета», «Аргументы и факты», «Итого», «Комсомольская правда» и др.), речевые ошибки политиков и журналистов нередко становятся и предметом тщательного разбора профессиональных филологов.

Среди лучших публикаций рассматриваемого типа можно назвать книгу М. В. Горбаневского, Ю. Н. Караулова и В. М. Шаклеи-

на «Не говори шершавым языком» [1999], в которой проанализированы наиболее типичные нарушения норм русской литературной речи в электронных и печатных средствах массовой информации. Как справедливо отмечает редактор указанного издания Ю. А. Бельчиков, задача таких публикаций — это вовсе не фиксация ошибок конкретного автора: «Принципиально важно, проводя систематические наблюдения над языковой жизнью современного общества, стремиться выявить тенденции в использовании языковых средств, в их функционировании в повседневной речевой коммуникации, в различных ее сферах, “участках” — социокультурных, функционально-стилистических, жанрово-тематических» [Там же, с. 3]. Конкретные примеры коммуникативных неудач и их теоретическое осмысление, рекомендации по предупреждению ошибок широко представлены и в ряде других публикаций [Агеенко, 1996; Баранов, Казакевич, 1991; Виноградов, 1993; *Культура парламентской речи*, 1994 и др.]. Вместе с тем заслуживает несомненного внимания позиция специалистов, которые подчеркивают, что современный русский язык находится в состоянии динамичного развития, а многочисленные ошибки конкретных политиков и журналистов могут служить свидетельством низкой речевой культуры лишь отдельных носителей русского языка [Земская, 1996]. Теоретическое осмысление проблем современного состояния и динамики развития русского языка представлено в публикациях Г. А. Золотовой, В. Г. Костомарова, М. Кронгауза, Л. П. Крысина, Л. И. Скворцова, Е. Н. Ширяева.

Кардинальные социальные изменения всегда вызывают крупные преобразования в языке (вспомним утрату российской государственности в XIII веке, «Смутное время» на рубеже XVI и XVII столетий, Петровские реформы или Гражданскую войну в начале прошлого века), но никакие политические катаклизмы не способны погубить или хотя бы «испортить» русский язык. Его развитие продолжается, в нем обнаруживаются новые ресурсы, а явления, пугавшие современников, бесследно уходят или начинают восприниматься как вполне естественные и необходимые. Поэтому нужно быть крайне осторожным при оценке новых феноменов и не путать косноязычие некоторых политиков с деградацией русского языка.

1.1.4. Автономное исследование отдельных аспектов политического языка

Значительный интерес представляют исследования, ориентированные на автономное изучение отдельных уровней современного политического языка (фонетики, лексики и фразеологии, синтаксиса). Наиболее заметны изменения в лексике и фразеологии. Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы. Поэтому вполне закономерно множество исследований по проблемам политического лексикона постсоветского периода. Очень интересны лексикографические издания, фиксирующие новые явления в русской лексико-фразеологической системе постсоветской эпохи: подготовленный под руководством В. И. Максимова «Словарь перестройки» [1992], «Словарь новых значений и слов языка газеты» С. В. Молокова и В. Н. Киселева [1996], «Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики)» А. Б. Новикова [1999], «Словарь выразительных средств языка политика» Л. Г. Самотик [2002] и др. Лексико-фразеологические инновации в политической речи последних лет многоаспектно проанализированы в публикациях А. Д. Васильева [2000], О. И. Воробьевой [2000], О. П. Ермаковой [1996], Е. А. Земской [1996], В. Г. Костомарова [1999], Н. В. Черниковой [2001] и ряда других лингвистов.

Не менее ощутимы изменения стилистической системы русского национального языка и процессы его пополнения заимствованной лексикой. По справедливому замечанию Л. П. Крысина, для русского литературного языка конца XX века особенно характерны два явления: интенсификация процессов заимствования иностранных слов и «сильнейшее влияние жаргонной и просторечной языковой среды» [2000, с. 30]. О. И. Воробьева [2000] выделяет «стилистическое снижение» в качестве основной тенденции современной политической речи. Активное использование в современной политической речи просторечных и жаргонных слов отмечают и многие другие исследователи (А. Д. Васильев, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров).

В монографии В. Н. Шапошникова «Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении» [1998] сделана попытка охарактеризовать не только лексико-фразеологические и стилистические изменения, но и новые процессы в фонетике, словообразовании, морфологии и синтаксисе, связанные преимущественно с изменением «языковой моды» и ориентацией значительной части говорящих на новую политическую и экономическую элиту как своего рода «речевой идеал». Кардинальных изменений в фонетике и грамматике не произошло, но русский язык продолжает свое развитие.

1.1.5. Исследование жанров и стилей политического языка

Значительное количество публикаций посвящено изучению специфики отдельных жанров и стилей политического языка. Так, А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич [1991] и С. И. Виноградов [1993] рассматривают специфику парламентских дебатов; М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова пишут о «коммуникативном пространстве митинга» [1995]; А. А. Романов и Л. А. Романова анализируют жанр политической сплетни [2002]; А. Плущер-Сарно находит в выступлениях депутатов Государственной думы признаки традиционных жанров пародии, плача, исповеди и пасквиля [1999].

Особое внимание современных лингвистов привлекает язык средств массовой информации [Александрова, 2002; Володина, 2001; Евстафьев, 2001; Какорина, 1996; Кобозева, 2001; Костомаров, 1999; Михальская, 2001; Rogozina, 2001; Руберт, 2001 и др.]. Специфика телевизионной политической речи рассматривается в публикациях А. Д. Васильева [2000], М. А. Канчер [2002], Н. Г. Мартыненко [2000], Т. И. Поповой [2002] и ряда других языковедов.

Специальные исследования посвящены анализу настенных надписей [Гудков, 1999], лозунгов [Баранов, 1993; Енина, 1999; Левин, 1998], жанра проработки [Данилов, 1999], предвыборной полемики [Ряпосова, 2002], политического скандала [Шейгал, 2000]. В исследовании Н. А. Купиной выделены пять используемых в современных избирательных кампаниях блоков жанров влияния на адресата: жанры протеста, поддержки, рационально-аналитические и аналитико-статистические жанры, юмористические жанры и виртуально ориен-

тированные низкие жанры. Автор отмечает и типичные для выделенных жанров метафорические образы: в частности, в жанре поддержки активно используется «семейная» метафора — образы «отца родного», «благодарного сына», «единой семьи» [Кутина, 2000, с. 223]. В целом специалисты отмечают постоянное расширение и обновление жанрового и стилистического арсенала в современной российской политической речи.

1.1.6. Исследование идиостилей отдельных политических лидеров, политических направлений и партий

Значительный интерес представляют публикации, посвященные идиолектам ведущих политических лидеров современной России. Так, Ю. А. Сорокин [1999] ставит перед собой задачу реконструировать психопортрет Григория Явлинского, в статье В. Н. Базылева [1999] по специальной методике исследуются речевые автопортреты Бориса Немцова, Александра Коржакова, Егора Гайдара, Валерии Новодворской, Александра Лебеда. В работах Т. С. Вершининой проанализированы особенности использования метафоры в текстах девяти современных российских политических лидеров [2001; 2002]. А. Г. Алтунян [1999] предлагает речевые портреты лидеров наиболее крупных партий (В. В. Жириновского, Б. Е. Немцова, Г. А. Зюганова и др.) в сопоставлении с политическими портретами российских политических лидеров прежних эпох. А. К. Михальская анализирует речевые особенности современных политических лидеров на основе детального анализа их интервью [1999]. Языковеды стремятся также охарактеризовать роль идиостиля в формировании харизматического восприятия политика, обращаются к особенностям речи конкретных политических лидеров [Белкина, 2002; Булгакова, Захаренко, Красных, 1999; Дорожкина, 1997; Прохорова, 2002; Ухванова-Шмыгова, 2002].

В отдельную группу следует выделить исследования, посвященные взаимосвязи политической позиции и речевых средств ее выражения. Так, Е. Родионова описывает националистический дискурс газеты «Завтра» [2000], Е. В. Какорина рассматривает стилистический облик оппозиционной прессы [1996], политический дискурс

оппозиции анализирует и А. Дука [1998]. Т. С. Вершинина в результате сопоставительного рассмотрения идиостилей девяти ведущих политических лидеров современной России делает вывод о том, что «политические экстремисты (независимо от их принадлежности к правому или левому флангу политического спектра), как правило, более склонны использовать метафорические образы» [2002, с. 21]. А. Б. Ряпосова отмечает повышенную агрессивность речи ряда современных политиков, придерживающихся националистических и коммунистических взглядов [2001]. Едва ли не все авторы отмечают, что в постсоветский период речевые портреты политиков становятся более узнаваемыми, ярче проявляется индивидуальность, но не все черты такого рода индивидуальности заслуживают одобрения.

1.1.7. Дискурсивное исследование коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик

Интересный анализ современного речевого ритуала и коммуникативных ролей как реализации социального статуса представлен в работах волгоградских ученых [Бакумова, 2002; Карасик, 2002; Шейгал, 2000]. Наиболее полное описание типичных для политической коммуникации стратегий и тактик представлено в публикациях О. С. Иссерс (1996; 1997; 1999). А. А. Филинский рассматривает стратегию манипуляции в современном политическом дискурсе, подробно характеризует такие ее приемы, как делегитимизация, диффамация, солидаризация [2001; 2002], в диссертации В. М. Амирова охарактеризованы стратегии устрашения, самовосхваления и лести [2002], в диссертации П. О. Мироновой [2003] исследована стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе, в статье Н. Б. Руженцевой рассмотрены дискредитирующие тактики в современной политической речи. Ритуалы в современном политическом дискурсе рассматривают А. Н. Баранов [1997], Д. Б. Гудков [1998] и Е. И. Шейгал [2000].

Важное место в исследованиях политической коммуникации занимает критический анализ (по Т. А. ван Дейку [1989] и Р. Водак [1997]) проявлений социального неравенства и коммуникативных манипуляций сознанием адресата. Многие специалисты (М. Р. Желтухина, О. С. Иссерс, Н. А. Купина, Л. М. Майданова, А. А. Романов,

Н. Б. Руженцева, А. Б. Ряпосова, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал и др.) отмечают повышенную агрессивность современной политической речи, в том числе активное использование конфронтационных стратегий и тактик речевого поведения (угрозы, игнорирование, дискредитация, ложь, наклеивание ярлыков, оскорбления и др.). Так, по наблюдениям В. Н. Шапошникова, в речи современных российских политических лидеров нередко «встречаются такие оскорбительные выражения, как *недоумки, популисты, спекулянты, политическая паранойя, бредовые прожекты*» [Шапошников, 1998, с. 157]. В публикациях В. И. Жельвиса [1997; 1999] рассмотрены многочисленные примеры использования бранных выражений (в том числе с использованием метафоры) в современной агитационно-политической речи. Разнообразные виды речевой агрессии в средствах массовой коммуникации проанализированы Л. М. Майдановой и ее соавторами в книге «Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации» [1997]. Специфика проявления речевой агрессии в различных политических жанрах детально исследована А. Н. Барановым [1993], Д. Б. Гудковым [1999], Л. В. Ениной [1998], А. Б. Ряпосовой [2002] и Е. И. Шейгал [2000].

Рассмотренные публикации свидетельствуют, что современный политический дискурс отличается значительным арсеналом коммуникативных ролей, стратегий и тактик. Показательно, что речевая агрессивность в ее разнообразных проявлениях особенно возрастает в периоды обострения социальной ситуации и во время избирательных кампаний.

1.1.8. Когнитивные и традиционные методы исследования политической коммуникации

Яркий признак современных исследований в области политической коммуникации — использование разнообразной методологии. С этой точки зрения выделяются исследования, выполненные с использованием методик, характерных для когнитивистики, лингвокультурологии, лингвистики текста, социолингвистики, риторики и культуры речи. Многие современные исследования ориентированы на использование методов когнитивной лингвистики, в том числе теории метафорического моделирования (А. Н. Баранов, Ю. Н. Ка-

раулов, М. В. Зими́на, И. М. Кобозева, Е. В. Колотни́на, А. Б. Ряпосова, Т. Г. Скребцова, А. В. Степаненко, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов). Важное место в этом отношении занимают публикации А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, и особенно по проблемам выделения и представления метафорических моделей (см. вводные разделы словаря «Русская политическая метафора» [1991] и «Словаря русских политических метафор» [1994], в которых дано определение метафорической модели, выделены ее структурные части, охарактеризованы языковые способы оживления метафоры, ее функции в политических текстах и др.). Сами указанные словари являются блестящим образцом конкретного описания метафорических моделей. Когнитивная характеристика ведущих моделей метафорического описания современной политической реальности представлена в монографии А. П. Чудинова [2001]. В ней отмечено, что в постсоветских агитационных текстах российские политические реалии регулярно метафорически представляются то как живой организм, то как некий механизм, то как растение или животное, то как находящийся в пути человек (или транспортное средство); в других случаях политическая ситуация моделируется в метафорах, восходящих к военной или криминальной сфере, к миру спорта или зрелищных искусств.

Значительный интерес вызывают публикации, авторы которых стремятся выяснить, как именно метафорически представляется тот или иной политический феномен. Например, Т. Г. Скребцова [2002] выявила специфику метафорического отражения современного российского внешнеполитического дискурса. Ю. Б. Феденева [1997; 1998] подробно рассматривает воздействие крупнейших политических событий в России первой половины 90-х годов XX века (референдум, путч, выборы) на употребительность и особенности реализации указанных выше моделей. Новая политическая реальность (а, возможно, и своего рода «мода») рождает новые фреймы и слоты известных моделей, определяет повышение или понижение частотности метафорических словоупотреблений, соответствующих той или иной модели.

Ряд публикаций посвящен когнитивной характеристике отдельных метафорических моделей, активных в политическом дискурсе

современной России. Так, в посвященной концепту «деньги» статье Е. Ю. Булыгиной [1999] рассматриваются, помимо прочего, относящиеся к финансовой сфере метафорические наименования в современных публицистических текстах; Н. В. Багичева [2000] анализирует метафору родства, А. Б. Ряпосова [2001] — метафорические модели, имеющие источником военную и криминальную сферы. Ориентационные (левый — правый) и цветовые политические метафоры (красный, коричневый, зеленый и др.) исследует Е. И. Шейгал [2000].

При социолингвистическом подходе к изучению политических текстов выясняется, что политический дискурс российского общества в последнее десятилетие XX века отличается кардинальным обновлением содержания и формы коммуникативной деятельности (П. Б. Паршин, М. Н. Эпштейн и др.). Новый политический дискурс отличается стремлением к индивидуальному («фирменному») стилю, экспрессивностью, а также яркостью, граничащей с карнавальностью; раскрепощенностью, граничащей со вседозволенностью и политическим хамством. Специфику этого дискурса в значительной степени определяют и характерные для социального сознания концептуальные векторы тревожности, подозрительности, неверия и агрессивности, ощущение «неправильности» существующего положения дел и отсутствия надежных идеологических ориентиров, «национальной идеи», объединяющей общество. Как это часто бывает в революционные эпохи, общественное сознание чрезвычайно быстро наполняется необъяснимым доверием не только к некоторым политическим лидерам и партиям, но даже и к некоторым политическим терминам и метафорам, но столь же стремительно и утрачивает эти иллюзии.

Значительный интерес представляют публикации, подготовленные с использованием методик политической психолингвистики, во многом заимствованных из психопоэтики [Бабылев, 1999; Белянин, 1999; Сорокин, 1999 и др.].

Во многих публикациях используется методика лингвостилистического анализа. Так, в монографии Н. А. Кузьминой [1999] представлено детальное описание метафорической модели «Жизнь — это театр», традиционно широко представленной в художественных тек-

стах и активно используемой в современных публицистических текстах. Эта же метафорическая модель (с детальной характеристикой обозначаемых политических явлений) подробно рассматривается в монографиях Е. И. Шейгал [2000] и А. П. Чудинова [2001]. Анализ подобных метафор показывает, что они, как правило, подчеркивают типовые смыслы «фальшь», «двуличие», «несамостоятельность» многих политических деятелей, что эта модель практически всегда несет негативную оценку.

В работе О. П. Ермаковой [1996] описаны характерные для современных СМИ тематические группы метафор «Война», «Дом», «Дорога», «Болезнь», «Животные». На широкую распространенность метафорических номинаций в публицистике постсоветского периода указывает В. Г. Костомаров [1998] и целый ряд других авторов [Булыгина, 1999; Какорина, 1996; Крючкова, 1991; Чепкина, 2000; Шапошников, 1998 и др.]. Метафора рассматривается как одно из средств не прямой коммуникации, оценочности и намеренной смысловой неопределенности политических высказываний (Базылев, 1999; Дементьев, 2000; Шейгал, 2000 и др.).

Особое место занимают исследования, в основе которых лежат методы, приемы и терминология традиционной и обновляющейся риторики. К этому направлению относится учебное пособие А. К. Михальской «Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике» [1996], публикации В. И. Аннушкина [1997], А. А. Воровжитой [1999] и др.

Целый ряд исследований выполнен с использованием методик сравнительно-исторического языкознания, посвящен истокам современных политических метафор.

Так, в монографии Л. В. Балашовой [1998] на широком историческом фоне рассмотрен ряд моделей социальной метафористики. Она отмечает активность моделирования социальных отношений по аналогии с родственными связями и по аналогии с противопоставлением «своего» и «чужого», моделирование иерархических отношений по аналогии с ролями «старшего и младшего» члена семьи, а также развитие модели имущественных отношений (например, приобретение или утрата покоя). Автор делает важный вывод о том, что «характерная особенность именно социальной макромоделей — тенден-

ция к постоянной оценочной характеристике именуемых явлений» [Балашова, 1998, с. 193].

Многообразие используемых методов и методик обогащает политическую лингвистику: каждый метод имеет свои достоинства и позволяет обнаружить некоторые факты и закономерности, не привлекавшие внимания исследователей, принадлежащих к иным научным школам.

1.1.9. Сопоставительные исследования

Совершенно особое место занимают публикации, посвященные сопоставительному анализу политической коммуникации в России и других государствах [Бакумова, 2002; Болотова, Цинкен, 2001; Желтухина, 2000; Каслова, 2002; 2003; Кожневска-Берчинска, 1999; Колотнина, 2001; Муране, 2001; Степаненко, 2001; Шейгал, 2000; Шмелева, 2001 и др.]. Так, в выполненной на материале русских и английских текстов диссертации Е. В. Колотниной [2001] представлена детальная характеристика метафорических моделей, использующихся в экономической сфере. В статье Т. В. Шмелевой [2001], подготовленной на польском и русском материале, подробно охарактеризованы политические метафоры из понятийной сферы источника «Медики, болезни и лекарства». Работа С. Н. Муране [2001] посвящена военным метафорам в современных русских и латышских политических текстах. В статьях А. А. Касловой [2002; 2003] рассматриваются закономерности метафорического моделирования президентских выборов в США и России. В монографии М. Р. Желтухиной освещаются особенности представления комического в политическом дискурсе России и Германии [2000], Е. И. Шейгал тщательно анализирует специфику российского и англоязычного политического дискурса [2000].

Сопоставление политической коммуникации различных стран и эпох позволяет отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, «общечеловеческое» и свойственное только тому или другому национальному дискурсу. Все это способствует лучшему взаимопониманию между народами и межкультурной толерантности. Вместе с тем показательно, что для авторов сопоставительных исследований, как правило, не характерен обличи-

тельный пафос: изучение зарубежной политической коммуникации показывает, что многие ее свойства, казавшиеся исключительно российскими пороками, обнаруживаются и в политических дискурсах самых демократичных стран.

1.1.10. Политическая лингвистика «в маске» и «без маски»

Как показывает представленный обзор, в последние годы политическая лингвистика превратилась в самостоятельное направление лингвистических исследований. Принадлежность публикаций к этому направлению часто отражается в их названиях, при формулировании цели и задач исследования, при определении предмета и объекта изучения, при характеристике материала, лежащего в основе работы. Примером могут служить уже рассматривавшиеся выше словари А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1991; 1994], В. И. Максимова [1992], В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [1998], монографии И. Т. Вепревой [2002], Н. А. Купиной [1995], Э. Лассан [1995], А. П. Чудинова [2001], Е. И. Шейгал [2000], диссертации Е. В. Бакумовой [2002], Т. С. Вершининой [2002], А. Б. Ряпосовой [2002], А. А. Филинского [2002], Ю. Б. Феденевой [1998], учебные пособия и их разделы А. Н. Баранова [2001], О. И. Воробьевой [1999; 2000] и др. Во многих других случаях исследования по политической коммуникации представляются читателям как бы «в маске», то есть без акцентирования собственно лингвополитической сущности публикации. Можно выделить несколько вариантов такой «маскировки».

Во-первых, некоторые авторы представляют свои результаты как относящиеся к современному русскому языку в целом. Яркими примерами могут служить монография В. Н. Шапошникова «Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении» [1998] и монография О. С. Иссерс «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» [1999], основным материалом для которых послужили политические тексты. Разумеется, подобные публикации должны быть учтены при определении общих тенденций развития русской политической коммуникации.

Во-вторых, материалы по исследованию политической коммуникации часто представляются как результаты изучения языка средств массо-

вой информации. Примерами могут служить монография А. Д. Васильева «Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении» [2000], статьи Л. И. Гришаевой [2002], Е. В. Каториной [1996], Е. Родионовой [2000] М. А. Ягубовой [2001]. Как известно, политический дискурс пересекается с языком СМИ, и далеко не всегда возникает необходимость (и возможность) однозначно отнести материалы публикации к тому или другому дискурсу. Многие из публикаций, названных в представленном выше обзоре, изначально ориентированы на изучение речевой организации СМИ, но материалы этих исследований очень важны и для постижения специфики современной политической коммуникации. Среди других источников сведений по политической лингвистике можно назвать исследования по культуре речи, по лексикологии и фразеологии, по теории и практике журналистики, по психологии, социологии и политологии.

Разумеется, представленный обзор не является полным: крайне сложно даже просто перечислить все современные публикации, имеющие то или иное отношение к политической лингвистике. Но этот обзор отражает тот интерес, который проявляется в современной лингвистике к русской политической речи, и то многообразие материала, методик, аспектов анализа и позиций, которое характерно для современной отечественной науки. В наиболее общем виде каждое конкретное современное исследование в области отечественной политической лингвистики можно охарактеризовать с использованием следующей системы не всегда эксплицитно выраженных противопоставлений:

- 1) исследования в области общей теории политической лингвистики — описание отдельных элементов политического языка;
- 2) изучение советского «новояза» — исследование современного политического языка;
- 3) поуровневый анализ языка (в том числе лексики, фонетики, словообразования, морфологии, синтаксиса) — исследование текста и дискурса (в том числе коммуникативных стратегий и тактик, проявлений речевой агрессии и др.);
- 4) нормативный подход (анализ с позиций соответствия норме, обычно критический, с призывами к борьбе с «порчей»

русского языка) — дескриптивный (описательный) подход, то есть фиксация и изучение новых явлений без их оценки;

- 5) изучение отдельных политических жанров, стилей, нарративов и текстов — исследование общих признаков политического языка.
- 6) исследование идиостилей отдельных политических лидеров, политических направлений и партий — изучение общих закономерностей политического языка;
- 7) дискурсивное изучение коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик — лингвистическое изучение политического языка;
- 8) когнитивное исследование политической коммуникации — традиционное исследование политической коммуникации;
- 9) изучение отечественной политической речи — сопоставительные исследования, выявление общих и особенных признаков политических дискурсов различных стран и эпох;
- 10) собственно политическая лингвистика — материалы по политической лингвистике, содержащиеся в исследованиях, ориентированных на смежные области науки.

Важно подчеркнуть, что во многих публикациях используются разнообразные методы и приемы изучения политической коммуникации, совмещаются нормативный и описательный аспекты исследования, последовательно изучаются различные языковые уровни и текстовые характеристики, привлекаются материалы, относящиеся к разным этапам развития русского политического языка.

1.2. Понятийный аппарат и терминология политической лингвистики

Среди направлений современного языкознания существуют такие, которые объединяются однотипностью методологии, в них существуют признаваемые большинством исследователей постулаты и принципы (к числу подобных направлений относятся, например, сравнительно-историческое языкознание, психолингвистика, когни-

тивная лингвистика). Исследования по политической лингвистике объединяются прежде всего изучаемым материалом (политический язык, политические тексты, политический дискурс), а поэтому в данной области знаний до настоящего времени не существует единой теоретической основы, методологии и терминологии. Однако необходим некоторый понятийный и терминологический минимум, без которого невозможно хотя бы элементарное взаимопонимание между специалистами и тем более систематическое изложение основ политической лингвистики. Один из возможных наборов базисных понятий и терминов (не претендующий, однако, на общепризнанность) представлен в настоящем параграфе.

1.2.1. Политический язык

Вопрос о существовании политического языка как особой знаковой подсистемы в составе национального языка является дискуссионным. Так, А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич считают, что «политический язык — это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации» [1991, с. 6]. Противоположное мнение высказывает П. Б. Паршин: «Совершенно очевидно, что чисто языковые черты своеобразия политического дискурса немногочисленны и не столь просто поддаются идентификации. То, что обычно имеется в виду под языком политики, в норме не выходит за рамки грамматических, да, в общем-то, и лексических норм соответствующих идиоэтнических («национальных») языков — русского, английского, немецкого, арабского и т. д.» [1999].

Специальные исследования (*Воробьева*, 2000; *Серю*, 1995; *Шапошников*, 1998 и др.) свидетельствуют, что даже при самом тщательном рассмотрении русских политических текстов в них невозможно обнаружить какие-либо фонетические, морфологические и синтаксические явления, отсутствующие в других подсистемах русского национального языка (за исключением случаев активизации некоторых грамматических конструкций). Абсолютное большинство специфических явлений в политической речи относится к лексико-фразеологическому уровню. На этом основании подвергается сомнениям даже само использование термина «язык» по отношению к предмету нашего изучения. И действительно, кажется вполне обос-

нованным вопрос: можно ли называть языком одну из лексико-фразеологических подсистем современного литературного языка?

Однако хорошо известно, что в разговорной, научной или официально-деловой речи специфических признаков не меньше, чем в политической речи, а поэтому термин «политический язык» имеет не меньше прав на существование, чем по-прежнему используемые лингвистами термины «официально-деловой язык», «разговорный язык» или «научный язык». Поэтому **политический язык** — это, конечно, не особый национальный язык, а ориентированный на сферу политики вариант национального (русского, английского или иного) языка.

В последние годы для того, чтобы избежать нестрогого употребления термина «язык», многие специалисты предпочитают говорить о специфике «научной речи» или «официально-деловой речи»; соответственно при исследованиях политических текстов часто рассуждают лишь об особенностях политического дискурса или политической коммуникации.

1.2.2. Политическая речь и политическая коммуникация

В лингвистике **речь** (речевая деятельность) — это процесс использования языка, результатом речевой деятельности является создание текста. Соответственно **политическая речь** — это использование общенародного языка в процессе создания политического текста. Специфика политической речи определяется ее содержанием и проблематикой (распределение власти между государствами, в государстве и в его структурах), функциями (воздействие на политическую картину мира адресата, эмоциональное воздействие на адресата, склонение адресата к тем или иным действиям), использованием характерных для этого вида деятельности коммуникативных стратегий и тактик.

Термин «политическая коммуникация» часто используется в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть участие в речевой деятельности не только адресанта (то есть говорящего или пишущего), но и адресата (то есть слушающего или читающего).

В **политической коммуникации** в отличие от бытовой или художественной субъектом и адресатом речевой деятельности во многих

случаях является не человек как частное лицо, а человек как представитель определенной политической организации или властной структуры. Например, многие политические документы формально как бы не имеют автора и обнародуются от имени организации, государственной структуры; соответственно речь, написанная референтом, воспринимается и анализируется как речь президента, а многие политические документы подписываются не их реальным составителем, а руководителем политической организации или властной структуры.

1.2.3. Политический текст

В лингвистике текст — это объединенная смысловой связью последовательность слов (предложений), основными свойствами которой являются связность и цельность. Политический текст может выступать в различных жанрах, он может быть устным (выступление на митинге или в парламентской дискуссии, доклад на партийном съезде, телеинтервью политического лидера и др.) и письменным (передовая или аналитическая статья в газете, листовка, программа политической партии, ее устав и др.).

Содержательный признак рассматриваемого вида текстов — это отражение в них деятельности партий, других общественных организаций, органов государственной власти, общественных и государственных лидеров и активистов, направленной на развитие (в широком смысле) социальной и экономической структуры общества.

Целевой признак текста политического характера — это его предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям.

Иначе говоря, для **политического текста** характерна прямая или косвенная ориентированность на вопросы распределения и использования политической власти, на поддержку каких-то политических сил или на борьбу с ними. Во многих политических текстах содержится изложение фактов и мнений, но такая информация призвана служить еще одним аргументом для убеждения адресата и в конечном итоге влиять на его политическую позицию, мировоззрение и установки.

Контекст — это фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу (например, слово) и достаточный для определения значения этой единицы в данном тексте. Сама определяемая единица не входит в состав контекста. В одних случаях для правильного понимания смысла того или иного слова достаточно одного предложения, в других — необходимо учитывать значительно более обширный фрагмент текста и даже весь текст. По этому признаку различают узкий и широкий контекст. Некоторые специалисты характеризуют рассматриваемое понятие очень широко и поэтому используют также термины **политический контекст**, **ситуативный контекст** и **экстралингвистический контекст**, однако представляется, что для обозначения соответствующих явлений лучше использовать другие термины (**политический дискурс**, **политический нарратив**), о которых будет сказано ниже.

1.2.4. Политическая сфера коммуникации и ее уровни

Вопрос о принципах выделения сфер коммуникации, об их соотношении со сферами использования традиционно выделяемых функциональных стилей и о самом количестве таких сфер относится к числу дискуссионных [Карасик, 2002; Паришин, 2002; Шейгал, 2000 и др.]. Несомненно только, что выделяемые в современной лингвистике сферы коммуникации лишь частично коррелируют со сферами использования тех или иных функциональных стилей.

К числу ведущих сфер коммуникации, помимо политической, относятся следующие: финансовая, юридическая, производственная, медицинская, научная, педагогическая, религиозная, бытовая, сфера массовой информации и сфера искусств. Эти сферы противопоставлены друг другу по целям общения: в политической сфере целью является борьба за власть, в юридической — регулирование правоотношений, в финансовой — учет и распределение, в научной — выявление законов организации и развития природы, человека и общества, в педагогической — социализация личности и др.

Субъектом деятельности в политической коммуникации является человек как гражданин, как представитель политического объединения или государственного органа; субъектом коммуникации может быть и исключительно политическое объединение, и государствен-

ный орган. В финансовой сфере субъектами коммуникации являются продавец или покупатель (это может быть частное лицо, организация или представитель этой организации). Соответственно в юридической сфере осуществляется коммуникация между органами власти, организациями и физическими лицами (но закон строго определяет возраст, состояние здоровья и другие условия юридической дееспособности человека). В религиозной сфере человек общается с Богом и его представителями на Земле.

Как известно, в современной функциональной стилистике выделяются пять основных функциональных стилей (функциональных типов) речи — научный, публицистический, официально-деловой, разговорный, художественный (М. Н. Кожина, Д. Н. Шмелев и др.). Исследуемые в политической лингвистике тексты, как правило, относятся к публицистическому или официально-деловому стилю. Специальные наблюдения показывают, что научное или художественное описание политических событий, бытовые разговоры «о политике» строятся по иным стилистическим законам, чем политические тексты в официально-деловом и публицистическом стилях. Поэтому художественные, бытовые и научные тексты политической тематики можно отнести лишь к дальней периферии политической речи.

В зависимости от того, кто и для кого создает тексты, целесообразно различать следующие разновидности (уровни, подсферы), относящиеся к ядру политической коммуникации:

- **Аппаратная** (служебная, внутренняя, бюрократическая) **политическая коммуникация**, ориентированная на общение внутри государственных или общественных структур. Такая коммуникация предназначена только «для посвященных», формальным признаком соответствующих текстов нередко служат грифы «Секретно», «Для служебного пользования». Несанкционированная «утечка» такой информации может служить причиной служебного расследования.
- **Политическая коммуникация в публичной политической деятельности**. Подобная коммуникация является формой осуществления профессиональной и общественной деятельности политических лидеров и активистов; в качестве адресата здесь выступают са-

мые разнообразные слои населения. Наиболее яркие примеры такой деятельности — это предвыборная агитация, парламентские дебаты (особенно если депутат надеется, что его выступление станет известно избирателям), официальные выступления руководителей государства и его структур, рассчитанные на массовую аудиторию.

- **Политическая коммуникация, осуществляемая журналистами и при посредстве журналистов.** Такая коммуникация также рассчитана на массовую аудиторию; примерами могут служить интервью, аналитическая статья в газете, написанная журналистом, политологом или политиком (часто при помощи специалиста по СМИ). Журналисты в рассматриваемом случае привлекают внимание аудитории к проблеме, предлагают пути ее решения, сообщают об отношении к ней политических организаций и их лидеров, помогают политикам в осуществлении их целей. Политически неактивные граждане воспринимают политическую информацию преимущественно в том виде, в каком она предстает в СМИ.
- **Политическая речевая деятельность «рядовых» граждан** (непрофессионалов в области политической коммуникации), **которые участвуют в митингах, собраниях, демонстрациях.** Такие коммуниканты обычно воспринимаются как своего рода представители «народа», избирателей, «трудящихся» или каких-то групп граждан, связанных профессией, возрастом, местом проживания и др.

П. Б. Паршин в качестве особого уровня выделяют парламентскую и переговорную коммуникацию [2001, с. 191]. Возможна и иная точка зрения: публичные выступления в парламенте можно считать разновидностью публичной политической деятельности, а закрытая для публики работа в комитетах очень близка к аппаратной коммуникации. В качестве разновидности последней можно рассматривать и коммуникацию в процессе переговоров.

1.2.5. Политическая лексика и фразеология

Содержание политической речи предопределяет использование в ней специальной группы слов (а также фразеологизмов, составных наименований) — политической лексики (*парламент, депутат, гла-*

ва администрации, голосование, избиратель, мэр, оппозиция, указ и т. п.). Следует различать политическую лексику и политологическую терминологию. Политологическая терминология, как и всякая терминология, в полной мере известна только специалистам, она не относится к общеупотребительной лексике и используется только в научных и иных текстах, ориентированных на специалистов. Политическая лексика — это тематическое объединение общеупотребительных слов, которые должны быть понятны всем (абсолютному большинству граждан).

Политическая лексика постоянно обогащается за счет политологической терминологии: например, еще полтора десятилетия назад такие слова и составные наименования, как *консенсус*, *субъект Федерации*, *импичмент*, были понятны только специалистам, а сейчас они стали общеизвестными, то есть произошла деспециализация термина. С другой стороны, многие общеупотребительные в советскую эпоху слова и выражения (*исполком*, *советы*, *партком*, *ударник коммунистического труда*) уже превращаются в специальные термины политической истории. Вместе с тем вновь актуализировались некоторые слова, которые в советскую эпоху казались связанными с лишь отдаленным прошлым нашей страны или с политической системой иных стран (*губернатор*, *Государственная дума*, *департамент*, *мэр*). Поэтому границы между политической лексикой и политологической терминологией, между политическими неологизмами и политическими архаизмами достаточно условны: мы не всегда в состоянии точно определить рубеж, на котором слово становится общеупотребительным или перестает быть таковым, превращается в архаизм или вновь оказывается вполне современным.

В политической речи то или иное слово может приобретать особые смысловые оттенки; нередко ведущим, основным (наименее зависящим от контекста, наиболее частотным) оказывается такое значение, которое в толковых словарях отмечено как вторичное или совсем не зафиксировано. Например, в современной русской политической речи *аграрник* — это прежде всего член аграрной фракции в Государственной думе (или сторонник этой фракции), а не «специалист по аграрному вопросу» (это значение представлено как единственное в четырехтомном академическом «Словаре русского

языка» в 1981 году). Слова *правый* и *левый* в современных политических текстах характеризуют прежде всего политические взгляды, причем сторонники рыночной либеральной экономики в период «перестройки» считались левыми, а в последнее десятилетие прошлого века их стали называть правыми; соответственно их политические антиподы — приверженцы коммунистической идеологии — сначала в нашей стране назывались правыми, но со временем в соответствии с международной практикой стали именоваться левыми. В качестве еще одного примера можно привести прилагательные *красный*, *коричневый*, *розовый* и *зеленый*, которые в современном российском политическом дискурсе обычно характеризуют политические убеждения человека, а не предпочитаемый им цвет. Соответственно в период Гражданской войны в России основной «цветовой» оппозицией было противопоставление *белых* и *красных*.

В тоталитарных государствах нередко предпринимаются попытки прямо или косвенно регламентировать использование тех или иных слов и выражений. Например, в русско-советском языке политические союзники СССР назывались странами народной демократии, государствами мировой социалистической системы или социалистическим содружеством (между этими обозначениями существовали некоторые смысловые различия). Подобное словоупотребление часто интерпретируется как проявление «новояза», средство создания некоей иллюзорной действительности (по Джорджу Оруэллу). Впрочем, элементы «новояза» при желании можно обнаружить и в странах, считающихся образцом демократии.

1.2.6. Идеологема

Идеологема — это слово (или составное наименование), в семантике которого есть идеологический компонент [Купина, 1995]. Следует различать два вида идеологем. В первом случае имеется в виду слово, смысловое содержание которого неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов, особенно часто эти различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления. Как показал В. М. Амиров [2002], в отечественной политической речи на протяжении всего прошлого века были активны идеологемы *буржуазия*,

демократия, капитализм, коммунизм, народ, пролетариат, свобода, социализм. При этом для сторонников марксизма безусловно положительную оценку несли идеологемы *социализм, коммунизм и пролетариат*; соответственно отрицательно оценивались *капитализм и буржуазия*. У их политических оппонентов оценки *социализма, коммунизма и капитализма* были прямо противоположными, а слова *пролетариат* и *буржуазия* в речи антикоммунистов использовались без оценочных наслоений.

Средствами акцентирования оценочных смыслов нередко была трансформация слов (*коммуняки, дерьмократы*), снабжение слова «проясняющим» эпитетом (*так называемые демократы, буржуазная демократия*), использование слов с более обобщающим негативным значением (*тоталитаризм, объединяющий социализм и фашизм*) и использование синонимов (например, разграничение не *коммунизма и капитализма*, а *рыночной и нерыночной* экономики либо *свободной и тоталитарной* экономики).

Как марксисты, так и их противники связывают свои идеалы с борьбой за счастье *народа*, однако марксисты обычно, говоря о народе, имели в виду только людей физического труда, а для их оппонентов народ — это все жители страны. Непримиримые оппоненты были согласны только в том, что высшая ценность — это *свобода*, но каждый по-своему понимал, что такое *свобода* и как ею пользоваться.

Второй тип идеологем — это наименования, которые используются только сторонниками определенных политических взглядов, соответствующие наименования передают специфический взгляд на соответствующую реалию. В тоталитарных государствах нередко предпринимаются попытки прямо или косвенно регламентировать использование тех или иных слов и выражений. В русско-советском языке, например, государства, которые были идеологическими союзниками СССР, назывались *странами народной демократии, государствами мировой социалистической системы* или *социалистическим содружеством* (между этими обозначениями существовали некоторые смысловые различия), а диссиденты называли эти страны *советскими сателлитами*. Крестьян, ведущих индивидуальное хозяйство, одни называют *единоличниками*, а другие — *фермерами*.

Как отмечает Н. А. Купина [1995], в числе способов регламентации использования идеологием — их толкование в словаре исключительно с позиций правящей партии. Например, человек, изучавший русский язык по изданному в 1935—1940 годах словарю под редакцией Д. Н. Ушакова, не получал необходимых сведений о понимании слов-идеологием эмигрантами. Регламентация в использовании идеологием часто интерпретируется как проявление «новояза», средство создания некоей иллюзорной действительности (по Джорджу Оруэллу). Впрочем, элементы «новояза» (под другими названиями) при желании можно обнаружить и в странах, считающихся образцом демократии. Например, в Соединенных Штатах изменение наименований некоторых политических реалий проходит в рамках кампании по борьбе за «политическую корректность».

1.2.7. Слоган и лозунг как жанры политической речи

По объему среди жанров политической речи различаются малые (лозунг, слоган, речевка), средние (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.) и крупные (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики и др.).

Одним из элементов советского политического языка были **лозунги** — фразы, которые в краткой и яркой форме передают руководящую идею, актуальную задачу или требование. Хороший лозунг, как правило, отличается эстетической организацией формы, для чего используются метафоры, эллипсис, анафора, лексический повтор, синтаксический параллелизм и другие средства выразительности. В истории политической коммуникации навеки останутся лучшие (с точки зрения мастерства их создателей) советские лозунги: *«Мы — не рабы, рабы — не мы»*; *«Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!»*; *«Пятилетку — в четыре года!»*; *«Профсоюзы — крылья Советов!»*; *«Партия — наш рулевой»*; *«Экономика должна быть экономной»*.

Современные специалисты по организации политических кампаний предпочитают использовать не традиционные обозначения «лозунг» и «призыв», а пришедшее из английского языка слово «**слоган**». При этом иногда пытаются обнаружить некоторые смысловые

различия между рассматриваемыми идеологемами. По словам Т. Чередниченко, «различие либеральной и тоталитарной рекламы, то есть слогана и лозунга, коренится в том, что советская идеология “продвигала” не товары (а уж вместе с ними глобальную экономико-политическую власть), а исторические цели, которые выступали как “слова власти” и персонифицировались декламаторами этих слов» [1999, с. 23].

Несколько иначе представляет различия между лозунгом и слоганом К. В. Киселев: «Различие слоганов и лозунгов в современной практике избирательных кампаний чаще всего воспринимается как различие пафосных и соответственно непафосных рекламных фраз» [2002, с. 22].

В подобных определениях дифференциация слогана и лозунга ориентирована на разграничение коммунистической и либеральной пропаганды. Кроме того, анализ специальной литературы показывает, что слово «слоган» часто используется как общее наименование для любой яркой, запоминающейся фразы (или ее компонента), в том числе такой, которая не является собственно лозунгом, то есть не передает основную идею, а просто привлекает внимание к лозунгу или закрепляет его в сознании. К числу таких «слоганов-нелозунгов» специалисты по теории рекламы причисляют заголовки, завершающие текст эхо-фразы, саунд-байты. Примером саунд-байта может служить фраза, которую президент США Буш-старший часто повторял, предвеля особо важную часть своей речи: «Следите за моими губами».

Хороший слоган легко и прочно запоминается [Сегела, 1999; Киселев, 2002 и др.]. Ярким примером могут служить зарубежные слоганы: «*Лейборизм не работает*» (Великобритания, консерваторы); «*Социализм слишком дорог*» (Австрия, правые); «*Сердце всегда будет биться слева*» (левые, Франция); «*Большинство получит большинство*» (центристы, Франция). Удачные слоганы появились в последние годы в России: «*Голосуй или проиграешь!*», «*Выбирай сердцем!*» (Б. Ельцин); «*Ваша судьба — в ваших руках*» (Г. Зюганов); «*Нам здесь жить*» (Е. Дарькин); «*Наш дом Россия: не допустим революций*» (В. Черномырдин); «*Не за награды...*», «*Могу — значит должен*» (А. Лебедь); «*Не дай Бог*» (против Г. Зюганова); «*Не гра-*

ждане для государства, а государство для граждан» (Г. Явлинский); «Кто в лесу хозяин? Медведь» («Единство»).

Слоган может быть предъявлен автономно (например, написан на транспаранте или даже на заборе) и в составе текста (например, в листовке, телепередаче или газетной статье). В последнем случае он должен быть выделен шрифтом, цветом, месторасположением и /или другими средствами. Это позволяет слогану реализовать свои основные функции: привлечь внимание, вызвать интерес, предложить идею, закрепить ее в сознании адресата.

1.2.8. Стратегия и тактика в политической коммуникации

Современная лингвистика заимствовала термины «стратегия» и «тактика» из теории планирования военных действий. Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика — это планирование речевой деятельности, отбор принципов, способов и приемов, которые обеспечат достижение успеха. К стратегии относится планирование в максимально обобщенном виде.

В политической коммуникации стратегия ориентирована на изменение политических взглядов адресата, на преобразование его отношения к тем или иным теориям, событиям, людям [Амиров, 2002; Ван Дейк, 1989; Иссерс, 1999; Караулов, Петров, 1989; Миронова, 2003; Чудинов, 2001 и др.].

Стратегию выбирают в зависимости от поставленной цели и существующей ситуации. Например, цель предвыборной кампании для любого кандидата — добиться поддержки избирателей. Опыт показывает, что для этого используется либо стратегия восхваления деловых и моральных качеств «своего» кандидата, преимуществ его идеологии, либо стратегия дискредитации в глазах избирателей других кандидатов и выдвинувших их партий. В первом случае акцентируются благоприятные перспективы прихода к власти «правильных» кандидатов, а во втором — избирателей пугают тяжелыми последствиями «неправильного» выбора. Стратегический план может быть ориентирован на преимущественно рациональное воздействие, на обращение к чувствам избирателей или на гармоничное сочетание рациональных и эмоциональных аргументов.

Специальный анализ показывает, что в период избирательных

кампаний по выборам Государственной думы и президента России в 1995—1996 и 1999—2000 годах центристы и правые использовали преимущественно коммуникативные стратегии дискредитации коммунистов и запугивания избирателей последствиями возвращения к власти левых [Амиров, 2002; Иссерс, 1999, Киселев, 2002; Миронова, 2003; Филинский, 2002; Чудинов, 2001 и др.]. Об этом свидетельствуют, в частности, основные слоганы указанных избирательных кампаний: *«Голосуй или проиграешь!»*; *«Выбирай сердцем!»*; *«Борис, я не прав!»* (от имени Г. Зюганова); *«Вера, Надежда, Любовь!»*; *«Если из искры возгорится пламя — звоните 01!»*; *«Не допусти красной смуты: голосуй за Ельцина!»*; *«Только вместе: голосуй за Ельцина!»* Выбор именно названных стратегий, возможно, объясняется тем, что они воспринимались как более эффективные, чем восхваление результатов экономической и социальной политики правых или деловых и моральных качеств их лидеров. Социологические опросы показывали, что Б. Ельцин, А. Чубайс, В. Черномырдин уже не имеют былого авторитета среди избирателей.

Коммуникативная тактика — это конкретные способы реализации стратегии. Для реализации одной стратегии могут быть использованы различные тактики. Например, стратегия дискредитации кандидата может быть реализована в тактиках предсказания печальных последствий, к которым может привести его избрание, в разнообразных упреках, в оскорблении кандидата, его близких и дорогих для него символов, в демонстрации негативных личных качеств кандидата (лживость, жадность, непоследовательность, некомпетентность, необразованность, несамостоятельность и др.), в нелестных для политика сравнениях. Например, А. Проханов пишет:

- Все затеянные Путиным начинания напоминают заброшенную стройку со множеством котлованов, где скопилась вода и квакают лягушки (Завтра. 2001. № 6).

Для реализации коммуникативной тактики используются конкретные коммуникативные приемы (коммуникативные ходы). Например, оскорбление может проявляться в распространении слухов, в навешивании ярлыков, в лжеэтимологическом анализе его фамилии, в использовании специфических метафорических обозначений, в специфических сопоставлениях и др. Примером могут служить

разнообразные высказывания А. Проханова о Борисе Ельцине:

- Лучшие врачи мира шунтировали это сердце, но Монстр все равно рухнул с кремлевского престола; Ельцин, по частям доставленный в ЦКБ, в корпус «А», и собранный там заново по схеме «Б», по-прежнему дышит в Кремль силным гнилым дыханием, отчего в кабинете у Путина хлопает форточка и падает президентский штандарт; Любители и смакователи «клубнички» поставят на книжные полки последние мемуары Ельцина рядом с описаниями походов Чика-тило, Асламовой, Лимонова.

1.2.9. Политический дискурс

Важнейший для политической лингвистики термин «дискурс» не имеет до настоящего времени единого определения. Как показывает Патрик Серио [1999], во французской лингвистике термин «дискурс» может обозначать и речевую деятельность, и текст, и контекст, и высказывание в его взаимосвязях с коммуникативной ситуацией. К аналогичным выводам приходит и Е. С. Кубрякова, которая анализировала понятия дискурс и дискурсивный анализ в различных научных направлениях [Кубрякова, 2000]. Очень разнообразны определения дискурса в российской науке: он понимается как «текущая речевая деятельность в данной сфере» [Дымарский, 1998, с. 19], «творимый в речи связный текст» [Конечная, 1996, с. 106], «завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определенной ситуации и в определенных социокультурных условиях общения» [Виноградов, 1996, с. 139]. Как показывают специальные обзоры [Карасик, 2002; Паршин, 1999; Шейгал, 2000; Чернявская, 2001; Чудинов, 2002 и др.], в современной науке не существует единого понимания и видового термина «политический дискурс».

Представляется, что нет необходимости использовать термин «дискурс» для обозначения понятий, за которыми в лингвистике уже давно закрепились устойчивые названия. Едва ли есть смысл называть дискурсом контекст (как фрагмент текста), текст, нарратив (а также какое-либо иное объединение текстов) или речевую деятельность. В современной лингвистике дискурс обычно трактуется

как более широкое понятие. Так, по определению Т. А. ван Дейка, дискурс — это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное событие» [Ван Дейк, 1989, с. 46]. Преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. По словам Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова, дискурс — это «...сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [1989, с. 8]. По образному выражению Н. Д. Арутюновой, дискурс — это «речь, погруженная в жизнь» [1999, с. 137]. Политическая жизнь, определяющая восприятие текста, максимально многообразна. Поэтому в содержание **политического дискурса** должны быть включены все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, политическая ситуация, в которой создается и «живет» данный текст, репутация издания, в котором он опубликован.

Изучение политического текста и его элементов в дискурсе — это прежде всего исследование степени воздействия на данный текст и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов. Многие ученые считают, что текст — это понятие собственно лингвистическое (высшая единица синтаксиса), а термин «дискурс» имеет лингвосоциальный характер, это предмет исследования лингвокультурологии, социолингвистики, политической лингвистики.

В необходимых случаях выделяют специфику митингового или парламентского дискурса, регионального или федерального дискурса, фиксируют особенности дискурса конкретной избирательной кампании или определенного этапа развития политического языка. Например, выражение «**митинговый дискурс**» обозначает разновид-

ность политического дискурса, в котором на содержание и оформление текстов оказывает воздействие политическая коммуникативная ситуация «митинг», участники митингов вольно или невольно ведут себя именно так, как это принято в соответствующей ситуации, выступления на митинге строятся иначе, чем выступления в парламенте или на партийном форуме. При необходимости специалисты изучают также коммуникативные ситуации, в которых политический дискурс взаимодействует с дискурсом иной коммуникативной сферы (религиозным, юридическим, военным и др.).

1.2.10. Языковая картина политического мира

Одно из основных понятий лингвокультурологии — «картина мира», то есть «целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании» [Карасик, 2002, с. 104]. Политическая сфера — это важная часть национальной культуры. **Языковая картина политического мира** представляет собой сложное объединение ментальных единиц (концептов, фреймов, доменов, гештальтов, сценариев, концептуальных векторов, полей), относящихся к политической сфере коммуникации и политическому дискурсу. Большинство этих единиц зафиксировано в языке при помощи слов, составных наименований, фразеологизмов и в той или иной мере навязывает человеку определенное видение мира, особенно в аспекте его категоризации и оценки.

Образующие языковую картину политического мира концепты, слоты, фреймы могут относиться к различным доменам и субсферам политической сферы. В процессе классификации разграничиваются субсферы внутренней и внешней политики. К субсфере внешней политики относится языковая «карта» политического мира, образы зарубежных стран, населяющих их народов, глобальные объединения по религиозным, расовым и социокультурным признакам. Например, в современном русском национальном сознании разграничиваются ближнее и дальнее зарубежье, страны западной и восточной цивилизации, страны католической, православной, протестантской, мусульманской, буддистской и иных религий. К этой же субсфере относятся типовые представления о различных государствах (например, концепты «Франция», «Соединенные Штаты», «Япо-

ния») и о национальном характере тех или иных народов (этнические стереотипы), о взаимоотношении России с различными государствами и цивилизациями. Со временем эти представления изменяются, а вместе с этим преобразуются языковые единицы, которые отражают, или, по выражению Е. С. Кубряковой, «схватывают» концепты как ментальные единицы. Вместе с тем в процессе речевой деятельности происходит кристаллизация новых концептов, для фиксации которых нередко применяются уже готовые лексические единицы, в том числе с использованием ресурсов метафоризации.

Языковая картина политического мира включает ментальные поля «Субъекты политической деятельности» (политические партии и организации, политические лидеры и активисты, граждане, избиратели и др.), «Органы государственной власти» (федеральные и региональные, представительной, исполнительной и судебной), «Политическая борьба и ее формы» (митинги, демонстрации, выборы и др.), «Политическая агитация» и др. Названные ментальные поля, по-видимому, существуют в национальных картинах всех современных цивилизованных народов, в основном совпадают даже составляющие эти поля домены и фреймы, и вместе с тем каждый язык представляет собой оригинальную категоризацию и оценку политической реальности. Например, при общности функций концепт «милиция» воспринимается в русском национальном сознании не так, как концепт «полиция» в представлении граждан Германии или США. Наши соотечественники значительно меньше, чем американцы или немцы, верят в то, что результаты политических выборов в их родной стране подводятся объективно и действительно позволяют выявить наиболее достойных кандидатов. Восприятие французов в русском национальном сознании значительно отличается от восприятия в испанском или немецком национальном сознании. Знаменитый тезис В. фон Гумбольдта «Язык есть выражение духа народа» в полной мере относится и к языковой картине политического мира. Отметим только, что этот дух, с одной стороны, имеет глубокие исторические корни, а с другой — изменяется вместе с изменением социально-политических условий.

1.3. Политическая метафора и ее функции

Исследование метафоры продолжается уже более двух тысячелетий, а библиография по этой проблеме практически необозрима. Основоположителем учения о метафоре считается Аристотель, который дает следующее ее определение: метафора — это «несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель, 1984, с. 669]. Далее Аристотель отмечает, что «создавать хорошие метафоры — значит, подмечать сходство» [Там же, с. 672]. Многообразие возможных подходов к пониманию сущности метафоры отражает сборник «Теория метафоры» (1990) под редакцией Н. Д. Арутюновой. Не вдаваясь в детальный обзор существующих теорий, отметим лишь наиболее существенные признаки используемого в настоящем исследовании когнитивного подхода к метафоре, который был сформулирован и теоретически обоснован в классической монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson, 1980; рус. перевод 1987, 1990] и существенно развит в отечественной науке (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.).

Во-первых, метафора понимается как основная ментальная операция, способ познания и категоризации мира: в процессе мыслительной деятельности аналогия играет не меньшую роль, чем формализованные процедуры рационального мышления. Обращаясь к чему-то новому, сложному, не до конца понятному, человек нередко пытается использовать для осмысления элементы какой-то более знакомой и понятной сферы. При метафорическом моделировании политической сферы, отличающейся сложностью и высокой степенью абстракции, человек часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы. Метафора — это не средство украшения уже готовой мысли, а способ мышления, повседневная реальность языка.

Во-вторых, сам термин «**метафора**» понимается (в соответствии с общими принципами когнитивистики) как своего рода гештальт, сетевая модель, узлы которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости. Как известно, в лингвистике иногда разграничивают разные аспекты метафоры и

даже разные значения рассматриваемого термина. Метафора может осознаваться и как слово, имеющее образное значение, и как процесс метафорического развития словесной семантики в языке или в конкретной коммуникативной ситуации, метафорой называют и целую группу слов с однотипными метафорическими значениями (военная метафора, зооморфная метафора, метафора в медицинском дискурсе и др.), метафора может пониматься также как форма мышления или как когнитивный механизм коммуникативных процессов, механизм получения выводного знания. Кстати, именно наличием подобных вариантов объясняется отсутствие общепринятого определения рассматриваемого термина. В настоящем исследовании в зависимости от контекста **метафора** содержательно соотносится и с механизмом, и с процессом, и с результатом в его единичном или обобщенном виде, и с формой мышления. Такой подход оказался удачным способом своего рода объединения относительно автономных явлений с яркими чертами фамильного сходства. При необходимости конкретизации используются составные наименования — метафорический процесс, механизм метафоризации, метафорическое значение и др.

В-третьих, для когнитивной теории характерен широкий подход к выделению метафоры по формальным признакам. Например, если в других теориях среди компаративных тропов отчетливо разграничиваются сравнение, то есть троп, в котором имеется формальный показатель компаративности (*как, будто, похож, словно* и др.), и метафора, признаком которой считается отсутствие указанных показателей, то при когнитивном подходе обе рассматриваемые разновидности относятся к числу широко понимаемых метафор. Еще менее важно для когнитивной лингвистики разграничение глагольных и именных, предикативных и генитивных, а также иных видов метафор, выделение которых основано на собственно языковых признаках. В соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики язык — это единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексику, фразеологию, морфологию и синтаксис. Иначе говоря, смысловое уподобление воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия. Разумеется, специфика названных выше видов метафоры не отрицается, но внимание исследо-

вателя бывает сосредоточено на совершенно иных аспектах изучения рассматриваемого феномена.

В-четвертых, для когнитивной теории характерен широкий подход при выделении метафор по содержательным признакам. По мнению Н. Д. Арутюновой, метафорой в широком смысле «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [1990, с. 296—297]. В этом случае не акцентируются, в частности, семантические, стилистические, эстетические и иные различия между метафорой и сравнением (имплицитность и эксплицитность аналогии, лаконичность и развернутость конструкции, степень прозрачности смысла и его двойственность, «смешивание», «скрещивание» смыслов и др.). При широком понимании в качестве метафоры рассматриваются не только сравнения, но и другие феномены с элементом компаративности: метаморфоза, гипербола, некоторые перифразы, фразеологизмы и др. Например, в следующем фрагменте сосредоточены фитоморфные (по сфере-источнику) образы, обозначающие политические реалии:

- В минувший год НПСР был похож на дерево, охваченное бурей, которая ломала ветки и сдирала листву. Эта буря унесла много желтых листьев, недозрелых плодов, чахлых, нестойких побегов. Под этим потрепанным древом по сию пору никому не нужные лежат Подберезкин, Лапшин и Гулеев. И их начинает точить червь забвения. Но дерево в своем стволе, корнях и ветвящейся кроне не сломалось. Стремительно набирает новые соки, одевается свежей листвой, обретает новую высоту и ширь (В. Чикин, А. Проханов).

Нетрудно заметить, что текст начинается со сравнения (*НПСР был похож на дерево*), в котором представлены все основные компоненты: то, что сравнивается (*политическое движение НПСР*), то, с чем сравнивается (*дерево, охваченное бурей*), показатель сравнения (*похож*) и даже символ сравнения, признак, по которому сопоставляются НПСР и охваченное бурей дерево (как буря ломает и уносит ветки и листву, так минувший год привел НПСР к потере некоторых членов). Далее следуют собственно метафоры: можно догадываться о содержании, которое несут метафорические образы (например, покинувшие НПСР политики, видимо, представлены как *сорванные бурей желтые листья, недозрелые плоды, чахлые нестойкие побеги*,

а сама организация представлена как *дерево*, которое в своем стволе, корнях и ветвящейся кроне не сломалось... стремительно набирает новые соки, одевается свежей листвой, обретает новую высоту и ширь). Однако в собственно метафорических образах нет сравнительных связок (показателей сравнения) и других необходимых для типичного сравнения компонентов. Отметим также, что именно такой путь (от сравнения к собственно метафоре) типичен для развертывания метафоры, он показывает динамику развития метафорического образа и отражает процесс «вызревания» метафоры. Представляется, что при восприятии рассматриваемого фрагмента однотипность модели развития смысла значительно важнее различий в форме выражения уподобления (использование собственно метафор или образных сравнений). Как справедливо отмечает И. М. Кобозева, при анализе политической метафоры имеет смысл признавать «метафорами, или, выражаясь более осмотрительно, метафороподобными выражениями, все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии» [Кобозева, 2001б, с. 136—137]. Вместе с тем едва ли имеет смысл относить к числу метафор элементы, совершенно лишенные образности, например некоторые сопоставления [Кобозева, 2001б; Ortony, 1990]. Ср.:

- Политическая программа «Яблока» очень напоминает программу «Союза правых сил»; Партии «Яблоко» и «Союз правых сил» во многом похожи.

В подобных случаях нет реально того феномена, который Аристотель называл перенесением имени «с вида на вид», нет представления одного фрагмента действительности с использованием концептов, относящихся к иной сфере.

По-видимому, не обладают образностью и генетические (мертвые, стертые, конвенциональные) метафоры (*глава государства, партия идет в правильном направлении, левое и правое политические движения* и др.), однако следует помнить, что в определенных контекстуальных условиях мертвые метафоры могут «воскреснуть», и их «стертая» внутренняя форма начинает восприниматься как достаточно заметная. Способы контекстного оживления стандартных политических метафор при помощи их развертывания и конкретиза-

ции в тексте подробно рассматривают А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов [1994].

В исследовании Х. де Ландшер [*De Landsheer*, 1991] при подсчетах степени метафоричности текста индивидуально-авторские креативные метафоры учитываются как в три раза более значимые, чем стертые метафоры. При всей условности подобных вычислений очевидно, что именно яркие метафоры привлекают к себе внимание читателя. Ср.:

- Путин... подковал и поставил в стойло иноходцев-губернаторов, назначив над ними семь строгих конюхов, но те лузгают семечки, а иноходцы прогрызают стены конюшни... Он разгромил две виртуальные империи — ОРТ и НТВ. Прогнал под дождь нашкодившего от возбуждения Доренко и вырвал клыки саблезубому тигру Киселеву, вставив ему в челюсти клочки промокашки, но вся русофобская тля, как и прежде, облепила экраны (А. Проханов).

Метафоре традиционно противопоставляется метонимия, к которой при широком подходе относят также синекдоху и литоту. Специалисты отмечают, что метонимия в отличие от метафоры представляет собой перенос наименования по смежности (временной, пространственной, каузальной и др.). Вместе с тем необходимо отметить, что в политической речи метонимические переносы не менее значимы, чем метафорические.

Показательно, что в последние годы наряду с моделями концептуальной метафоры все чаще и чаще описываются метонимические модели, которые также рассматриваются как своего рода схемы человеческого мышления. Так, Дж. Лакофф [*Lakoff*, 1991] отмечает, что война Соединенных Штатов против Ирака в 1991 году метонимически представлялась в политической речи как война против 1) президента Саддама Хусейна, 2) против Багдада, 3) против народа Ирака, 4) против иракской армии, 5) против арабов. Каждое из этих наименований имеет смысловые нюансы и представляет собой специфическую категоризацию одного и того же противника. Использование потенциала метонимии — один из эффективных способов прагматического воздействия, ведущего к преобразованию существующей в сознании адресата политической картины мира.

Специального рассмотрения требует и вопрос о функциях поли-

тической метафоры.

В истории науки известны концепции, по которым в качестве основных выделяли такие функции метафоры, как эстетическая, номинативная, коммуникативная, прагматическая и др. Например, Цицерон считал, что исторически первичной для метафоры была номинативная функция, однако позднее на первый план вышла эстетическая: «Употребление слов в переносном смысле имеет широкое распространение. Его породила необходимость... под давлением бедности и скудности словаря, а затем уже красота его и прелесть расширили область его применения. Ибо подобно тому, как одежда, сперва изобретенная для защиты от холода, впоследствии стали применяться также и для украшения тела и как знак отличия, так и метафорические выражения, введенные из-за недостатка слов, стали во множестве применяться ради услаждения [Цицерон, 1972, с. 234]. Существенно различаются и выделяемые специалистами перечни функций метафоры.

Следует согласиться с И. М. Кобозевой, которая считает, что «в разных типах дискурса метафора выполняет разные функции... В поэтическом тексте главными функциями метафоры признаются эстетическая (метафора как украшение речи) и активизационная (метафора как средство активизации восприятия адресата), тогда как познавательная отходит на второй план. В научном дискурсе на первое место выходит познавательная, эвристическая функция метафоры, позволяющая осмыслить новый объект исследования, опираясь на знания о других типах объектов... Важна для научного дискурса и аргументативная функция метафоры как средство убеждения в правильности (правдоподобности) выдвигаемых тезисов или постулатов» [Кобозева, 2001б, с. 134—135].

Закономерно встает вопрос и о функциях метафоры в политических текстах. По мнению И. М. Кобозевой, развивающей идеи А. Н. Баранова, в политическом дискурсе основными функциями метафоры являются эвристическая и аргументативная. Одновременно отмечается, что в политической речи метафора выполняет «интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его

слов адресатом» [*Кобозева*, 2001б, с. 134]. Кроме того, метафора «создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую, субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения» [Там же, с. 135]. При этом подчеркивается, что эстетическая и активизационная функции возникают в политических текстах «в качестве побочного эффекта» [Там же, с. 136].

В диссертации А. В. Степаненко разграничиваются следующие функции метафоры в политическом дискурсе: прагматическая, когнитивная, эмоциональная, репрезентативная, хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа [*Степаненко*, 2002, с. 24].

В основе настоящего исследования лежит несколько иное представление о функциях политической метафоры и их соотношении. К числу основных функций метафоры, на наш взгляд, относятся когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстетическая, каждая из которых может иметь те или иные разновидности (варианты). Рассмотрим специфику каждой из названных функций и их вариантов.

1. Когнитивная функция метафоры

При когнитивном подходе метафора рассматривается как способ мышления, средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. Метафора создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Специфика такой концептуализации во многом зависит от национального, социального и личностного сознания. Метафоры — это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления, они заложены уже в самой интеллектуальной системе человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует. Политическая ситуация в современной России постоянно меняется, и для характеристики этих изменений часто используются метафоры.

При детальном рассмотрении можно выделить следующие разновидности когнитивной функции.

Номинативно-оценочная разновидность

Метафора может служить способом создания названий для новых, пока еще «безымянных» реалий: яркий пример подобной метафоры — «перестройка» для обозначения политической доктрины М. С. Горбачева. Но значительно чаще метафора — это другое название взамен уже существующего, но по каким-либо причинам не устраивающего автора. При помощи метафоры соответствующее явление подводится под категорию (по Дж. Лакоффу), что позволяет лучше определить сущность этого явления и выразить свое отношение к нему.

Например, процесс передачи государственной собственности в частное владение имеет общепринятое название — *приватизация*. Но представители непримиримой оппозиции постоянно называют проведенную в России приватизацию *грабежом*, то есть при помощи метафоры подводят соответствующие действия под категорию «уголовные преступления» и одновременно подчеркивают их негативную оценку. Ср.:

- Это было не накопление капитала, а *бандитский грабеж* страны — бессовестный и наглый. Сейчас *разграбление* продолжается, и края этому пока не видать (Г. Зюганов).

Моделирующая разновидность

Использование системы взаимосвязанных метафор позволяет создать модель политической реальности при помощи системы концептов, относящейся к совершенно иной понятийной области. В результате этого политическая ситуация, которая требует осознания, представляется как нечто хорошо знакомое, для нее как бы уже существует готовая оценка.

Например, если приватизация — это грабеж, то ее организаторы и участники — это бандиты, а президент страны — главарь банды, пахан, крестный отец. Соответственно противники приватизации воспринимаются как люди, стоящие на страже законности и препятствующие продолжению преступлений. Такая система метафор постоянно использовалась в коммунистической прессе, создавая характерную для коммунистического сознания метафорическую модель современной российской действительности.

Инструментальная разновидность

Подобная метафора более характерна для научного дискурса, но в политическом дискурсе способна «подсказывать» решения, определять направление развития мысли, то есть выступает как своего рода инструмент мышления. Например, если приватизация — это грабеж, то долг каждого патриота — способствовать строгому наказанию преступников (многие призывают даже к расстрелу) и возвращению «награбленного» законному владельцу. Если приватизация — это грабеж, то она не соответствует естественным законам развития общества и когда-нибудь все встанет на свои места. Такая метафора предопределяет направление движения мысли, как маяк определяет направление движения корабля.

Гипотетическая разновидность

Метафора позволяет представить что-то еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта. Эта разновидность присуща научному дискурсу, но не исключена и в политическом. Например, используемая при оценке современной экономической формации метафора *бандитский капитализм*, возможно, связана с представлениями о том, что эта система действительно создана преступниками или в интересах преступников. При осмыслении взаимоотношений между государствами на нашем континенте метафора *общеевропейский дом* в постсоветский период сменила конфронтационную метафору *железный занавес*. Точные формы отношений между вчерашними врагами были еще неизвестны, но метафора, используя хорошо знакомую понятийную основу с ярким эмоциональным ореолом, создавала по крайней мере представление об общих принципах отношений: предусмотрительные люди стремятся поддерживать с соседями по дому добрые отношения, соседям часто приходится совместно решать те или иные проблемы, они помогают друг другу.

2. Коммуникативная функция метафоры

Язык — это не только орудие мышления, но и средство передачи информации. Если человек мыслит метафорами, то вполне закономерно, что и передача информации осуществляется с использовани-

ем метафор. Больше того — во многих случаях метафора позволяет передавать информацию в более удобной для адресата форме. Например, метафорическое обозначение политической организации «*Медведь*» воспринимается значительно легче, чем официальное ее наименование «Межрегиональное движение “Единство”» или возможная аббревиатура МДЕ. Показательно, что слияние политических движений «Единство» и «Отечество» (и соответственно появление нового названия) не оказалось препятствием для использования «медвежьих» метафор. Рассмотрим некоторые разновидности коммуникативной функции метафоры.

Эвфемистическая разновидность

Метафора помогает передать информацию, которую автор по тем или иным причинам не считает целесообразным обозначить прямо, при помощи непосредственных номинаций. Примером подобного использования метафоры может служить опубликованное газетой «Известия» (20.04.00) интервью, в котором Ю. Лужков отказался прямо говорить о своей оппозиционности «партии власти», но, рассказывая о своей пасеке, упомянул о том, что «если пчелы не будут защищать свой мед от всяких там медведей, то они погибнут». Поскольку медведь — это символ движения «Единство», а Ю. Лужков в то время был лидером движения «Отечество» (которое враждовало с «Единством»), то метафора становится вполне понятной. Сила метафоры, ее «голубая кровь» (А. Н. Баранов) заключается в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в особой значимости метафорической концептуализации мира. Метафора — как партком в коммунистической России — все решает и ни за что не отвечает.

Популяризаторская разновидность

Метафора позволяет в доступной для слабо подготовленного адресата форме передать сложную идею. Подтверждением значимости популяризаторской функции политической метафоры может служить следующее сделанное профессиональными психологами наблюдение над особенностями выступлений бывшего председателя правительства России Сергея Кириенко:

- Убедительность выступлениям придают несколько простейших приемов. Например, прием объяснения сложных вещей на пальцах. Скажем, трудности принятия бюджета он сравнивал с ситуацией в бедной студенческой семье. Семья решает, что купить — холодильник или сапоги. И то и другое нужно, но денег все же не хватает... (АиФ. 2000. № 42).

Несколько другой прием использует Вячеслав Костиков, который в своей аналитической статье «Где они, ресурсы развития?» последовательно использует метафору для своего рода дублирования или резюмирования важнейших положений:

- Российская экономика исчерпала те резервы, на которых основывался экономический рост последних трех лет. По оценке Центра макроэкономического анализа, минимальным условием для развития до 2010 года являются 4,5% годового роста экономики, М. Касьянов обещает В. Путину 3,5%. А бывший министр А. Лившиц считает, что и 2% будут удачей. Мотор заглох, колеса буксуют. Становится очевидным — нужны новые ресурсы роста. Эксперты называют три — сокращение доли малоэффективной государственной собственности, иностранные инвестиции и — главный резерв: стимулирование среднего и малого бизнеса. Горячие головы говорят: чтобы сдвинуть застрявший состав, нужны новые локомотивы. Необходимы руководители, способные перевести эти идеи в практику работы правительства. Нужны новые машинисты (АиФ. 2002. № 12).

Как известно, политическая речь часто ориентирована на самые широкие массы, а поэтому бывший пресс-секретарь президента России стремится, с одной стороны, рационально обосновать свою точку зрения (при помощи статистики, ссылок на авторитеты и др.), а с другой — выражаться в доступной и привлекающей внимание адресата форме. В этом смысле метафора напоминает картинки в детской книжке: они призваны привлечь внимание к тексту, но служат единственным источником информации для детей, не научившихся читать.

3. Прагматическая функция метафоры

Метафора является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побужде-

ния его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния.

Побудительная разновидность

Использование метафоры способствует усилению действенности побуждения граждан к политической деятельности. Например, метафорический призыв *«Выйти на решающий бой с врагами»* воспринимается совершенно иначе, чем банальное приглашение проголосовать на выборах или принять участие в демонстрации, хотя в данном случае метафорический бой — это и есть участие в выборах или демонстрации.

Аргументативная разновидность

Как продемонстрировал А. Н. Баранов, метафорическая аргументация постоянно используется в политической речи как способ изменения политических воззрений адресата. На первом этапе аргументации метафора позволяет обратиться к некоторому общему для коммуникантов фонду знаний и тем самым создать своего рода общую платформу, опираясь на которую, говорящий с легкостью может развить свою точку зрения. Например, противники продажи земли часто используют такую аргументацию: *«Земля — это мать, а мать продавать нельзя»*. Из этого делается вывод, что нельзя продавать и землю. Первая часть этого высказывания вводит привычную для русского сознания метафору, во второй части высказывания (если не рассматривать слово *мать* как метафору) тоже представлено общепринятое суждение. В результате софистический характер обоснования требует специального анализа, к которому склонны далеко не все слушатели.

Существуют люди, на которых метафорическая аргументация воздействует намного эффективнее, чем любая иная. В других случаях метафорические аргументы выступают как важное дополнение к рациональным или эмоциональным аргументам.

Эмотивная разновидность

Метафора часто используется для воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата и создания соответствующего отношения к рассматриваемым реалиям. Например, ассоциируя название партии

«Межрегиональное движение “Единство”» с образом медведя, люди переносят на партию традиционное для России позитивное восприятие «хозяина тайги», «генерала Топтыгина», сильного и добродушного героя народных и литературных сказок и даже символа Олимпиады-80. Размышляя о недавнем прошлом России, Патриарх Алексий Второй использует морбиальную метафору:

- Тяжелая болезнь постигла Россию в обличье коммунизма. Может быть, она была попущена нам, чтобы избавить от какой-либо более страшной грозившей нам чумы.

Подобные метафоры создаются прежде всего для того, чтобы перенести имеющееся у читателя эмоциональное отношение к понятию-источнику (его обозначает слово в основном значении) на понятие, которое концептуализируется метафорическим значением слова. Иначе говоря, вполне традиционное для русского национального сознания сочувствие к больному закономерно переносится и на Россию, которая сопоставляется патриархом Алексием с излечивающимся от тяжелой болезни человеком. Соответственно естественное отношение всякого человека к очень опасной инфекционной болезни благодаря использованию метафоры как бы переносится и на отношение к коммунистической теории и практике.

4. Эстетическая функция метафоры

Эстетическая функция является основной для художественного дискурса, но очень существенна и для политической сферы общения. Хорошо известно, что образная форма привлекает внимание адресата и способна сделать высказывание более действенным. Блеск метафорической формы часто воспринимается как признак глубины и смысловой точности высказывания. Поэтому роль красивой языковой формы напоминает роль красивой упаковки товара: она не гарантирует качества, но очень значима для успешной реализации продукции.

Например, в современной российской интеллектуальной элите насчитывается немного поклонников политических взглядов крайнего национал-патриота Александра Проханова, но его насыщенное метафорами сочинение «Господин Гексоген» получило престижную литературную (!) премию.

Употребление новых слов по уже существующим моделям часто создает в тексте оптимальное соотношение стандарта (использование модели) и экспрессии (различные виды оживления метафоры), привлекает внимание адресата к способу выражения мысли, которая воспринимается как более яркая и значимая. Это особенно относится к постсоветской политической речи [Булгына, 1999; Костомаров, 1999; Караулов, 2001; Какорина, 1996 и др.]. В качестве разновидностей рассматриваемой функции можно выделить **изобразительную и экспрессивную**.

Заканчивая обзор, подчеркнем, что рассмотренные функции метафоры и особенно их варианты лишь относительно автономны, в конкретных текстах они тесно переплетаются между собой. Нет сомнений в том, что в зависимости от ситуации значимость той или иной функции метафоры может возрастать или уменьшаться, но у нас пока нет инструмента для точного количественного определения соотношения рассматриваемых функций в конкретном тексте.

Подводя общие итоги первой главы, отметим, что она создает необходимую теоретическую основу для рассмотрения дальнейших глав настоящего исследования. В современной науке политическая лингвистика воспринимается как самостоятельная активно развивающаяся область исследования, включающая несколько относительно автономных направлений, противопоставленных друг другу по методологии и методикам исследования, используемому материалу, аспектам анализа политического текста и дискурса, нормативному или дескриптивному подходу к изучению материала и др.

В политической лингвистике постепенно формируются специальный понятийный аппарат и терминология: идут дискуссии о специфике политического языка, политического текста и политического дискурса, предлагаются различные определения важнейших понятий (**языковая картина политического мира, сфера политической коммуникации и ее подсферы**), создаются новые термины (**политический нарратив, политический идиостиль** и др.). Едва ли уже в ближайшее время можно ожидать полного взаимопонимания между всеми специалистами, но сам процесс заслуживает позитивной оценки. Во всяком случае,

уже перестал быть дискуссионным вопрос о существовании политической лингвистики (со своим предметом, с особыми задачами, со специфическим материалом) как особого научного направления, возникшего на пересечении языкознания и политологии.

При анализе политической коммуникации целесообразно использовать широкий подход к выделению метафор, основанный на общих принципах когнитивной лингвистики. В этом случае элиминируются все ограничения, определяющие особенности традиционного структурного подхода, в том числе не только требование о принадлежности рассматриваемых элементов к одной лексико-семантической группе или хотя бы к одной части речи, но и ограничения, связанные с уровнями языка. Соответственно в рамках единой системы изучаются собственно лексические единицы, составные наименования, фразеологизмы и их компоненты, а также другие производимые единицы (пословицы, поговорки, афоризмы и т. п.). Метафора может исследоваться и как механизм, и как процесс, и как его результат, и как ментальная операция. При характерном для когнитивистики широком понимании метафоры к ее сфере относятся многие явления, которые при традиционном подходе рассматриваются по-иному: как сравнение, метаморфоза, синекдоха, гипербола и литота. В процессе анализа политической речи выделяются когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстетическая функции метафоры. Все эти функции метафоры постоянно взаимодействуют, в отдельных контекстах одни функции могут выходить на первый план, а другие оставаться в тени.

Глава 2

Метафорические модели: методика описания и классификация

Прежде чем приступить к конкретному анализу метафорических моделей в современном политическом дискурсе, необходимо дать определение метафорической модели, выделить ее компоненты и установить принципы классификации рассматриваемых моделей. Именно эти проблемы освещаются в двух первых параграфах настоящей главы.

В заключительном параграфе главы представлено описание метафорических моделей, связанных с понятийной сферой «Экономика»: сначала эта сфера выступает как источник метафорической экспансии, а затем как магнит для притяжения метафор из иных ментальных сфер. Подробная характеристика двух в чем-то близких, а в чем-то очень различных моделей дает возможность не только продемонстрировать методику анализа метафорических моделей, но и показать, насколько описание зависит от используемой классификации метафорических моделей.

2.1. Метафорическая модель и ее компоненты

Теории метафорического моделирования и описанию конкретных моделей посвящено множество специальных публикаций. Рассматриваемый вариант теории метафорического моделирования восходит к ставшей уже классической монографии Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 1980]. В данной монографии метафора представлена как основная когнитивная операция, как важнейший способ познания и рубрикации мира. Американские исследователи делают следующий вывод:

«Метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Именно это имеем мы в виду, когда говорим, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека. Таким образом, всякий раз, когда мы говорим о метафорах типа СПОР — это ВОЙНА, соответствующие метафоры следует понимать как метафорические понятия (концепты)» [*Лакофф, Джонсон*, 1990, с. 389—390]. Развитие этой теории на материале отечественных политических текстов представлено в публикациях А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1991; 1994], И. М. Кобозевой [2001], А. В. Степаненко [2001], Ю. Б. Феденевой [1997], А. П. Чудинова [2001] и других исследователей.

Вторым научным направлением, лежащим в основе настоящего исследования, стала отечественная теория регулярной многозначности, созданная Д. Н. Шмелевым [1964; 1973] и Ю. Д. Апресяном [1971; 1974] и активно развиваемая целым рядом других специалистов (Н. В. Багичева, Л. В. Балашова, Л. М. Васильев, Э. В. Кузнецова, Л. А. Новиков, Е. В. Падучева, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.). Учитываются также достижения других направлений современной лингвистики, связанных с изучением регулярности семантических преобразований (Н. Д. Арутюнова, Н. В. Багичева, О. И. Воробьева, О. П. Ермакова, М. Р. Желтухина, Анна А. Зализняк, Е. А. Земская, Н. А. Илюхина, Н. А. Кузьмина, В. В. Лабутина, С. Н. Муране, Н. В. Павлович, Г. Н. Складневская, В. Н. Телия, Е. И. Шейгал, Т. В. Шмелева и др.).

Важным постулатом современной когнитивной лингвистики является дискурсивный подход к изучению материала (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.). Метафорические модели должны рассматриваться в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, на широком социально-политическом фоне. Система метафорических моделей — это важная часть национальной языковой картины мира, национальной ментальности, она тесно связана с историей соответствующего народа и современной социально-политической ситуацией.

Метафорическая модель — это существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятиями сферами, которую можно представить определенной формулой: «X — это Y». Например, **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — это ВОЙНА; ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ — это ПУТЕШЕСТВИЕ; ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ — это ДЕНЬГИ**. Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: «X подобен Y», **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ подобна ВОЙНЕ**. В соответствии с названной формулой система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита). При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется не только структура исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

В соответствии со сложившейся традицией для описания метафорической модели (по другой терминологии — модели метафоры) хотя бы по минимальной схеме должны быть охарактеризованы ее следующие признаки:

- **ИСХОДНАЯ ПОНЯТИЙНАЯ ОБЛАСТЬ** (в других терминах — ментальная сфера-источник, сфера-донор, откуда-сфера, сигнификативная зона, источник метафорической экспансии, область источника), то есть понятийная область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц. Во многих случаях существует возможность указать не только исходную понятийную область, но и ее отдельные участки, служащие источником метафорической экспансии;
- **НОВАЯ ПОНЯТИЙНАЯ ОБЛАСТЬ** (в других терминах — ментальная сфера-магнит, сфера-мишень, куда-сфера, денотативная зона, реципиентная сфера, направление метафорической экспансии, область цели), то есть понятийная область, к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц. Нередко есть возможность указать не только понятийную область-магнит, но и ее отдельные участки, притягивающие соответствующие метафоры;

- **ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДАННОЙ МОДЕЛИ ФРЕЙМЫ**, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира. Эти фреймы изначально структурируют исходную концептуальную сферу (сферу-источник), а в метафорических смыслах служат для нетрадиционной ментальной категоризации сферы-магнита; по определению В. З. Демьянкова, фрейм — «...это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом... Фрейм — структура данных для представления стереотипной ситуации» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1996, с. 188]. Для описания модели в равной степени важен состав фреймов как в сфере-источнике, так и в сфере-магните. Нередко система фреймов предстает как своего рода когнитивный динамический сценарий, отражающий представления о типичной последовательности развертывания модели. Например, характерная для политической коммуникации метафорическая модель с исходной ментальной сферой «болезнь» предполагает следующий сценарий развертывания: *заболевание — выявление симптомов — определение диагноза — лечение — уход за больным — выздоровление*;
- **СОСТАВЛЯЮЩИЕ КАЖДЫЙ ФРЕЙМ ТИПОВЫЕ СЛОТЫ**, то есть элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. Например, фрейм «вооружение» включает такие слоты, как «огнестрельное оружие», «холодное оружие», «боевая техника», «боеприпасы», «средства защиты от оружия и маскировка» и т. п. При характеристике составляющих слота мы употребляем термин «**концепт**»; для обозначения этих концептов чаще всего используются слова естественного языка. Как отмечает Е. С. Кубрякова, концепт отражает представления «...о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких **квантов** знания» [Там же, 1996, с. 90]. Концепт в отличие от лексической единицы (слова) — это единица сознания, ментального лекси-

кона. По словам Е. В. Рахилиной, «главным свойством концептов нередко считается их неизолированность, связанность с другими такими же — это определяет то, что всякий концепт погружен в домены, которые образуют структуру... Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт» [2000, с. 3]. Совокупность всех существующих в национальном сознании концептов образует концептуальную систему, концептосферу;

- **КОМПОНЕНТ, КОТОРЫЙ СВЯЗЫВАЕТ ПЕРВИЧНЫЕ** (в сфере-источнике) **И МЕТАФОРИЧЕСКИЕ** (в сфере-магните) **СМЫСЛЫ ОХВАТЫВАЕМЫХ ДАННОЙ МОДЕЛЬЮ ЕДИНИЦ**. Например, при анализе метафорической модели **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** — это **ВОЙНА** необходимо определить, какие признаки позволяют метафорически сближать указанные сферы, чем именно политическая деятельность может напоминать войну, почему понятийная структура сферы-источника оказывается подходящей для обозначения элементов в сфере-магните;
- **ДИСКУРСИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОДЕЛИ**, то есть типичные для соответствующих метафор концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, прагматический потенциал модели, ее взаимосвязи с существующей политической ситуацией, конкретными политическими событиями, политическими взглядами и интенциями субъектов коммуникации и др.;
- **ПРОДУКТИВНОСТЬ МОДЕЛИ**, то есть способность к развертыванию и типовые направления развертывания в тексте и дискурсе. При необходимости можно вычислить и частотность использования соответствующих модели метафор, сопоставить частотность различных моделей с учетом стилистических, жанровых и иных признаков текста.

Следует подчеркнуть, что в подготовленном А. Н. Барановым и Ю. Н. Карауловым «Словаре русских политических метафор» различаются термины «метафорическая модель» и «модель метафоры». При этом метафорической моделью называется только «понятийная область (область источника в когнитивной интерпретации метафоры), элементы которой (смыслы и сочетания смыслов) связаны различными семантическими отношениями («выполнять функцию», «способствовать», «каузировать», «быть частью», «быть видом»,

«быть примером» и др.), причем каждый элемент модели соединен с другими элементами существенно более сильными связями, чем с элементами других понятийных областей» [Баранов, Караулов, 1994, с. 15]. Иначе говоря, данные исследователи называют метафорической моделью только то, что в нашей концепции обозначается как понятийная сфера-источник метафорической экспансии. Соответственно в «Словаре русских политических терминов» выделяются такие метафорические модели, как «СПОРТ», «МЕХАНИЗМ», «МЕДИЦИНА». В настоящей монографии (под влиянием классической монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона) название модели всегда включает два компонента: сферу-источник и сферу-магнит: например, **политика** (обозначение сферы-магнита) — это **СПОРТ** (обозначение сферы-источника). В отдельных случаях используются и описательные названия моделей (например, политическая метафора с исходной понятийной сферой «СПОРТ», спортивная метафора в политической коммуникации). Между соответствующими модели метафорами устанавливаются отношения на сигнификативном (уровень понятий), денотативном (область объектов метафорического осмысления) и экспрессивном уровнях.

Целенаправленный анализ функционирующих в политической сфере метафорических моделей способствует выявлению тенденций развития политического дискурса и помогает определить степень влияния изменений социально-экономического характера на функционирование языка.

2.2. Проблемы классификации метафорических моделей

В процессе характеристики конкретных метафорических моделей многие специалисты приходят к мысли о необходимости их последовательной систематизации в том или ином языке. Например, в посвященном художественной речи исследовании Н. В. Павлович [1995] выделены и охарактеризованы наиболее типичные для русского языка метафорические формулы (в нашей терминологии — метафорические модели), что очень важно как для анализа конкретных текстов, так и для постижения закономерностей русского национального менталитета. В связи с этим автор ставит вопрос: «Мо-

жет быть, действительно, их не так много, этих традиционных формул? Время — вода, смерть — сон, земля — мать, жизнь — битва и еще, к примеру, десятка два подобных широко употребляемых повсюду образов?» [Павлович, 1995, с. 55]. Сходную позицию занимает Н. А. Кузьмина, которая считает, что «общее число архетипов, видимому, невелико для поэтического языка в целом и, конечно, для каждого его синхронного состояния» [1999, с. 297]. Значительно более осторожную позицию занимают А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов, которые указывают на множество сложностей как при определении границ соответствующих моделям понятийных областей, так и при дифференциации конкретных моделей [1994, с. 15].

Основные метафорические модели русской политической речи представлены в подготовленных А. Н. Барановым и Ю. Н. Карауловым словарях [1991; 1994].

Иные варианты классификации ведущих метафорических моделей, характерных для современной отечественной политической речи, отражены в публикациях Ю. Б. Феденевой [1998] и А. П. Чудинова [2001]. Отдельные фрагменты системы русских метафорических моделей охарактеризованы в публикациях Т. С. Вершининой [2002], А. Б. Ряпосовой [2002].

Представляется, что при систематизации метафорических моделей процесс значительно более важен, чем результат. Дело в том, что возможные пути классификации очень разнообразны и едва ли какая-либо из возможных классификаций окажется принятой всеми. Специалисты хорошо помнят, сколько было оптимизма после первых публикаций по лексико-семантическим группам слов, и вместе с тем хорошо понимают, что до настоящего времени отсутствует единая и общепризнанная лексико-семантическая классификация русской и английской лексики. Это же можно сказать о классификации и инвентаризации моделей регулярной многозначности.

Следует согласиться с тем, что перспективы единой и общепризнанной классификации (и инвентаризации) метафорических моделей еще менее очевидны, но такая работа нужна, поскольку она позволит выделить хотя бы наиболее частотные и продуктивные модели, а также даст богатый материал для постижения общих закономерностей метафорического моделирования действительности.

Важная проблема, возникающая при систематизации метафорических моделей, — это выбор основания для классификации.

Во-первых, за основу для систематизации можно взять исходную понятийную сферу (сферу-источник метафорической экспансии) и выделить, например, следующий ряд однотипных моделей:

- 1) **ПОЛИТИКА — это ЗДАНИЕ** (дом);
- 2) **ПОЛИТИКА — это МЕХАНИЗМ**;
- 3) **ПОЛИТИКА — это ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ**;
- 4) **ПОЛИТИКА — это РАСТЕНИЕ**.

Детальное описание подобной системы моделей представлено в нашей монографии «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000)» [Чудинов, 2001].

При необходимости за основу для классификации можно взять не понятийную сферу-источник, а лишь ее отдельные фреймы. Например, в понятийном поле «Политика» выделяются следующие фреймы: субъекты политической деятельности (политические лидеры, политические активисты, избиратели и др.), политические организации, политические институты (парламент, правительство, муниципальные органы власти), политическая деятельность, отношения между субъектами политической деятельности и т. п. Взяв за основу первый из названных фреймов, можно выделить следующий ряд однотипных моделей:

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — это ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖИВОТНОГО МИРА (медведи, волки, львы, крокодилы, бараны и т. п.);

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — это СПОРТСМЕНЫ (боксеры, шахматисты, лидеры, аутсайдеры, команда, имеющая капитана и тренера, и т. п.);

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — ЧАСТИ ЖИВОГО ОРГАНИЗМА (голова, сердце, рука, глаза и др.);

СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ — ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЯ (рядовые и генералы, разведчики; армия, имеющая главнокомандующего, штаб и другие структуры).

Соответственно отношения между субъектами политической деятельности (людьми и организациями) — это война, игра, отношения

в животном мире, спортивное состязание, театр, отношения в феодальной иерархии, отношения в семье и т. п.

За основу для классификации можно взять и сферу метафорического притяжения (сферу-мишень) и на этой основе выделить, например, следующий ряд однотипных моделей:

- 1) **ПОЛИТИКА** — это **ЗДАНИЕ** (дом);
- 2) **ЭКОНОМИКА** — это **ЗДАНИЕ** (дом);
- 3) **ЮРИСПРУДЕНЦИЯ** — это **ЗДАНИЕ** (дом);
- 4) **РЕЛИГИЯ** — это **ЗДАНИЕ** (дом).

Еще одна классификация моделей (она представлена в работах В. В. Лабутиной [1997; 1998]) учитывает те компоненты, которые связывают первичные и вторичные значения охватываемых соответствующими моделями слов. Сюда относятся такие типовые смыслы, как «причина и следствие», «главное и второстепенное», «руководитель и подчиненный», «сильный и слабый» и т. п. Например, для выражения причинно-следственных отношений может метафорически использоваться лексика родства (мать и дочь; сын и отец; рожать), лексика из понятийной сферы «Растения» (семена и урожай, корни и плоды). Для обозначения отношений управления можно использовать лексику из понятийной сферы «Механизмы» (руль, рычаги, тормоз), обозначения частей организма (голова, мозг, ноги, руки), слова из понятийной сферы «Животный мир» (наездник и лошадь, вожжи, узда), слова из понятийной сферы «Театр» (дирижер, режиссер, суфлер, марионетка, кукловод), лексика из понятийной сферы «Преступный мир» (пахан, шестерка, авторитет, киллер).

Для познания закономерностей метафорического моделирования действительности могут быть значимы результаты анализа каждого из рассмотренных выше типов моделей. Каждый из них открывает новые возможности для структурирования политической реальности в языковой картине политического мира и особенно в конкретном тексте.

Вторая важная проблема, встающая при выборе параметров классификации метафорических моделей, — это определение состава понятийных сфер, способных служить источником или мишенью для метафорической экспансии. При определении таких сфер следует учитывать, что создаваемая человеком картина мира изначально антропоцентрична: этот мир строится разумом человека, который

концептуализирует политические реалии, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира. Метафора реализует представления о человеке как о центре мира.

Поэтому нами были выделены и охарактеризованы четыре разряда моделей политической метафоры [Чудинов, 2001]. В каждом из этих разрядов обнаруживается несколько наиболее типичных моделей. Эти модели, разумеется, не охватывают всего реального спектра источников метафорической экспансии и метафорического притяжения, но дают относительно полное представление о специфике данного разряда.

Содержание основных разрядов русской политической метафоры последнего десятилетия XX века может быть обобщено следующим образом.

Антропоморфная метафора

Как известно, Бог создал человека по своему образу и подобию. Возможно, именно этим можно объяснить тот факт, что человек также моделирует политическую реальность исключительно по своему подобию, что позволяет метафорически представлять сложные и далекие от повседневности политические понятия как простые и хорошо известные реалии. При исследовании этого разряда анализируются концепты, относящиеся к исходным понятийным сферам «Анатомия» «Физиология», «Блезнь», «Секс», «Семья» и т. п.

Природоморфная метафора

Живая и неживая природа издавна служит человеку своего рода моделью, в соответствии с которой он представляет социальную, в том числе политическую, реальность, создавая таким образом языковую картину политического мира. Источниками метафорической экспансии в данном случае служат понятийные сферы «Мир животных», «Мир растений», «Мир неживой природы», то есть политические реалии осознаются в концептах мира окружающей человека

природы.

Социоморфная метафора

Различные составляющие социальной картины мира постоянно взаимодействуют между собой в человеческом сознании. Поэтому мир политики постоянно метафорически моделируется по образцу других сфер социальной деятельности человека. Рассматриваемый разряд политических метафор включает такие понятийные сферы-источники, как «Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Экономика», «Игра и спорт».

Х

Артефактная метафора

Бог сотворил мир и человека, но человек посчитал этот мир недостаточно комфортным и продолжил созидательную деятельность. Человек реализует себя в создаваемых им вещах — артефактах. Именно по аналогии с артефактами люди метафорически моделируют и политическую сферу, представляя ее компоненты как «Механизм», «Дом (здание)», «Мир компьютеров», «Инструмент», «Домашнюю утварь» и др.

Названные выше разряды метафор можно схематично представить следующим образом: «Человек как центр мироздания», «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда».

Важно подчеркнуть, что в основе каждой понятийной сферы лежит концептуализация человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности. Именно поэтому выделяется, например, понятийный разряд «Человек и природа», а не категория (или семантическое поле) «Природа». В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики в основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека

о свойствах самого человека и окружающего его мира. Всякий концепт является не изолированной единицей, а частью домена (ментального пространства, понятийной сферы). Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт. Концепты, как и домены в целом, отражают не научную картину мира, а обыденные («наивные») представления человека о мире (В. Гумбольдт и неогумбольдтианцы, американская этнолингвистика, гипотеза лингвистической относительности Сэпира — Уорфа, а также современные публикации Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Ю. Д. Апресяна, Л. Н. Иорданской, Е. С. Кубряковой, С. Е. Никитиной, Е. В. Рахилиной, Е. А. Урысон и др.).

Дифференциация научной и «наивной» картины мира опирается на предложенное А. А. Потебней еще во второй половине XIX века разграничение «ближайшего» (собственно языкового) и «дальнейшего» (соответствующего данным науки) значений слова. Эта концепция предопределяет дифференциацию научных и обыденных («наивных») классификаций. Например, научная (зоологическая) классификация царства животных (это биологический термин, а не «живая» метафора) очень сложна и многоступенчата: на первом этапе названное царство разграничивается на подцарства одноклеточных и многоклеточных. В составе многоклеточных дифференцируется множество подклассов и типов, в том числе губки, кишечно-полостные, плоские, первично-полостные, кольчатые черви, моллюски, иглокожие, хордовые. В последнем типе выделяется подтип позвоночных, в котором далее вычленяются классы рыб, земноводных, пресмыкающихся, птиц, млекопитающих; на следующих ступенях этой иерархии представлено еще более детальное разграничение живых существ. Едва ли имеет смысл приводить здесь хотя бы основную структуру зоологической классификации: очевидно, что она нужна только специалистам. Большинство «небиологов» вполне обходится «наивной», или «обыденной», элементарной классификацией, и именно эта «наивная» классификация является основой концептуальной структурированности царства животных, которая составляет исходную понятийную сферу для зооморфной политической метафоры.

Обыденная категоризация животного мира во многих случаях не соотносится с классификацией научной. Например, в соответствующую

щей современной русской ментальности обыденной категоризации мира, видимо, выделяются в лучшем случае микробы, букашки, черви, змеи, раки, лягушки, рыбы, птицы и собственно животные (в смысле — млекопитающие). Можно представить и менее детальный вариант категоризации: животные, птицы, рыбы и «все остальное» (то есть то, что в научных работах называется «низшие животные»). Кроме того, обыденная классификация животных вне зависимости от семейств, отрядов и видов и прочей научной «зауми» различает домашних и диких животных (например, свиньи могут быть и домашними, и дикими), хищных и нехищных животных (однако к хищникам относятся не только собственно животные, но и некоторые птицы и рыбы), обитателей моря, суши и неба, а также некоторые другие группы. Вместе с тем в обыденном сознании вовсе не существует, например, выделяемых зоологией класса хордовых и даже семейства волчьих, то есть для нас собственно животные, птицы и рыбы не составляют какого-то единства, а собаки, лисы, шакалы и волки — это совершенно различные для «наивной» классификации животные.

Специальные наблюдения показывают, что в основе абсолютного большинства политических метафор лежит именно обыденная картина мира, наивные представления, которые, как отмечает Ю. Д. Апресян, «отнюдь не примитивны», а во многих случаях «не менее сложны и интересны, чем научные» [1995, с. 39]. Эти наивные представления «отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником» [Там же] в познании национального менталитета.

В зависимости от конкретных задач исследования могут быть выделены и некоторые другие группы моделей. Так, в диссертации Т. С. Вершининой [2002] рассмотрены общие и особенные свойства моделей органистической метафоры, среди которых автор различает фитоморфные, зооморфные и антропоморфные модели. А. Б. Ряпосовой [2002] исследована группа моделей с агрессивным прагматическим потенциалом, к которым автор относит прежде всего метафорические модели с исходными понятийными сферами «Война», «Мир криминала» и «Мир животных». По мнению А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, метафоры перестройки «можно расположить на

мысленной шкале по степени убывания активности действующего лица. Тогда на одном конце такой шкалы оказывается поле строительной метафоры», а на другом — поле антропоморфной метафоры [1991, с. 14].

В концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона различаются ориентационные метафоры (они опираются на пространственные оппозиции типа «верх — низ», «центр — периферия», «больше — меньше» и т. п.), онтологические метафоры (например, представление человеческой души как некоего вместилища чувств, представление неодушевленных предметов как живых существ) и структурные метафоры, которые дают возможность использовать концепты из одной понятийной сферы для характеристики совершенно иной сферы.

Рассматривая типичные свойства метафорических моделей, А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов отмечают, что такие модели способны взаимодействовать друг с другом [1994, с. 6].

Существующая в дискурсе метафорическая картина мира — это своего рода система метафорических полей, свойства которой во многом аналогичны свойствам системы лексико-семантических полей. Необходимо выделить следующие наиболее важные для нашего описания свойства метафорических моделей.

1. ИЕРАРХИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

В лексико-семантической системе традиционно выделяются иерархические организованные объединения: поля подразделяются на подполя, внутри этих подполей выделяются лексико-семантические группы, которые в свою очередь подразделяются на подгруппы, в составе которых могут выделяться отдельные парадигмы и т. п. [Шмелев, 1973; Новиков 1982; Кузнецова, 1989 и др.]. Подобные отношения можно обнаружить и между моделями. Например, метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Дом (строение)» может рассматриваться как часть более широкой модели с исходной семантической сферой «Населенный пункт (город, деревня и т. п.)», в составе которой выделяются разнообразные названия инфраструктуры (дом, мост, улица, переулок и т. п.). С другой стороны, в составе модели с исходной понятийной сферой «Дом (строение)» может быть выделена своего рода «подмодель» с исходной понятийной

сферой «Кухня».

2. ПЕРЕСЕКАЕМОСТЬ (диффузность, взаимопересечение) МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Исследователи лексико-семантических полей неоднократно отмечали такое свойство, как пересекаемость указанных полей, а также подполей и групп в их составе. Практика показала, что между смежными лексико-семантическими объединениями крайне сложно выделить отчетливую границу, очень часто обнаруживаются компоненты, которые по тем или иным основаниям можно отнести сразу к двум смежным полям [Кузнецова, 1989; Новиков, 1982; Шмелев, 1973 и др.].

Аналогичные факты наблюдаются и при изучении метафорических моделей. Нередко один и тот же метафорический образ может рассматриваться как одновременно принадлежащий различным метафорическим моделям. Например, метафорические обозначения, связанные с исходной понятийной сферой «Приготовление пищи», можно отнести к понятийной сфере «Кухня» (а «кухню» рассматривать как часть «дома»), но вполне возможно и включение метафорических обозначений приготовления пищи в обширную семантическую сферу «Созидание, изготовление». При несколько ином подходе метафоры, связанные со сферой «Дом», могут быть отнесены и к метафорической модели **ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ — это ЭЛЕМЕНТЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ**, которой соответствуют и метафоры, опирающиеся на такие слоты, как «мост», «улица», «тротуар», «парк», «туннель» и т. п.

3. ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

В лексико-семантических объединениях традиционно выделяют-ся центр, ядро, приядерная зона, ближняя периферия, дальняя периферия [Кузнецова 1989; Стернин, 2001; Шмелев, 1973 и др.]. По-видимому, сходные феномены можно обнаружить и в составе метафорической модели. Например, при анализе метафорической модели «Дом (строение)» можно выделить метафорические словоупотребления, которые наиболее ярко выражают типичные свойства модели,

относятся к ее центру, а также словоупотребления, которые принадлежат периферии исследуемого материала. В частности, метафоры, связанные с переосмыслением функций стен, окон, дверей, крыши, несомненно, относятся к наиболее типичным проявлениям модели, к центральной зоне относится и метафорическое переосмысление образов спальни, кабинета, коридора или кухни. С другой стороны, словоупотребления, метафорически переосмысливающие процесс приготовления пищи, если и относятся к модели «Дом (строение)», то только к самой дальней ее периферии.

В целом рассмотренный материал показывает, что возможны различные методики систематизации и описания метафорических моделей, которые в свою очередь могут выделяться по разным основаниям. При конкретном описании отдельных метафорических моделей необходимо учитывать такие их свойства, как иерархичность структуры, пересекаемость и полевая организация.

2.3. Методика описания метафорических моделей: экономика как сфера-источник и сфера-магнит для метафорической экспансии

Основной предмет описания в настоящем параграфе — два типа метафорических моделей. В первом случае **ЭКОНОМИКА** является понятийной сферой-источником метафорической экспансии в сферу **ПОЛИТИКИ**. В результате такой экспансии разнообразные политические реалии все чаще концептуализируются с позиций выгодной продажи или покупки, прибыли или убытков, бережливости или расточительства, накопления капитала или банкротства. Иными словами, в данном случае анализируется метафорическая модель **ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ — это ДЕНЬГИ (товары)**. Политическими ресурсами можно распоряжаться примерно так же, как умелый финансовый менеджер (или просто опытная хозяйка) распоряжаются деньгами и материальными ценностями. В качестве ресурсов, которые требуют грамотного использования, могут метафорически представляться политический авторитет, имидж, власть, талант, доверие,

должности, партии, депутатские объединения, свобода слова и другие способные приносить доход нематериальные ценности. Ср.:

- Молниеносная и масштабная его раскрутка объясняется тем, что немалый «первоначальный капитал» Вячеслав Володин накопил еще в бытность саратовским вице-губернатором (В. Александров); Правда и то, что этим величайшим кредитом доверия демократы распорядились не лучшим образом (М. Соколов); Все происходящее в Думе сейчас напоминает игру или большую торговлю, в которой еще многое не ясно, кроме того, что цена сделки очень высока (С. Бабаева, А. Колесников); Согласно гайдаровско-чубайсовской формуле вся Россия нерентабельна, подлежит списанию, дешевой распродаже (А. Проханов); Официозные СМИ пытаются купить неподкупных борцов из бывшего НТВ (М. Соколов).

В рассматриваемых контекстах концепты из экономической сферы метафорически обозначают политические ценности и процессы: например, авторитет метафорически представляется как капитал, а политические переговоры — как торговля, то есть слова, относящиеся в первичном значении к финансовой понятийной сфере (в том числе обозначающие товарно-денежные отношения, субъектов экономической деятельности и т. п.), метафорически обозначают социальные процессы, взаимоотношения политических организаций и конкретных политиков, моральные и деловые качества субъектов общественной борьбы и т. п. Во втором случае **ЭКОНОМИКА** становится уже сферой метафорического притяжения, то есть на этот раз экономические реалии обозначаются при помощи концептов, которые изначально относятся к совсем иным понятийным сферам. Ср.:

- Экономика — дама чрезвычайно осторожная и расцветает только под охраной неукоснительно исполняемых умных и суровых законов. Она не любит «чрезвычайщины» и быстро чахнет от административных мер (В. Зуев); Экономике республики можно сравнить с богатой невестой, которая ждет женихов с инвестициями, но может и не дожидаться (Н. Степанов); Цена — это любовный взгляд, бросаемый товаром на деньги. Если же последние отказывают товарам во взаимности, то им приходится владеть безрадостное существование на товарных складах (В. Медведев); Тем не менее политика, как обычно, изнасиловала экономику — самую беззащитную даму в нашем обществе, поскольку в момент надругательства она сопротивляться не

может. Зато потом мстит страшно (В. Гуревич).

Сопоставление экономики с женщиной (девушкой, невестой, женой и т. п.), которая что-то любит и чего-то не любит, ждет богатых женихов, может чахнуть и расцветать, бросать или притягивать любовные взгляды, подвергаться насилию, сопротивляться и мстить, выходить замуж и рожать, создает образную картину экономической жизни на основе хорошо знакомых каждому человеку концептов, изначально относящихся к совсем иным понятийным сферам. Как будет показано ниже, особенно часто источником метафор, способных образно представить экономические реалии, оказываются концептуальные сферы «Дом», «Дорога», «Война», «Мир животных», «Мир растений», «Болезнь» и «Человеческое тело».

2.3.1. Экономика как сфера-источник метафорической экспансии

Важнейший результат российской демократической революции конца XX века — это замена власти коммунистической номенклатуры властью денег (рыночных отношений), которую нам обещают заменить диктатурой закона. Однако строгость российских законов во многом компенсируется необязательностью их исполнения, а поэтому власть денег пока часто распространяется и на сферу политики. Как известно, «сила» метафоры, ее «голубая кровь» (А. Н. Баранов) — это постоянное балансирование между сказанным и несказанным, между прямым и метафорическим смыслом, это сохранение ассоциативного потенциала концептов сферы-источника при использовании метафоры для характеристики объектов в сфере-мишени. Специфика современной российской экономической метафоры во многом связана с особой ролью сферы-источника: накопление «политического капитала» невозможно без получения финансовых ресурсов, в результате чего финансовая метафора оказывается лишь отчасти метафорой. Как показал Дж. Лакофф [*Lakoff*, 1991], финансовая метафора очень характерна для политического дискурса Соединенных Штатов, где отношения между людьми, организациями и государствами издавна метафорически концептуализируются как товарно-денежные. В последние годы подобная метафора все шире используется и при концептуализации российской действи-

тельности в отечественных политических текстах.

Экономическая метафора в политической речи — это сильное средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента политической действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к экономической сфере. В соответствующих ситуациях очень важен прагматический потенциал метафоры — ее способность к преобразованию (переконцептуализации) существующей в сознании адресата картины мира, к переносу рациональных и эмоциональных оценок с экономических феноменов на политические.

Как известно, финансовая метафора издавна используется в русском политическом языке (обвинения в «продаже России» или хотя бы собственной совести традиционны), но в последние годы она заметно активизировалась, что, видимо, связано с усилением роли товарно-денежных отношений в новых социальных условиях и повышением уровня хотя бы минимальной экономической эрудиции у наших граждан, большинство из которых еще полтора десятилетия назад понятия не имели о ваучерах, конвертации, дефолте, отмывании капитала и прочих «капиталистических премудростях». Иначе говоря, в настоящее время исходная понятийная область детальнее структурирована в национальном сознании, а это очень важно для развертывания всякой модели.

Вторая причина активизации рассматриваемой модели — это ее широкие возможности для формирования эмотивных смыслов, связанных с агрессивностью, опасностью, нарушением нравственных норм и традиций, что очень важно в период обострения социальных взаимоотношений в обществе.

Показательно, что представленный ниже анализ фреймов и слотов данной модели свидетельствует, что финансовая метафора в политической речи чаще всего связана с тем, что традиционно осуждается в народном сознании. Как справедливо подчеркивает Дж. Лакофф [*Lakoff*, 1991], активное использование финансовой метафоры при оценке политической реальности — это один из способов манипулирования общественным сознанием. Как известно, при подсчете финансовых дивидендов не учитываются нравственные аспекты деятельности (еще в Древнем Риме было замечено, что «деньги не пахнут»). Соот-

ветственно активное использование финансовой метафоры способствует элиминации нравственной составляющей при оценке политической деятельности.

В цивилизованном обществе традиционно выделяются моральные ценности, которые максимально удалены от финансовой сферы: честь, достоинство, честность, репутация, справедливость. Как писал А. С. Пушкин: «Не продается вдохновенье...», продать можно только рукопись или иной результат труда. Общество признает безнравственной даже самую попытку определить цену, за которую можно было бы приобрести честь, совесть или справедливость того или иного человека, в том числе депутата или правительственного чиновника. Однако в последние годы финансовая метафора все чаще используется в политической речи, то есть наблюдается превращение рассматриваемой модели в доминантную, отражающую существенные особенности современной политической речи.

Рассмотрим систему фреймов и слотов финансовой метафоры в современной политической речи.

I 1. Фрейм «Деньги (капитал) и товары»

Слот 1.1. Деньги (капитал)

Политический авторитет, политические возможности человека или организации нередко метафорически обозначают как капитал, при использовании которого можно ожидать получения дохода (дивидендов), тогда как неразумная финансовая политика грозит банкротством. В некоторых случаях необходима конвертация имеющихся средств. Ср.:

- Грех не воспользоваться снятием с эфира и под шумок не сколотить себе приличный капиталец (М. Рязанцев); Всю реальную политическую прибыль от такого симбиоза получают только верхние этажи КПРФ, они же ее и делят (К. Сергеев); Мы не позволим безответственным чиновникам наживать политический капитал за счет заводчан (Д. Ярославский); На самом деле у президента гигантская проблема: конвертация народной любви в дела (Б. Немцов); Советник президента

А. Илларионов вообще заговорил о банкротстве либеральной экономической политики (С. Михайлов).

Слот 1.2. Собственность и товары

В экономической терминологии товар — это продукт труда, произведенный для продажи. В современной политической речи в качестве товара метафорически могут быть представлены авторитет политика (или партии в целом), его голос в парламенте, честь, совесть и другие пользующиеся спросом качества. Политические товары иногда служат предметом экспорта или импорта. Ср.:

- Задача этих партпревращений проста: всучить избирателям гнилой товар, которому давно пора на политическую помойку (А. Лучников); Так возникает рядом с настоящим «Единством» теневое «Единство Урала». Этакие кроссовки «Адидас», сляпанные в Турции (А. Самохина); Поддерживать столь неперспективного кандидата — это бездумное разбазаривание политических ресурсов СПС (В. Андреев); Наши солдаты не должны умирать во имя экспорта революции (В. Костиков).

Вслед за приватизацией средств производства и иной государственной собственности наиболее активные олигархи стремятся приватизировать и государственную власть. Ср.:

- Банкиры на правах «партнеров» власти заодно приватизировали и правительство, благодаря чему присосались к бюджету (М. Кругов); Программа-минимум: Рыжков создает фракцию под условным названием «Олигархический депутат», а Володин, в свою очередь, приватизирует «Отечество» вместе со «Всей Россией», то есть фракцию ОВР (В. Александров).

II 2. Фрейм «Субъекты экономической деятельности»

В экономической теории субъекты экономической деятельности — это люди или организации, занимающиеся товарно-денежными операциями (производством, закупкой и продажей товаров).

Слот 2.1. Организации, создаваемые для экономической деятельности

Для успешной реализации основной экономической формулы

«Товар — деньги — товар» общество создает специальные структуры — финансовые компании, акционерные общества, биржи, ярмарки, базары, магазины, которые организуют финансовые потоки. К числу подобных учреждений, казалось бы, не относятся политические партии, парламенты, избирательные комиссии, однако это правило не распространяется на метафорическое изображение современной российской политической жизни. Ср.:

- Российский парламент сегодня — это большая биржа, где депутаты зарабатывают деньги (Е. Глушкова); Госдума — своеобразное акционерное общество, контрольный пакет в ней Кремль никому отдавать не собирается (О. Лурье); Мы создали не рыночную экономику, а большой базар, где все продается и покупается (М. Крючков); На политической ярмарке тщеславия Игорь Иванов не стремится быть в первом ряду (С. Браницкая).

Слот 2.2. Физические лица — субъекты экономической деятельности

В современной России появились специалисты, которые осуществляют товарно-денежные отношения именно в политической сфере, то есть занимаются политической рекламой, лоббированием, избирательными технологиями. Подобные люди метафорически представляются как продавцы политических товаров. Ср.:

- Примета осени — в регионы потянулись политические коробейники (Е. Глушкова); У современных политтехнологов, как у приказчиков в бакалейной лавке, есть товар для любого покупателя (С. Зуев).

В метафорической картине мира политическую власть, как и имущество, можно не только купить, но получить в наследство, в качестве платы за верную службу или просто в подарок. Ср.:

- Исторически Путин является прямым наследником Ельцина (М. Ростовский); Ельцинская семья знает, что с ЛДПР можно «договориться по-хорошему» — стоит только предложить хорошую цену и Жириновский окажет партии власти свою поддержку (М. Носков).

Результатом подобной финансово-политической деятельности может быть обогащение или обнищание ее субъектов.

3. Фрейм «Экономическая деятельность»

Слот 3.1. Финансовая деятельность отдельных лиц и учреждений

Как известно, финансовые учреждения создаются для того, чтобы иметь доход от кредитов и инвестиций в прибыльные проекты. Клиенты банка могут получать дивиденды от своих вкладов, «стричь купоны» с облигаций банка. В конце года необходимо подвести баланс, подсчитать прибыль и убытки. Все это создает основу для регулярных метафорических преобразований. Ср.:

- Коммунисты хорошо понимают, кто «стрижет купоны» с их анти-приватизационной кампании (Т. Короенков); Ведь что составляет основной капитал медиа-холдинга? Не техника, не оборудование, а люди. Так что Гусинский должен был вкладывать деньги в том числе и в своих сотрудников. Гусинскому нужно было инвестировать в людей (Ю. Баграев); Никаких дивидендов от этой бурной деятельности не достается только тем, кто оплачивает работу политиков, рядовым налогоплательщикам (М. Ростовский); У России были неприятности, но политический баланс для нас положительный: прибыль существенно превышает убытки (С. Караганов).

Слот 3.2. Государственное регулирование финансовых рынков

Государство организует финансовую деятельность: оно при необходимости проводит девальвацию и ревальвацию национальной валюты, устанавливает налоги и правила проведения валютных операций, в том числе конвертации, предотвращает инфляцию, занимается проблемами национализации и приватизации собственности. Все эти концепты метафорически используются для обозначения политических реалий. Ср.:

- Нам грозит девальвация духовных ценностей, результаты которой могут быть страшнее любой инфляции (Н. Сорокин); Программ-минимум: Рыжков на известные средства создает фракцию под условным названием «Олигархический депутат», а Володин, в свою

очередь, приватизирует «Отечество» вместе со всей Россией, то есть фракцию ОВР (В. Александров); После упразднения федеральных округов признательность губернаторов конвертируется в голоса избирателей этих регионов (С. Михайлов).

Слот 3.3. Торговая деятельность

Стремление прийти к компромиссу, попытки договориться о сотрудничестве и иное взаимодействие между субъектами политической жизни в современных текстах нередко представляются как отношения купли-продажи. Ср.:

- Закон о гимне — это не что иное, как сделка между бывшей партийной номенклатурой и взращенной ею новой российской буржуазией (А. Гамов); Прагматично мыслящие молодые коммунисты уже откровенно заявляют о своем нежелании оплачивать безуспешные попытки Геннадия Андреевича победить на президентских выборах (К. Сергеев); Участие в выборах было весьма прибыльным бизнесом для иных аутсайдеров (С. Поршаков); По мере приближения выборов страсть политиков к торговле своими голосами становится настолько маньячной, что эту ситуацию нельзя рассматривать, ее можно только осматривать, как в поликлинике (Е. Енин).

Во многих других случаях финансовая метафора обозначает реальный подкуп чиновников и депутатов. Ср.:

- Чиновничество России, славное своей продажностью, продается и здесь. Две трети водки в России производится полукриминальными дельцами, которые не платят налоги (А. Брежнев); Против Бориса Абрамовича сработал его собственный прием — покупать не собственность, покупать людей. Людей Березовского банально перекупили (Е. Анисимов); Видимо Кремлю, который ведает Госдумой и ее голосами (оптом и в розницу), это не понравилось (О. Лурье).

4. Фрейм «Экономическая оценка»

Слот 4.1. Оценка экономической деятельности

В цивилизованных странах существуют определенные требования к экономической деятельности: например, предприятия должны

быть рентабельными, они не имеют права занимать монопольное положение на рынке. Это создает основу для метафорического представления ряда политических феноменов. Ср.:

- Приморье — полигон, на котором отрабатывается зловещий тезис о «нерентабельной территории», «нерентабельном населении», «нерентабельном народе» (А. Проханов); После отставки Виктора Черномырдина НДР стал убыточным предприятием, а поэтому трудно ожидать массивных финансовых влияний в его раскрутку (А. Зув).

Слот 4.2. Оценка товаров

В современных текстах политические «товары» (репутация, включение в партийный список на выборах, голосование в парламенте, депутатский запрос министру и др.) нередко оцениваются по таким признакам, как дорогой — дешевый, дефицитный — залежалый, качественный — некачественный. Товарно-денежные оценки нередко оказываются основой для политических метафор. Ср.:

- Свобода слова — дорогой, но двоякий дар (А. Солженицын); Ради достижения этой цели Путин иной раз шел и на компромиссы — так оказывалось дешевле. Как дешевле? — этот вопрос пришел на смену извечным российским вопросам «Кто виноват?» и «Что делать?» (Е. Анисимов); Путин исчерпал доверие. Сейчас происходит уценка его заявлений (В. Чикин).

Слот 4.3. Оценка состоятельности субъектов экономической деятельности

С этой точки зрения отдельные люди, предприятия, регионы и даже страны оцениваются как богатые, бедные или банкроты. Аналогичным образом в политическом дискурсе оценивается авторитет партий, движений и их политических лидеров. Ср.:

- Нельзя жить только продажей сырья: месторождения истощаются, и обнищавшая Россия окончательно пойдет по миру (Н. Филимонова); После минувших выходных политическая сцена России заметно обеднела; Партия «Единство», движения «Отечество» и «Вся Россия» провели церемонию самороспуска (С. Чугаев); Приближение политического банкротства «Яблока» понимает и сам Явлинский (А. Проханов).

Рассмотренные материалы показывают, что финансовая метафора в последние годы действительно превратилась в одну из ярких примет русской политической речи. Все более детальной становится структурированность исходной понятийной сферы, увеличивается частотность использования соответствующих метафор. Эти процессы вполне закономерны: источниками метафорической экспансии и метафорического притяжения обычно становятся понятийные сферы, которые очень актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их повышенный интерес.

По степени образности можно выделить по меньшей степени два типа финансовых метафор в современной политической речи. К первому типу относятся «живые» метафоры, которые в полной мере сохраняют свою двуплановость и соответственно внутреннюю форму. Такие метафоры (*девальвация совести, продажный чиновник, парламентская биржа* и др.), как правило, имеют пейоративную эмотивную нагрузку, поскольку в нашем национальном сознании традиционно порицалось перенесение в политическую сферу законов и нравов, существующих в сфере товарно-денежных отношений. Вместе с тем в русской политической речи много «стертых» финансовых метафор с почти утраченной образностью (*дорогое удовольствие, цена свободы, экономия политических ресурсов* и др.). При использовании таких метафор возможна актуализация внутренней формы за счет средств контекста, что в той или иной степени «оживляет» образ, привлекает к нему внимание адресата.

В наших предыдущих публикациях было показано, что доминантные сферы-источники концептуальных метафор в современной российской политической жизни — это понятийные сферы болезни, войны, мира животных, криминала и театра (цирка, балагана). Финансовая метафора занимает достойное место в этом ряду.

2.3.2. Экономика как сфера-магнит для метафорического притяжения

В последние годы происходит активное развитие системы русской экономической лексики, что объясняется переходом нашей страны к рыночной экономике и связанной с этим потребностью в

номинации новых экономических феноменов. Для обозначения этих феноменов активно используются ресурсы русского словообразования, в том числе потенциал метафоры. В процессе когнитивного построения современной языковой картины экономической реальности специалисты постоянно используют ресурсы совершенно иных понятийных сфер. Примером могут служить метафоры из сферы источника «Анатомия и физиология человека».

Рассмотрим особенности метафорической модели **ЭКОНОМИКА — это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ**.

Данная метафорическая модель — одна из наиболее широко представленных и детально структурированных в современных экономических текстах. Она уже давно существует в русском языке, но в последнее время заметна активизация ее отдельных фреймов и слотов. Подобная метафора уже привлекала внимание специалистов [Апресян, 1995; Колотнина, 2001; Никитина, 1999; Чудинов, 2001; Феденева, 1997 и др.]. Концептуальная метафора **ЭКОНОМИКА — это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ** принадлежит к числу моделей, которые исследователи характеризуют как базисные (Дж. Лакофф, Э. Маккормак), доминантные (А. П. Чудинов), ключевые (Н. Д. Арутюнова), такие метафоры относятся к «задающим аналоги и ассоциации между разными системами понятий и порождающим более частные метафоры» [Арутюнова, 1990б, с. 14]. На основе рассматриваемой метафорической модели человек наделяет субъекты экономической деятельности и экономику в целом наиболее близкими и понятными ему свойствами и характеристиками, в результате чего экономика предстает в виде человеческого тела, с его физиологией и анатомией. Циклы развития экономики осмысливаются как периоды развития живого организма, начиная с рождения и заканчивая смертью. Как и живой организм, субъекты экономической деятельности в этом случае выступают не как роботы или автоматы, а как существа, обладающие эмоционально-волевой сферой, способные испытывать и проявлять чувства. Подобно живому организму, субъекты экономической деятельности наделяются когнитивными способностями, они могут рождаться, умирать, болеть, вступать в брак и разводиться, у них обнаруживаются метафорические головы, руки, ноги и другие части тела. Анализ материала показывает, что в состав сферы

магнита для применения метафорической модели **ЭКОНОМИКА** — это **ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ** входят самые разнообразные реалии современной экономики, начиная с небольших, частных компаний и заканчивая всемирной экономической системой.

Рассмотрим конкретные фреймы и слоты метафорической модели **ЭКОНОМИКА** — это **ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ**.

1. Фрейм «Тело (организм в целом)»

Разнообразные экономические реалии могут представляться как тело. Ср.:

- Можно констатировать, что сегодня на рынках в регионах налицо простейшие, атомарные проекты. А экономического тела регионов не выстраивается (Эксперт. 1996. 22 апр.); ...Дележ тела неполученного кредита от МВФ продолжается, хотя эксперты понимают, что это пока дележ неубитого медведя (Эксперт. 1996. 16 апр.).

== 2. Фрейм «Анатомические органы»

Слот 2.1. Руки

Метафорические «руки» имеют самые различные субъекты экономической деятельности: особенно типичны словосочетания *руки банка, руки компаний, руки фондов* и т. д. Ср.:

- В деловых кругах Макао все большую популярность приобретает идея отдать после 2001 года монополию на управление игорным бизнесом в руки специальных благотворительных фондов (Эксперт. 1999. 28 июля).

В экономических текстах представлены также смысловые оппозиции *грязные руки — чистые руки, длинные руки — короткие руки, надежные руки — негодные руки*, смысловые компоненты которых усиливают характеристики реалий, на которые направлены их значения. В метафорическом употреблении выражение *невидимая рука* приобретает негативную эмотивную окраску со значением нелегальности, закрытости, манипулирования экономическими процессами в

собственных целях. Ср.:

- Ценовые соглашения — *«невидимая рука»* неограниченной конкуренции в кризисном периоде развития (Эксперт. 1999. 21 июля); Мы не хотим, чтобы предприятие попало в *негодные руки*... (Эксперт. 1999. 11 окт.).

Слот 2.2. Голова

Метафоры данного слота обычно характеризуют роль субъектов экономической деятельности в экономической иерархии или взаимоотношения в структуре компании, организации и т. д. Типичные сочетания — *глава холдинга, головной банк, головная компания, глава компании, отдела* и т. п. Основная прототипическая функция — общее руководство всем организмом.

Слот 2.3. Кровеносная система

В состав слота входят метафорические выражения с общим значением «кровь и кровеносные сосуды». Основная прототипическая функция — обеспечение жизнеспособности субъектов экономической деятельности. Нарушения в кровеносной системе приводят к сбоям функционирования субъектов экономической деятельности. Ср.:

- Так, *много крови* алюминиевым заводам портят естественные монополии и госслужба (Эксперт. 1998. 23 февр.).

Слот 2.4. Лицо

Типичные сочетания — *лицо компании, лицо банка* — связаны с выделением элементов, которые предназначены для создания имиджа фирмы, влияют на восприятие фирмы «со стороны». Слот представлен также терминологическим обозначением *лицевой счет*.

Слот 2.5. Сердце

Употребляется в экономических текстах в соответствии с основной прототипической функцией — обеспечение жизнедеятельности. Может содержать компоненты, указывающие на здоровье субъектов экономической деятельности. Также содержит выражения, употребляющиеся в функции — центральный, основной по местоположению и значимости орган. Таковы, например, словосочетания *сердце про-*

изводства, сердце фонда, сердце компании, в этой функции может метафорически употребляться новый или основной продукт. Ср.:

- Новым сердцем Mitsubishi стала модель Carisma (Эксперт. 2000. 2 окт.).

Характерным для русскоязычных текстов является метафорическое представление сердца как органа чувств: компании могут быть расположены к клиентам *всем сердцем*, они призывают клиентов принимать решение *сердцем*.

Слот 2.6. Позвоночник

Основная прототипическая функция — средство взаимосвязи отдельных органов в единое целое, результатом чего становится обеспечение жизнедеятельности организма. Ср.:

- Топливо-энергетический комплекс — это хребет российской экономики, от его здоровья зависят бюджет и бюджетники (Эксперт. 2001. 16 окт.).

Нежизнеспособные субъекты экономической деятельности расцениваются в экономических текстах как бесхребетные. Субъекты экономической деятельности могут также иметь и дефекты развития позвоночника. Ср.:

- ...Серия соглашений о реструктуризации 1996—97 годов позволила отодвинуть «горб» возрастающих платежей по советским долгам (Эксперт. 1999. 5 июня).

Слот 2.7. Органы физического восприятия

Субъекты экономической деятельности могут, подобно живому организму, иметь глаза и уши, их прототипическая функция — сбор и оценка информации. Ср.:

- «Рынок верит не тому, что он слышит на презентациях, а тому, что он видит в финансовых документах», — считают эксперты (Эксперт. 1999. 10 мая).

Метафорические выражения в составе слота могут содержать компоненты со значением дефектов деятельности ее субъектов. Так, например, наши рынки, фонды, банки, биржи могут быть не только близорукими, но и слепыми.

О 3. Фрейм «Жизненный цикл организма»

Слот 3.1. Зачатие

Характерные особенности российской экономики как экономики зарождающихся рынков нашли отражение в метафорическом употреблении концептов, связанных с зачатием ребенка, зарождением жизни. Денотативной областью применения метафор данного слота становятся сферы, традиционно отсутствующие в условиях марксистско-ленинской социалистической экономики, например, фондовые биржи, риэлтерский рынок, частные банки и т. п. Ср.:

- ...Банки как-никак существовали при социализме, а фондовый рынок отсутствовал даже в зародыше (Эксперт. 1999. 11 окт.); В России было только три стратегических инвестора, четвертый только зарождает-ся (Там же).

Слот 3.2. Рождение

Представлен рядом однотипных конструкций: *рождение компании, рождение фонда, рождение рынка, рождение банка* и т. д. В послекризисный период в связи с наметившимися тенденциями оживления ряда внутренних отраслей появляется метафора *второе рождение*.

Слот 3.3. Рост

В основе лежит концептуальная метафора *рост экономики*. Представлен рядом однотипных конструкций: *рост доллара, рост курса, рост банков, рост компаний, рост производства, рост денежной массы, рост экспорта, рост индексов* и т. д. Ср.:

- Российское хозяйство находится в состоянии роста уже более полугода (Эксперт. 1999. 10 мая).

Рост экономических показателей может быть быстрым, стремительным, замедленным и т. д.

Слот 3.4. Смерть

Слот представлен однотипными конструкциями, например словосочетаниями: *смерть банков, смерть системы, смерть компании,*

красивая смерть и т. д.

Денотативная область применения распространяется практически на любые субъекты экономической деятельности и их деятельность. Ср.:

- С нашей точки зрения, практически неминуемым исходом всех этих «лечебных процедур» станет смерть пациентов — подавляющее большинство ломоперерабатывающих предприятий после применения новых быстродействующих средств просто-напросто разорится (Эксперт. 1999. 11 окт.).

В составе слота содержится смысловая оппозиция «живой — мертвый», включающая ряд терминов, образованных способом метафорического переосмысления общеупотребительных слов. Например, *живые деньги — мертвые деньги, живой капитал — мертвый капитал*, при этом в языке экономики находит свое отражение существующая в обыденном сознании система ассоциативных связей. Плохо функционирующие субъекты экономической деятельности могут метафорически представляться как умирающие, находящиеся на грани жизни и смерти и т. д. Ср.:

- Три года назад купили умирающий Ручьевский рыбоконсервный комбинат, вложили в него деньги и сегодня за счет комбината построили рыболовецкие судна (Эксперт. 1999. 11 окт.).

Слот 3.5. Причина смерти

Наиболее часто субъекты экономической деятельности в русских экономических текстах погибают от удушья или тонут. Ср.:

- А промышленность задыхается, ко всем сложностям и новым требованиям рынка... для директоров добавились проблемы нехватки оборотных средств, неплатежеспособный спрос и острый дефицит инвестиций (Эксперт. 1999. 5 июня); Два элеватора... в результате такой политики «затонули» (Эксперт-Урал. 2001. 27 авг.).

Слот 3.6. Похороны

Данная метафора встречается только в отношении наиболее значимых, крупных субъектов экономической деятельности, например, *похороны банков, похороны системы страхования* и т. д. Периоды экономических кризисов сопровождаются активизацией данного слота в экономических текстах. Ср.:

- Паническое изъятие вкладов... способно вбить последний гвоздь в

гроб российской банковской системы (Эксперт. 1998. 7 авг.); Словно и не было памятного всем валютного обвала, который, казалось, надолго похоронил местное экономическое чудо (Эксперт. 1999. 21 июля); Но среди отброшенных концепций оказалась и та, которую не стоило хоронить (Эксперт. 1998. 31 авг.).

Часто содержит усиливающие чувственное восприятие компоненты — *пышные похороны, скромные похороны, поминки* и т. д.

4. Фрейм «Родственные связи человека»

Отношения между субъектами экономической деятельности метафорически представляются как отношения в семье, где существуют семейная иерархия, специфические отношения между братьями и сестрами, мужьями и женами.

Слот 4.1. Дети

Субъекты экономической деятельности, образованные как филиалы основной компании, часто метафорически представляются в виде детей, дочек и наследников. Ср.:

- При том, что затраты на «детей» после открытия офиса сравнительно невелики: им платятся комиссионные и скромные отчисления на развитие (Эксперт. 2001. 5 марта); Мост же банк преимущественно Московский, имеет всего 8 филиалов и одну азербайджанскую «дочку» (Эксперт. 1998. 23 февр.).

Особенно широкое распространение получил термин *дочерняя компания*.

Слот 4.2. Родители

Субъекты экономической деятельности, имеющие филиалы и финансово зависимые структуры (дочерний компании), метафорически представляются как материнские. Ср.:

- Сейчас в мировой табели о рангах Coopers & Lybrand и Price Waterhouse занимают соответственно четвертое и шестое места. Чисто арифметическое сложение выручки двух родителей выведет вновь сформированную компанию на лидирующие позиции (Эксперт. 1997. 23

сент.); Европейское «гражданство» дочерней структуры позволяет ей получить более высокий по сравнению с материнской фирмой кредитный рейтинг, ведь ее деятельность регулируется Европейским законодательством (Эксперт. 2001. 5 марта); На наш взгляд... совсем другое — когда добытчик некоторым образом «папа» их общей с посредником «дочки» (Компания. 2000. 3 июня).

Слот 4.3. Родство по супружеству

Слияние и поглощение компаний часто метафорически представляются как свадьба, после которой метафорические жених и невеста становятся супругами. Ср.:

- Недаром немецкий медиа гигант Bertels Mann пошел на брак (альянс) с Napster (Эксперт. 2001. 5 марта); Помимо того что эти «свадьбы» могли привести к появлению двух мощнейших конкурентов Mediabanka, они еще и создавали предпосылки для существенного ослабления влияния самого Кучиа (Эксперт. 2000. 3 июня); Фирма Fokker оказалась в роли невесты с хорошей фамилией... Искала мадам Fokker женихов по всему свету... (Коммерсантъ. 1996. 23 июля).

Как и в человеческих отношениях, брак компаний в условиях российской экономики часто заканчивается разводом.

Слот 4.4. Братья и сестры

Субъекты экономической деятельности могут метафорически представляться как братья и сестры. Ср.:

- Именно Маттеи... разрушил существующую в то время монополию «семи сестер» — господствующих тогда на нефтяном рынке англо-американских нефтяных компаний (Эксперт. 2001. 5 марта); То же и братья жениха говорят, в частности АНТК «Туполев» и МАПО-МиГ (Коммерсантъ. 1996. 23 июля); Пока российские компании учатся, большинству из них придется довольствоваться ролью младших братьев, во всяком случае, в сфере производства (Эксперт. 1996. 29 сент.).

5. Фрейм «Питание»

В экономических текстах метафорически широко представлены

образы, связанные с аппетитом, питанием и кормлением.

Слот 5.1. Голод, недоедание и излишнее потребление пищи

Традиционно «трудные времена» в развитии страны ассоциировались с нехваткой пищи. Периоды экономических затруднений сопровождаются голодом, который могут испытывать субъекты экономической деятельности. Отсутствие достаточного количества средств и ресурсов метафорически представляется как потеря веса. Ср.:

- Среди факторов экономического роста нельзя не отметить заметное ослабление денежного голода (Эксперт. 1999. 10 мая); Несмотря на то что после кризиса кондитерский рынок похудел, резкое уменьшение объемов импорта позволило отечественным производителям увеличить производство (Эксперт. 1999. 11 окт.).

Соответственно накопление средств метафорически представляется как результат усиленного питания. Ср.:

- Работники промышленности были оставлены на голодном пайке, и те, кто пошел в торговлю сырьем, товарами или деньгами, стали накапливать жирок (Эксперт. 1998. 31 авг.); Зачастую денег «Газпрому» не платят только потому, что он — «зажиревший» на западных долларах монополист» (Эксперт. 1998. 13 апр.).

Слот 5.2. Употребление пищи

Победы в конкурентной борьбе нередко обозначаются как поедание конкурентов. Ср.:

- Европейский рынок не менее жесток, чем российский: слабых проглатывают (Эксперт. 2001. 5 марта).

Потребительская способность рынка может метафорически представляться как способность к глотанию. Ср.:

- По прогнозам, в 2002 году англо-американские табачные гиганты произведут в России около 260 млрд. сигарет, то есть почти столько, сколько сможет проглотить рынок (Эксперт. 1998. 13 апр.).

Слот 5.3. Кормление

Помощь одних субъектов экономической деятельности другим часто метафорически представляется как кормление. При этом ино-

гда субъекты экономической деятельности, получающие в виде пищи какие-либо ресурсы, обозначаются как нахлебники, паразиты, сидящие на чужой шее и получающие паек. Наиболее часто в качестве нахлебников в экономических текстах выступают неблагополучные отрасли, рынки и компании, получающие «корм» из рук государства. Ср.:

- Потребуется долгий период роста благосостояния населения, пока потребитель не сможет больше платить за информацию, а рекламный рынок — кормить не десятки, как сейчас, а тысячи СМИ (Эксперт. 2001. 5 марта); Пока сфера соцкультбыта — это нахлебник градообразующих предприятий. Этого нахлебника приходится хотя бы впроголодь кормить, поскольку иначе начнутся социальные проблемы (Эксперт. 1999. 24 мая).

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод о том, что метафоры из сферы «Анатомия и физиология человека» становятся в современной речи универсальным средством осмысления экономических реалий. Человек концептуализирует сложную для осмысления экономическую сферу деятельности с использованием хорошо знакомых понятий.

Детальное описание фреймово-слотовой структуры метафорических моделей со сферой-мишенью «Экономика» может быть продолжено. Но мы укажем ниже лишь наиболее яркие сферы-источники подобной метафоры.

1. Военная метафора

Метафорическая модель **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** — это **ВОЙНА** — одна из наиболее типичных для современного российского экономического дискурса. В истории нашей страны трудно обнаружить сколько-нибудь длительные периоды отсутствия военных действий, а поэтому военная сфера — это один из основных источников метафорической экспансии на самых разных этапах разви-

тия русского языка. Милитарная метафора оказалась очень удачным средством структурирования экономических отношений. В экономических войнах постоянно обнаруживаются победители и побежденные, в этих войнах используют специальную стратегию и тактику, в финансовых штабах планируют атаки и оборонительные действия, намечают пути захвата территории противника и ведут подсчеты возможных трофеев. Развитие и существование экономических систем и рынков описывается в терминах войны. На этих рынках идут ценовые войны, воюют за потребителя и возможности сбыта. Государства ведут между собой тарифные войны, воюют между собой экономические сообщества и организации, войны ведут финансовые органы и банки и т. д. Все это свидетельствует, что денотативная область использования данной модели разнообразна и включает практически все виды деятельности экономических субъектов. Осмысление экономических явлений в терминах войны стало настолько распространенным, что подобные метафоры часто воспринимаются как совершенно привычные, стертые, системные. В условиях нестабильной экономики ведение войны — это способ выживания в периоды кризисов и экономических потрясений. Ср.:

- Похоже, что создание одной крупной региональной компании за счет слияния мелких — единственный способ выжить в условиях ценовой войны (Эксперт. 1998. 23 апр.); Когда год спустя пришло время рассчитываться по кредитам, «Медиа-Мост» решил не платить и сразу перешел в наступление (Эксперт. 1999. 22 нояб.); Отсутствие сбытовой политики привело к тому, что к 1999 г. «Массандра» не только не завоевала новые рынки в дальнем зарубежье, но и сильно сдала позиции на своих традиционных рынках (Эксперт. 1999. 24 мая); Если опытный информационный боец холдинг «Медиа-Мост» начинает палить из орудий такого калибра, значит, игра, в которую он ввязался, стоит свеч (Эксперт. 1999. 22 нояб.); Жизни в статичной экономике уже никто не ждет, большинство нефтяных генералов предполагают, что следующей стадией развития отрасли будет образование нескольких крупных компаний путем слияния мелких (Эксперт. 1996. 12 авг.).

2. Криминальная метафора

Метафоры, представляющие экономическую деятельность как криминальную сферу, очень типичны для современной речи. В этом случае субъекты экономической деятельности представляются как преступники с различной «специализацией» (грабители, мошенники, гангстеры и др.), объединенные в разнообразные криминальные сообщества (банды, шайки, «семьи») и использующие типичные для уголовников орудия преступления. Ср.:

- Привыкших *жить «по понятиям»* коммерсантов возмущает частое нарушение силовиками правил игры (М. Ростовский); Большевики пошли еще дальше — они сделали *тотальный грабеж* государственной политикой (Г. Явлинский); Власть устанавливает *грабительские налоги* (Л. Телень); В годы пореформенные были напрочь забыты правоохранные функции уполномоченных на то структур, и их место заняли два типа *рэкета* — *государственный и собственно бандитский* (А. Колесников); Предпринимателей не устраивают налоговая *дубинка* и силовая *удавка* (В. Гончаров); Даже части этих денег нам вполне хватило, чтобы выйти из кризиса, избавиться от «*удавки*» МВФ (Ю. Скуратов).

Криминальные образы позволяют охарактеризовать современную политико-экономическую систему как очень далекую от цивилизованных норм. Очевидно, что при изменении социальной формации законодатели не всегда успевают регулировать экономическую практику, но результатом этого, к сожалению, нередко оказывается полукриминальная «саморегуляция» экономической деятельности. В связи с этим при использовании криминальной метафоры важную роль играют концептуальные векторы нелегитимности и, следовательно, неестественности, неоптимальности существующих экономических отношений.

5

3. Морбиальная метафора

Широкое распространение в современных экономических текстах получили метафорические модели с исходной понятийной сферой «Болезнь». В этом случае всевозможные экономические трудности образно представляются как физические и психические болезни, а стремление к их преодолению — как лечение, которое осуществляет специальный медицинский персонал с использованием разнообразных методов и средств.

В результате такого лечения возможно выздоровление пациента, но это случается далеко не всегда. Ср.:

- Отношение к МВФ везде, мягко говоря, сложное. Дает горькие лекарства. От них тошнит. А значит, врач плохой (А. Лившиц); В распоряжении Березовского немало материалов, подтверждающих старую российскую болезнь — коррупцию (А. Угланов); Некоторый прирост обремененной огромными долгами полуживой экономики оказался возможен лишь в связи с неожиданным повышением цен на нефть на мировом рынке (С. Галустян).

4. Зооморфная метафора

Широкое распространение в современных политических текстах получили зооморфные образы: субъекты экономической деятельности постоянно метафорически обозначаются как самые разнообразные представители мира животных. Соответственно отношения между участниками экономической жизни метафорически видятся как *грызня, бодание, взаимное пожирание*; в этом мире сильные постоянно стремятся *прикормить, оседлать* или *подойти* слабых. Ср.:

- Наши банкиры только назывались банкирами, тогда как на самом деле представляли собой финансовых паразитов, вроде клопов (М. Кругов); Это ощущение постоянного высасывания, ощущение огромной пиявки, которая присосалась к нашей Родине и высасывает

все соки (А. Проханов); Весной одиночки сбиваются в стаи. Борьба за выживание заставила аудиторов объединиться (В. Ковалевский); Надо отлучать чиновника от «кормушки», как свинью от корыта (В. Гуров).

Рассмотрение моделей метафорического осмысления экономических отношений можно продолжить: для образного представления таких отношений активно используются метафоры из понятийных сфер «Растения», «Неживая природа», «Дорога и транспорт», «Дом», «Механизм», «Игра», «Спорт», «Театр» и др. Все это свидетельствует о том, что понятийная сфера «Экономика» является сильнейшим магнитом для притяжения метафор.

Заканчивая рассмотрение методики описания и принципов классификации метафорических моделей, сделаем следующие выводы.

1. При описании метафорической модели необходимо прежде всего охарактеризовать следующие ее признаки: исходную понятийную область (ментальную сферу-источник метафорической экспансии), новую понятийную область (ментальную сферу-магнит для метафорического притяжения), относящиеся к данной модели сценарии и фреймы, составляющие каждый фрейм слоты. При более детальной характеристике определяются компоненты смысла, которые связывают сферу-источник и сферу-магнит метафорической экспансии, а также продуктивность и частотность модели, ее типовые концептуальные векторы и прагматический потенциал.
2. За основу для классификации моделей можно взять как понятийную сферу-источник метафорической экспансии, так и понятийную сферу метафорического притяжения (сферу-магнит). Для иллюстрации этого положения в настоящей главе представлено описание, с одной стороны, политических метафор, объединяемых сферой-источником «Экономика», а с другой — метафор со сферой-магнитом «Экономика» и сферами-источниками «Война», «Человеческий организм», «Криминал», «Мир животных», «Болезнь».
3. Рассмотренные материалы свидетельствуют, что в современных текстах концептуальная сфера «Экономика» оказывается

как богатым источником для метафорической экспансии, так и сильным магнитом, притягивающим концепты из самых разнообразных понятийных полей. Подобная активизация экономической метафоры объясняется повышенным вниманием общества к сфере экономики, потребностями в ярком и эмоциональном описании соответствующих реалий, поиском путей для усиления прагматического воздействия экономических текстов. Переход страны к рыночной экономике закономерно обусловил экспансию рыночных метафор.

Глава 3

Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в политическом тексте

В предшествующих главах рассматривались закономерности метафорического моделирования в общем континууме современных политических текстов. Основная задача настоящей главы — когнитивно-дискурсивное исследование роли концептуальной метафоры в организации конкретных речевых произведений с использованием методологии современной лингвистики текста.

Как указывает М. Н. Кожина, в современной лингвистике существуют «три основных, наиболее распространенных понимания сущности текста: текст как явление реального функционирования языка, текст как единица речи; текст как единица общения» [1980, с. 23]. Для настоящего раздела наиболее значимо понимание текста как единицы речи, которую И. Р. Гальперин определил следующим образом: «Текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанного в соответствии с этим типом документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [1981, с. 18]. В рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы текст должен рассматриваться как единица дискурса. При таком подходе особенно значимы целенаправленность и прагматическая установка текста, который должен анализироваться в рамках общей ситуации его создания и восприятия с учетом факторов интертекстуальности.

При исследовании текста важную роль играет анализ текстовых категорий. Для настоящего исследования наиболее важными параметрами текста как коммуникативной единицы являются его цельность (целостность, когерентность) и связность (Л. Г. Бабенко, И. Р. Гальперин, А. А. Леонтьев, Э. А. Лазарева, Л. М. Майданова, Л. Н. Мурзин, Т. М. Николаева, В. В. Одинцов, Е. А. Реферовская, Г. Я. Солганик, Ю. А. Сорокин и др.). Целостность текста «...ориентирована на план содержания, на смысл, она в большей степени психолингвистична и обусловлена законами восприятия текста, стремлением читателя, декодирующего текст, соединить все компоненты текста в единое целое» [Бабенко, Васильев, Казарин, 2000, с. 56]. Целостность «...есть латентное (концептуальное) состояние текста, возникающее в процессе взаимодействия реципиента и текста» [Сорокин, 1982, с. 65]. Читатель воспринимает текст как некоторое единство, хотя и не всегда до конца осознает причины такого восприятия. Мы считаем, что существующая в том или ином тексте система концептуальных метафор может способствовать восприятию данного текста как определенного единства.

Связность текста — это «рядоположенность и соположенность строевых и нестроевых элементов в языке (речи), есть некоторая дистрибуция, законы которой определены технологией соответствующего языка» [Там же, 1982, с. 65]. Традиционно к числу средств связи текста относят лексические и синонимические повторы, антонимию, местоименные замены, дублирование некоторых грамматических признаков. В концепции Л. Г. Бабенко выделен еще один вид текстообразующих связей — прагматические [Бабенко, Васильев, Казарин, 2000, с. 259—264]. Эти связи запрограммированы формой и содержанием текста, но выходят за его пределы, в этом случае автор надеется на общекультурную и политическую компетенцию читателя. Интертекстуальность характерна для современного политического текста в не меньшей степени, чем для художественного произведения в духе постмодернизма.

Представляется, что к числу текстообразующих прагматических средств во многих случаях относится и система метафор: как показывают даже предварительные наблюдения, метафоры в рассматриваемых текстах часто представляют собой не случайный набор абсолютно

автономных элементов, а своего рода систему, для которой характерны сильные внутритекстовые и внетекстовые связи. Организующим стержнем этой системы становится та или иная метафорическая модель. Само по себе то или иное метафорическое выражение может быть абсолютно новым, авторским, но обычно оно соответствует той или иной уже известной читателю метафорической модели, органично связано с соответствующими этой модели образами в пределах данного текста и за его рамками, что пробуждает ментальные ассоциации в памяти читателя.

Основная гипотеза, лежащая в основе данной главы, — это представление о том, что развернутая концептуальная метафора (параллельно с другими средствами) способна обеспечивать связность и цельность текста, она усиливает эстетическую значимость и прагматический потенциал текста, обеспечивает его интертекстуальность, связи с общим политическим дискурсом. Политические тексты часто организованы таким способом, что в них ясно ощущается доминирование какой-то одной метафорической модели (или ряда взаимосвязанных моделей). В этом случае в тексте обнаруживается значительное число взаимодействующих метафор, соответствующих данной модели. И эта система метафор способствует восприятию текста как определенного единства, она связывает отдельные части текста в единое целое и одновременно обеспечивает понимание текста как части дискурса.

Способность к развертыванию в тексте — важнейшее свойство концептуальной метафоры. Например, если в тексте появляется та или иная концептуальная метафора (например, **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — это ВОЙНА**), то можно ожидать ее развертывания по самым разнообразным направлениям и соответственно фреймам и слотам. Политические войны, как и настоящие боевые действия, ведутся по определенным законам, в них есть победители и побежденные, каждая армия иерархически организована, в ее составе выделяются батальоны, полки, дивизии и другие структурные подразделения, участники боев имеют разнообразные воинские специальности (диверсанты, разведчики, пехотинцы и др.), в штабах разрабатывается стратегия и тактика военных действий, участники боевых действий атакуют и защищаются, они применяют различные виды

вооружений и т. д. Примером такого развертывания модели в пределах относительно небольшого фрагмента текста может служить отрывок из статьи М. Соколова:

- Представьте себе армию, где вовсе нет младших офицеров, где старшие офицеры проводят все время в грызне между собой, пришьелы со стороны соглашаются поступать на службу лишь в чине не меньше генерал-лейтенанта, где на время скоротечных перестрелок спешно нанимают немного ландскнехтов, а бодрый главнокомандующий все время орет: «Вперед, чудо-богатыри!» Эта победоносная армия — наша нормальная российская партия (Известия. 2001. 26 апр.).

В пределах последующего текста статьи продолжается развертывание концептуальной метафоры **ПАРТИЯ — это АРМИЯ**. В более объемном тексте нередко обнаруживается взаимодействие метафорических моделей с однотипными сферами-источниками, сферами-магнитами и концептуальными векторами.

Главная задача настоящей главы — когнитивно-дискурсивное исследование закономерностей развертывания метафорических моделей в пределах текста.

В первом параграфе описываются основные виды такого развертывания: ярко выраженное доминирование одной модели (и даже одного фрейма), параллельное развертывание двух-трех моделей и отсутствие метафорической доминанты.

Во втором параграфе главы рассматривается специфика акцентирования, усиления роли метафорической модели в тексте за счет ее выделения при помощи тех или иных специальных средств. Как известно, современная лингвистика рассматривает ряд сильных (то есть наиболее значимых для восприятия) позиций текста. Это начало и концовка текста (а также начальная и финальная часть его конструктивных частей), заголовок текста (и подзаголовки внутри текста), эпиграф (Г. И. Богин, И. Р. Гальперин, Н. А. Кузьмина, Э. А. Лазарева, Т. М. Николаева, Ю. А. Сорокин, Н. А. Фатеева и др.). Сюда же относятся случаи, когда метафора выделена графически, сопровождается рисунком или оказывается в составе максимально значимых для данного текста риторических фигур. Очевидно, что метафора, оказавшаяся в сильной позиции, воспринимается как наиболее значимая, она часто организует всю метафорическую систему текста и

поэтому представляет особый интерес для исследования.

В заключительном параграфе раскрываются закономерности взаимодействия метафорического заголовка статьи и ее основного текста, выделяется ряд прагматических эффектов, возникающих в процессе такого взаимодействия.

3.1. Развертывание метафорической модели в политическом тексте

Политические жанры в зависимости от величины текста можно условно разделить на малые (слоганы, лозунги, речевки на митингах, настенные надписи), средние (листовка, статья в газете, выступление на митинге) и крупные (доклад, партийная программа, публицистическая книга). В пределах лозунга или речевки для развертывания метафоры недостаточно места; а в объемном тексте обычно реализуются самые разнообразные метафорические модели.

Поэтому материалом для анализа в настоящем разделе послужили политические тексты среднего размера. Объем опубликованного в газете политического текста дает широкие возможности для использования потенциала метафоры и в то же время способствует целостности восприятия системы метафор. Автор статьи свободен на этапе выбора языковой формы, он пользуется как традиционными номинациями, так и новыми, если они становятся необходимыми для реализации замысла. На разных этапах развития политической коммуникации актуализируются различные метафоры, но количество «сценариев» развертывания метафор в отдельных текстах ограничено. Рассмотрим наиболее типичные варианты развертывания метафорических моделей.

1. Развертывание в тексте одной доминирующей модели

В рамках текста преобладают метафоры, относящиеся к одной модели (а иногда даже — к одному фрейму). Эти метафоры организуют текст, служат средством связи его частей, обеспечивающим целостность восприятия. Такие модели можно назвать доминантными для соответствующего текста.

В качестве примера рассмотрим особенности развертывания ме-

тафор из сферы-источника «Мучения и смерть» в статье Александра Проханова «Березовскому выгодна смерть ТВ-6». Метафорический образ, заданный уже в самом заголовке, разворачивается в тексте: автор воспринимает «смерть» телеканала ТВ-6 как очередной шаг к политической смерти его владельца. Соответствующие метафоры выделены в тексте курсивом. Ср.:

λ Березовскому выгодна смерть ТВ-6

Мне не жалко журналистов ТВ-6. Если они и жертвы, то жертвы собственного снобизма. Никакой свободы слова внутри корпорации быть не может — это блеф. Звезды ТВ-6 были скальпелями, зажимами и пинцетами в руках олигархов — сначала Гусинского, потом Березовского. Информационным спецназом, готовым служить щедрому хозяину. Миф об их «святости» и «непреклонности», достойных Джордано Бруно, лопнул в тот миг, когда они поддались искушению сменить суверена. Киселев предал Березовского и пошел к Лесину искать компромисс. Пожелав уцелеть, команда ТВ-6 пренебрегла образом мучеников свободы слова. А в нем заключался их единственный иммунитет — их боялись сжечь, думая, что святые не горят. Но чары рассеялись, и их тут же вышвырнули вон.

Я думаю, что большая часть команды вернется на НТВ. Вернется Сорокина — пластичная, обожающая кокетничать с мужчинами, демонстрируя свое либидо. Может быть, вернется сам Киселев. Посмотрите на судьбу Доренко — другой креатуры Березовского. Это были щипцы, один конец которых держал в руках Борис Абрамович, а на другом с хрустом лопались такие большие орехи, как Примаков и Лужков. Но сегодня Доренко неизвестен. Он лег под ту же могильную плиту, под которой лежит Невзоров. Это некрополь Березовского. Он, словно античная богиня, превращает талантливых журналистов в трупы.

Новый Троицкий. Березовскому выгодна смерть ТВ-6, он понимал, что канал не удержать, но сделал все, чтобы эпатировать публику и власть. Дело в том, что над ним занесен меч правосудия — олигарха могут схватить через Интерпол и привезти в кандалах в «Лефортово». И уже бы схватили, будь Борис Абрамович просто жуликом, обокравшим страну через «Аэрофлот». Но теперь он политический изгнанник, мученик, новый Троицкий — это гарантирует ему свободу и финансовую активность на Западе. Смерть ТВ-6 удачно легла на скандал, вызванный его обвинениями в адрес ФСБ. Люди подумают: ага, Березовский знает

правду о роли спецслужб во взрывах домов. Потому Путин его и удалил.

На самом деле для Путина было невыносимо оставаться «креатурой Березовского». Эту пуповину, сотканную из разных влияний, из компромата, ему надо было так или иначе оборвать.

Есть гипотеза, что Березовский и Гусинский связаны с западными разведками. Но их роли изначально различались. Они словно два брата, рожденные разными матерями. Гусинский — более осторожный, бархатный: барин, режиссер. Березовский — отважный политик. Он привык рисковать, наслаждаться опасностью. Гусинский ходил в ермолке, делал ставку на мировое еврейство. Березовский выбрал позицию националиста, патриота России, ради этого, наверное, и крестился.

Что их объединяет, так это несправедно нажитый капитал. С чего начинал Гусинский — с приватизации задарма огромных кусков московской недвижимости, накачки «Мост-банка» бюджетными деньгами. Березовский создавал капитал на аферах «ЛОГОВАЗа», «АВВЫ». Потом были «Сибнефть», «Аэрофлот»... По правде, в России вообще не было праведного капитала. Но Гусинского и особенно Березовского, в отличие от братьев по бизнесу, погубила претензия на власть. Более тихие олигархи уцелили, и пример этих двоих их многому научил...

«Ху из мистер Березовский?» У Бориса Абрамовича печальная судьба. Он не уничтожен, но оставлен медленно умирать. Он будет дергаться, как лягушка, — но не та, что взбила масло в кувшине с молоком, а лягушка, пришпиленная к лабораторному столу. Возможно, он сумеет подпортить имидж президента на Западе, но не сильно. За то, что Путин пустил американцев на аэродромы Средней Азии, ему многое готовы простить: и дело Пасько, и закрытие ТВ-6. Он дорог миру не меньше Горбачева и Ельцина. А кто такой Березовский? Думаю, этот вопрос вслед за Путиным скоро начнут задавать и на Западе.

(АиФ. 2002. № 5)

Метафоры из понятийной сферы «Смерть» в данном тексте постоянно взаимодействуют с криминальными образами (*занесен меч правосудия, могут схватить через Интерпол и привезти в кандалах в «Лефортово», жулик, обокрававший страну через «Аэрофлот», приватизация задарма огромных кусков московской недвижимости, аферы «ЛОГОВАЗа», «АВВЫ» и др.*). Эпизодически в тексте встречаются метафоры, восходящие и к другим понятийным сферам: родст-

во (словно два брата, собратья по бизнесу), игра (блеф), религия (святость и непорочность, античная богиня), однако все эти образы и количественно, и по их роли в организации текста значительно уступают метафорам, относящимся к доминантной модели.

Важно отметить интертекстуальность использованных в статье метафор, их тесную связь с общим и политическим дискурсом. Автор уверен в компетенции адресата, который по опыту чтения множества других текстов хорошо подготовлен к восприятию соответствующих метафорических моделей. Статья Александра Проханова представляет собой своего рода отклик на множество публикаций, в которых обсуждались причины и последствия смены собственника названной автором телевизионной компании. В этих публикациях была задана и система метафор, используемых при обсуждении проблемы: смена руководства канала — это его *смерть*, соответственно тележурналисты — это метафорические *жертвы, мученики, святые*; новые руководители и собственники канала — это *бандиты* и *грабители*, а прежний владелец — это *меценат* и борец за идею (*новый Троцкий*). Поэтому Александр Проханов начинает именно с полемики, в которой предлагает свою интерпретацию ранее использованных метафор (*если они и жертвы, то жертвы собственного снобизма*) и предлагает другие метафоры для обозначения «звезд TV-б» — *скальпели, зажимы и пинцеты* в руках олигархов; *информационный спецназ*. Соответственно Березовский — это никакой не меценат, а *создатель некрополя, лягушка, прищипленная к лабораторному столу*. Интертекстуальные связи метафор очень важны как для понимания содержания текста, так и для его восприятия в дискурсе.

В корреспонденции В. Костикова «Пресса и власть: кто кого покусает?» отношения между прессой и властью метафорически представлены как отношения между собакой и человеком, то есть доминирующую роль занимает зооморфная метафора, точнее, лишь один развернутый метафорический образ, который задается уже в заголовке.

λ Пресса и власть: кто кого покусает?

Список претензий журналистов к власти велик: утрата обратной связи с обществом, ограничение доступа к информации, неумение «держат удар критики», склонность к самовосхвалению и к вранью.

Журналисты, к ноге!

Но самая большая опасность — это стремление монополизировать средства массовой информации. «На шею журналистов надевают строгий ошейник, и это напоминает команду коммунистов: “Журналисты, к ноге!”» — говорит главный редактор «Общей газеты» Егор Яковлев.

«Дурному примеру могут последовать в регионах», — предупреждает известный телеведущий Владимир Познер. Представители региональных газет прямо говорили о том, что «губернаторы сидят на свободе прессы, как баба на мешке с картошкой».

Правда, велика и «обратная почта» претензий. В большинстве частных газет пренебрегают правилами профессиональной этики: служением правде, ответственностью перед обществом. В итоге доверие населения к журналистам падает с каждым годом и сегодня не превышает 40%. Одна из причин — монополизация прессы крупным бизнесом. В результате у нас столько «объективных» точек зрения, сколько олигархов.

Во всем виноваты олигархи?

«Деградация СМИ, — считает президент Национальной ассоциации телерадиовещателей Эдуард Сагалаев, — началась в 1996 году, когда Б. Ельцина не выбрали, а фактически назначили на узком совещании 12 олигархов. Для выполнения этой задачи олигархи “подрядили”, а затем и развратили российские СМИ». Сегодня они стали инструментом сведения счетов олигархов друг с другом, с властью и власти с олигархами. Отсюда и стилистика «покусывания» и компромата. Такое впечатление, что ряд изданий каждый день вызывает Путина на дуэль. «А больше и писать не о чем», — простодушно признался шеф-редактор «Коммерсанта» А. Васильев. Но власти, естественно, не нравится, когда ей — по выражению одного из участников дискуссии — «постоянно пишут на сапог». И для самозащиты у нее есть свои крупнокалиберные «обрезы» — прокуратура, налоговая полиция, силовые органы. Между тем нелюбовь власти к свободной прессе — это полбеды. Беда в том, что свободная пресса не нужна и олигархам.

Олигархический бизнес тоже не заинтересован в прозрачности и открытости. Олигархам нужны не свободные журналисты, а лоббисты, отмывальщики, а в экстремальных ситуациях (выборы, передел собственности) — «информационные киллеры».

Нет любви — и не надо

Несколько раз звучал вопрос: почему население не вышло на защиту

ТВ-6? Е. Киселев пояснил: «Это страх перед властью». Едва ли это так. Люди не воспринимают олигархические СМИ как голос общества. Для них ТВ-6 — это «закулисье» Гусинского — Березовского — Киселева.

И еще: конфликт власти и СМИ усугубляется и оттого, что журналисты слишком буквально воспринимают лозунг о «четвертой власти». Как и власть, они хотят, чтобы их пылко любили и не замечали недостатков. Но ни власть, ни СМИ не нужно любить. И главное — не нужно питать иллюзий, что они смогут договориться. Если они договорятся жить «по понятиям» (как это было при коммунистах), то для российской демократии это будет конец. В идеале власть должна управлять, а пресса от лица общества — ее контролировать, быть *«сторожевым псом демократии»*. Пока это не получается. Наш *«пес»* во многих случаях лишь *«пишет на сапоги»* власти.

(АиФ. 2002. № 7)

Легко заметить яркие признаки доминирующего положения рассматриваемой модели в тексте: «собачьи» метафоры активно используются во всех трех основных частях корреспонденции, такая метафора открывает публикацию (в заголовке) и она же по существу ее заканчивает, создавая «текстовую рамку». В статье используются разнообразные концепты: на сторожевого пса пытаются надеть ошейник, ему дают команду «К ноге!», но непослушная собака отваживается кусать хозяина и пачкать ему сапоги. На этом фоне как менее значимые воспринимаются метафоры, соответствующие другим моделям (*«крупнокалиберные «обрезы»*, *«информационные киллеры»*, *«жить «по понятиям»*, *«отмывальщики»*, *«закулисье»* и др.). Вместе с тем показательно, что в статье нет других зооморфных образов — разворачивается только один компонент указанной модели.

Показательно, что метафоры доминирующей модели встречаются и в авторском тексте, и в цитатах из выступлений различных журналистов. Это подчеркивает интертекстуальность модели, которая была подмечена В. Костиковым в выступлениях сотрудников ведущих СМИ, а затем развернута им в своей статье. Автор рассчитывает на дискурсивное восприятие своего текста, на компетентного читателя, хорошо знакомого с метафорическим представлением журналистов в виде гавкающих собак, на которых власти пытаются надеть ошейник, а также с другими метафорическими наименованиями журналистов (*«информационные киллеры»*, *«лоббисты»*, *«отмывальщики»*). Метафори-

ческие модели — это одна из частей языковой компетенции образованного читателя, а поэтому метафорическая система, организующая каждый конкретный текст, может рассматриваться как реализация общей метафорической системы современного политического дискурса.

2. Параллельное развертывание в тексте двух-трех моделей

В этом случае в составе текста происходит развертывание метафор, принадлежащих к нескольким параллельным или оппозиционным моделям. Рассмотрим в качестве примера такого метафорического сценария статью С. Чугаева. Две доминантные модели, организующие этот текст, — спортивная и военная метафоры — представлены уже в заголовке.

А Зюганова вновь хотят выставить «в финале» против Путина, или Зачем Кремлю «красная угроза»?

Яростные политические баталии, сотрясавшие Госдуму всю нынешнюю неделю, завершились. Пейзаж после битвы выглядит так: коммунисты лишились в парламенте всех руководящих и ключевых постов. При этом они потеряли контроль не только над экономическим и законодательным блоками, но и, что более важно, над аппаратом палаты. «В живых» остался лишь спикер Геннадий Селезнев, чье влияние (особенно после его безуспешных звонков Путину и, по сути, безрезультатной встречи с ним) минимизировано. Теперь настало время подвести итоги сражения и выяснить, кому они выгодны.

Кремль (а ни для кого не секрет, что процесс был инициирован оттуда), безусловно, выиграл. Коммунисты лишились возможности блокировать инициативы исполнительной власти. Кроме того, коммунисты больше не смогут беззастенчиво использовать Думу в качестве бесплатного партийного и предвыборного штабов.

Но, с другой стороны, Дума и до переворота была вполне управляемой, а спикер Геннадий Селезнев — совершенно лояльной фигурой (не говоря уж о его профессионализме). Однако, несмотря на это, Кремль стал действовать резко и жестко. Почти, как справедливо заметил Зюганов, в духе раннего Ельцина. При том что отличительной особенностью Путина как раз является проведение осторожной, взвешенной политики.

Такой неожиданный и крутой маневр, скорее всего, свидетельствует о том, что политстратегии в Кремле и на Старой площади преследуют

более значимую, чем просто укрепление в парламенте позиций центристов, цель.

А такая цель — единственная. Нынешнему президенту на предвыборном татами нужен достойный спарринг-партнер. Иначе победа будет выглядеть неубедительной. Особенно в глазах зарубежных зрителей. Зюганов на эту роль подходил бы идеально. Да вот беда, за последние годы перестал быть страшным, утратил агрессивность, потерял форму...

Не исключено, что кремлевский демарш в Думе и задумывался как сильная допинговая инъекция для коммунистов. И эта инъекция сработала. Зюганов вновь бодр: ушел в жесткую оппозицию, грозит на майские праздники вывести на улицы тысячи своих сторонников. Что и требовалось.

Похоже, авторы думского переворота смогли убить двух зайцев. И парламент расчистили, чтобы быстрее прокатывать через него нужные законопроекты, и предпосылки для красивой победы Путина на выборах создали.

Простым же россиянам в этой ситуации, вполне вероятно, светит стать зрителями, участниками (вольными или невольными) многих захватывающих событий в духе 1993 года. Но все закончится хорошо. По крайней мере, хотелось бы надеяться

(Комсомольская правда. 2002. 6 апр.).

Первая половина рассматриваемой публикации насыщена военными метафорами (баталия, битва, остаться в живых, итоги сражения и др.).

Во второй части статьи заметно активизируется спортивная метафора. Будущая избирательная кампания моделируется как поединок В. Путина и Г. Зюганова на спортивном ковре (татами), причем организаторы схватки озабочены тем, чтобы для большей зрелищности схватки лидер коммунистов был в хорошей спортивной форме, для чего в полном соответствии с нравами современного спорта предполагается использовать допинг. Основой для взаимодействия рассматриваемых моделей служит тот факт, что обе они отличаются яркими концептуальными векторами соперничества и агрессивности; показательно, что такие концепты, как победа, атака, противник, маневры, типичны как для военной, так и для спортивной метафоры.

Отметим также, что развертывание именно военной и спортивной метафор в значительной степени определено дискурсом. Обострение политической ситуации всегда ведет к активизации метафорических моделей с сильным агрессивным потенциалом [Баранов, 2001; Ряпосова, 2002; Чудинов, 2001]. Представление политической борьбы В. В. Путина как схватки именно на татами акцентирует в сознании читателей знания о спортивных увлечениях президента. Интертекстуально и упоминание о допинге: именно в этот период в прессе много писали о скандалах, связанных с его применением известными спортсменами.

3. Использование в тексте разнообразных моделей

В этом случае анализ метафорической системы текста не позволяет выделить доминирующие модели: автор использует разнообразные метафоры, но ни одна модель не воспринимается как ведущая: активно реализующаяся в различных разделах текста с использованием разнообразных фреймов.

Примером значительного количества используемых метафорических моделей без выделения какой-либо доминантной для всего текста может служить статья А. Колесниченко, Л. Пивоваровой и А. Цепляева.

λ Олигархи под катком

За последние два года взаимоотношения власти и крупного бизнеса кардинально изменились. Первая половина 90-х вошла в историю России как эпоха «большого хапка» и появления олигархов. Их вырастила сама власть как «экономическую дубинку» в борьбе с коммунистами, чей реваниш казался тогда неизбежным.

Брак по расчету

На кого мог опереться Кремль, чтобы переломить ситуацию? Больше половины губернаторов симпатизировали левым. Да и в армии, и в спецслужбах, обессиленных за годы реформ, «обломавшихся» в Чечне, тлело глухое недовольство. В общем, президент мог положиться прежде всего на «акул» бизнеса, по зюгановской терминологии — «семибанкирщину»: А. Смоленского, В. Гусинского, Б. Березовского, П. Авена, М. Фридмана, В. Потанина, М. Ходорковского. Им было что терять, поэтому «денежные мешки» не скупилась на

поддержку власти. А власть в знак благодарности закрыла глаза на грехи спасителей, позволяя им «доить» госказну. По разным оценкам, за годы реформ из страны было вывезено не менее 300 миллиардов долларов.

«Жулики!» — указывали на олигархов пальцем коммунисты. Бывшие кооператоры, фарцовщики, инженеры, комсомольские работники на заре рынка превратились в изворотливых авантюристов и отчаянных сорвиголов. Они на каждом шагу обходили закон, но разве можно было играть по-честному с государством, которое само десятки лет обманывало своих граждан.

Мучительный развод

С тех пор страна стала другой. Закончилась массовая приватизация, пошли на убыль разборки и заказные убийства. Приняты налоговые законы. Промышленность начала медленно подниматься на ноги.

А что же олигархи? Мавр сделал свое дело и должен уйти. Еще в эпоху позднего Б. Ельцина власть стала тяготиться чрезмерной зависимостью от капитала, стесняться «порочащих связей». С приходом В. Путина олигархов не только «равноудалили» от Кремля, но и заставили делиться. Например, на одной из первых встреч с предпринимателями президент «выбил» из них полтора миллиарда рублей на социальные программы для военнослужащих. Некоторых для острастки припугнули Генпрокуратурой — вроде В. Алекперова и В. Потанина, некоторые построились с полунамека — Р. Абрамович, М. Ходорковский, О. Дерипаска. И только В. Гусинский с Б. Березовским не уяснили новую «политику партии и правительства» и стали изгнанниками.

Соратник Бориса Абрамовича по партии «Либеральная Россия» Сергей Юшенков считает, что олигархи окончательно потеряли самостоятельность. «Их встречи с генпрокурором, президентом больше похожи на акты почетной капитуляции, чем на равноправный диалог. Олигархи знают, к чему может привести бунт, — власть тут же найдет доказательства «связей с Бен Ладеном» и другой компромат.

Кстати, один из влиятельных при Б. Ельцине магнат, а ныне скромный хозяин одного из северо-восточных регионов так объяснил ситуацию в родном для себя цехе: «Самое обидное, что олигархи сами наезжают друг на друга ради того, чтобы понравиться власти. Они действуют по принципу: «Я его покусая» — меня не тронут». Именно так выглядел драка Алекперова с Березовским за ТВ-6».

Так можно ли говорить, что эра олигархии кончилась? В самом деле, никто из бизнес-элиты больше не осмеливается открывать ногой двери

кремлевских кабинетов, диктовать тексты указов. «Отношения бизнеса и власти стали более цивилизованными, — считает Александр Лившиц, зам. гендиректора компании «Русский алюминий», — появились понятные и открытые каналы взаимодействия». Примечательно, что вчерашние олигархи теперь заклинаят журналистов больше не называть их этим словом. Другие времена — другие понятия. Но дело не просто в замене терминологии. Свои интересы бизнесмены привыкают лоббировать не «под кремлевским ковром», а через Госдуму, Совет Федерации, РСПП, Совет предпринимателей при премьер-министре.

Очевидно, что отношения власти и капитала не будут гладкими. Конфликт интересов остается. Крупный бизнес всегда хочет стать крупнее, отдавая государству минимум доходов. Государство, которому вечно нечем кормить врачей, учителей и военных, будет «прессовать» финансовых воротил, требуя от них законной «десятины».

Задача сторон — найти компромисс. Чем кончается беспредел «семибанкищины», мы знаем по опыту 90-х. К чему ведет силовое закручивание гаек, тоже известно — к съезживанию инвестиций и дефициту. Уголовные дела против топ-менеджеров ведущих компаний, попытки все национализировать едва ли подстегнут рост экономики. Но и капитаны бизнеса должны понять — симпатии власти не вырастут на пустом месте. Надо, как говаривал А. Лившиц, «делиться» — вкладывать сверхприбыли в свою экономику, а не в кипрские оффшоры, помогать решать социальные проблемы. Почему бы, например, крупному бизнесу не сброситься на борьбу с беспорядочностью, о которой столько говорят? Путь из «халявщиков» в партнеры нелегок. Но и другие дороги — в СИЗО или в заграничную ссылку — еще хуже.

(АиФ. 2002. № 6)

Заголовок рассматриваемой статьи («Олигархи под катком») задает метафорическую картину физического воздействия на неугодного человека. Соответствующие метафоры действительно встречаются в основном тексте (*экономическая дубинка, силовое закручивание гаек, прессовать, наезжают друг на друга, я его покусая, президент выбил полтора миллиарда рублей*), но их роль в данном тексте не является доминирующей: это лишь одна из целого ряда моделей.

Шрифтовые выделения, обозначающие начало двух основных разделов основной части, создают метафорическую картину заключения и расторжения брака (*брак по расчету, мучительный развод*), однако в тексте нет других метафор этой группы: «заявленная» в

сильной позиции модель не получила дальнейшего развития.

Можно выделить и другие повторяющиеся в тексте метафорические образы. Так, для обозначения взаимодействия власти и ее оппонентов в ряде случаев используются милитарные образы (*ревани, акты почетной капитуляции, построиться, бунт, связи с Бен Ладеном*), зооморфные метафоры (*акулы бизнеса, доить госказну*), криминальные метафоры (*жулики, разборки, дорога в СИЗО, драка*), а также образы, восходящие к иным сферам (*капитаны бизнеса, семи-банкирищина, играть с государством, обходить закон, магнат, родной цех, законная «десятина»* и др.). Однако ни одна из названных моделей не может считаться занимающей доминирующее положение. Вместе с тем отметим и то общее, что выявляется при изучении метафорической системы в данной статье. При всем различии метафор их объединяет концептуальный вектор противоборства, соперничества. Отношения между государственной властью и капиталом метафорически представляются как разного рода противоборство, нанесение ущерба друг другу, и в этом смысле рассмотренные метафорические модели с исходными понятийными сферами «Война», «Криминал», «Спортивное состязание», «Физическое воздействие», «Развод» сближаются.

Важно подчеркнуть, что для хорошего текста характерно взаимодействие в той или иной степени близких моделей, поскольку «совмещение метафорических моделей, противопоставленных друг другу (не имеющих общих следствий или обладающих очень отдаленными следствиями), оживляет метафору, но и одновременно превращает ее в стилистический монстр» [Баранов, Караулов, 1994, с. 20]. Например, по наблюдениям А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, плохо сочетаются (особенно в пределах одного предложения) механистическая и органистическая метафоры, метафорические модели пути и игры. Как правило, удачно сочетаются метафорические модели, принадлежащие к одной исходной субсфере (например, фитоморфные, зооморфные и антропоморфные образы, относящиеся к органистической метафоре) или с однотипным прагматическим потенциалом (например, одинаково агрессивные по своей природе криминальные и милитарные метафоры).

Итак, проведенное исследование позволило выделить три основных вида развертывания концептуальной метафоры: в первом случае большинство метафор в тексте относится к одной и той же модели, во втором случае в тексте параллельно развертываются две-три ведущих модели, в третьем случае в тексте невозможно выделить доминирующие модели, но в нем обнаруживаются концептуальные векторы, сближающие, казалось бы, совершенно различные модели. Следует отметить также, что единая доминантная модель, как правило, выделяется в относительно небольших по размеру текстах. Чем больше текст, тем выше вероятность того, что в нем взаимодействует несколько метафорических моделей, причем та или иная модель нередко проявляется как доминантная лишь в пределах какого-то фрагмента этого текста.

3.2. Акцентирование метафоры в политическом тексте

Как уже отмечалось выше, усилению значимости метафоры в тексте способствует ее использование в условиях максимального «текстового напряжения», в условиях, когда эта метафора привлекает особое внимание адресата. Можно выделить по меньшей мере три основных вида акцентирования текстовой значимости метафоры. В первом случае метафора привлекает особое внимание за счет того, что находится в сильной позиции, которая уже сама по себе притягивает внимание адресата. Во втором случае акцентирование роли метафоры происходит благодаря ее взаимодействию с разнообразными риторическими (стилистическими) фигурами (антитеза, повтор, инверсия, эллипсис и др.). Третья разновидность — это акцентирование метафоры с использованием ресурсов интертекстуальности.

1. Метафора в сильной позиции текста

Самая сильная (привлекающая максимальное внимание читателей) позиция в тексте — это заголовок. Рассмотрим несколько примеров, в которых использованная в заголовке метафора нередко предопределяет доминантную для данного текста метафорическую модель.

«Торговая война отразится на нас» — статья А. Пономарева (Коммерсант. 2002. № 9), рассказывающая о противоречиях между Россией и США в области экспорта и импорта продуктов сельского хозяйства и металлургии; милитарная метафора заголовка последовательно разворачивается в тексте, в котором американские производители представлены как *захватчики, оккупанты российских прилавков*, с ними *в смертельной схватке бьются* отечественные производители, мечтающие не только *дать отпор*, но и захватить удобные *плацдармы на вражеской территории*.

«Новобрачные при смерти» — статья А. Кокшарова (Эксперт. 1999. № 29), в которой последовательно разворачивается метафорический образ **ОБЪЕДИНЕНИЕ КОМПАНИЙ — это БРАК**; в соответствии с ним компании перед объединением обозначаются как *жених и невеста*, после объединения — как *новобрачные*, у которых *могут появиться дети*; *супругам* приходится обзаводиться общим хозяйством и т. п.

«В ожидании реваниша» — заголовок статьи П. Кирьяна (Эксперт. 2000. № 20), активно разворачивающей концептуальную метафору **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ — это ВОЙНА**.

«Путин вытаскивает малый бизнес из петли» (АиФ. 2002. № 14) — заголовок публикации А. Колесниченко, в которой активно используются образы болезни и возможной смерти российского малого бизнеса.

Для более полного рассмотрения факторов, способствующих усилению роли той или иной метафорической модели в тексте, рассмотрим статью Александра Лившица. Одна из доминантных для данной статьи моделей (педагогическая метафора) обнаруживается уже в заголовке статьи. Разворачивание второй доминантной модели (образы, связанные с болезнью и лечением) начинается несколько позднее.

λ Пять уроков танго

Аргентинские реформаторы упорно держали фиксированный курс валюты. И это при слабой власти, плохом бюджете и больших долгах. Неудивительно, что начались финансовые конвульсии. Тогда стали просить помощь у МВФ. Ограничивать выдачу денег в банках. Резать бюджет. Устроили даже квазидефолт, обменяв обязательства объемом \$50 миллиардов на бумаги с более низкой доходностью. Ничего не помогло.

Судороги сменились комой. Последовал социальный взрыв. Люди вышли на улицы. Руководство ушло в отставку. А сменщики объявили фактический дефолт внешнему долгу. Предпочли ужасный конец ужасу без конца. Аргентина отмучилась. Но пока только от текущих долговых платежей. Песо уже поехал вниз. Где зацепится и когда — неизвестно. За девальвацией, к сожалению, последуют обрушение банковской системы и социальные неурядицы.

Как все это скажется на России? Да никак. Падение было затяжным, и мировые рынки успели «переварить» аргентинские неприятности. Котировки российских ценных бумаг уже нечувствительны к заморскому кризису. Есть ли в нем что-то поучительное? На первый взгляд, нет. Вроде бы всё познали на собственном опыте в 1998 году. Поняли, что можно делать с финансами, а чего нельзя. Тем не менее кое-какие уроки все же преподаны.

Урок первый — для переходной экономики нет ничего важнее сильной власти. У нас порой критикуют «техническое» правительство, выстроенных губернаторов, послушную Госдуму, сенаторов, сплотившихся в едином порыве. Властную вертикаль. Но ведь сколько лет ее строят — столько лет экономика находится в приличном состоянии. Факт. Никуда не денешься. А вот в Аргентине не было вертикали. Одна сплошная горизонталь. Упрямые реформаторы, игнорировавшие политические реальности и социальную обстановку. Мощная оппозиция, блокировавшая антикризисные законы. Региональные бароны, вытягивавшие деньги из бюджета страны. Сцепились друг с другом. И вместе покатались вниз. Конечно, сама по себе сильная власть еще не гарантирует процветание. А вот от кризиса может спасти.

Урок второй — какую бы реформу ни затеяли, не забывайте о социальном самочувствии. Аргентинским руководителям, видно, очень понравилось известное самооправдание МВФ. Мол, работа у нас неблагодарная. Поскольку даем горькие лекарства. Народ сердится. Зато потом, когда экономика поправится, народ скажет нам спасибо. В России тоже любят эти рассуждения. Особенно при повышении квартплаты, цен на электроэнергию, перевозки, газ, тепло, телефон. Прямо скажем: доля истины тут есть. При лечении экономики порой не обойтись без противных препаратов. Но если с ними перебор, люди перестают надеяться на будущее. Некогда. Потому что тошнит. Какое-то время люди терпят. А потом начинают проклиная власть, грабить магазины и даже занимаются рукоприкладством. Что мы и видели по телевизору.

Урок третий — быстрые либеральные реформы и политика фиксиро-

ванного валютного курса способны привести как к успеху, так и к краху. Первый вариант возможен. Но только если в стране есть сильная власть и бездефицитный бюджет. Тогда у машины переходной экономики все четыре колеса. Может идти довольно быстро. И ничего с ней не случится. Бывает, правда, что колес-то всего два. А водитель все равно давит на газ. Тогда гонка становится безумной и заканчивается катастрофой. Так было в России в 1998 году. Так произошло в Аргентине. До конца цеплялись за руль, хотя уже видели, что впереди — стена. Не хватило мужества нажать на тормоз еще летом 2001 года. А зря. Был бы тот же дефолт. Но зато, вероятно, без народного бунта.

Урок четвертый — нельзя долго совмещать высокую инфляцию и стабильный валютный курс. Опасная комбинация. Лучше всего, конечно, сделать инфляцию низкой. «Подогнать» ее под устойчивый курс валюты. Что и пытались сделать в Аргентине. Не вышло. Пока не получается и у нас. Значит, надо двигать рубль вниз. Подстраивать под инфляцию. Иначе будут неприятности.

Урок пятый — берегите экспортеров. Пылинки с них сдувайте. Экспортная корова — дойная, мясистая. Всех обеспечит. Людей — работой и зарплатами, экономику — ростом, бюджет — налогами, Центральный банк — резервами. Если экспортерам становится плохо, жди беду для всей экономики. Так и случилось в Аргентине.

Южноамериканцы почему-то пренебрегли нашим опытом. В результате не справились. Провалились. Мы люди практичные. Свои уроки усвоили. И чужие, дай Бог, выучим.

(Известия. 2002. 8 февр.)

В рассматриваемом тексте легко обнаружить две доминантные метафорические модели. Первая из них — педагогическая метафора: события экономической жизни Аргентины образно представляются как своего рода уроки, которые должны усвоить во всем мире и особенно в странах, находящихся в сложной экономической ситуации, к которым относится современная Россия. Нетрудно выделить структурные компоненты, свидетельствующие об особой роли педагогической метафоры в данном тексте. Во-первых, педагогическая метафора здесь — одна из наиболее частотных. Ср.:

- Пять уроков танго <...> Есть ли в нем [аргентинском кризисе] что-то поучительное? На первый взгляд, нет. Вроде бы всё познали на собственном опыте в 1998 году. Поняли, что можно делать с финансами,

а чего нельзя. Тем не менее кое-какие уроки все же преподаны. Урок первый... <...> Урок второй...<...> Урок третий...<...> Урок четвертый...<...> Урок пятый... <...> Южноамериканцы почему-то пренебрегли нашим опытом. <...> Провалились. Мы люди практичные. Свои уроки усвоили. И чужие, дай Бог, выучим.

Во-вторых, педагогическая метафора встречается не в каком-то одном фрагменте, а рассредоточена по всему тексту: она используется и во вводной части, и во всех пяти разделах основной части, и в концовке, то есть по существу представляет собой одно из средств связности текста и способствует его восприятию как единого целого.

В-третьих, педагогическая метафора используется в наиболее сильных для данного текста позициях: 1) в заголовке; 2) в концовке текста; 3) в первой фразе всех пяти абзацев основной части; 4) в последней фразе вводной и заключительной частей текста; 5) во всех графически выделенных фрагментах.

Другая доминантная для данного текста модель — это образы, связанные с болезнями и их лечением (морбиальная метафора). Легко заметить, что подобные образы встречаются в данном тексте даже чаще, чем педагогическая метафора. Ср.:

- Неудивительно, что начались финансовые конвульсии. <...> Ничего не помогло. Судороги сменились комой. <...> Предпочли ужасный конец ужасу без конца. Аргентина отмучилась... <...> Не забывайте о социальном самочувствии. Аргентинским руководителям, видно, очень понравилось известное самооправдание МВФ. Мол, работа у нас неблагодарная. Поскольку даем горькие лекарства. Народ сердится. Зато потом, когда экономика поправится, народ скажет нам спасибо. <...> Прямо скажем: доля истины тут есть. При лечении экономики порой не обойтись без противных препаратов. Но если с ними перебор, люди перестают надеяться на будущее. Некогда. Потому что тошнит. Какое-то время люди терпят.

Отметим развернутость рассматриваемой концептуальной метафоры, то есть использование в тексте различных фреймов указанной модели: это и симптомы болезни (конвульсии, судороги, тошнота, кома), и действия врачей (даем лекарства, лечение), и используемые медикаменты (горькие лекарства, противные препараты), и завершение болезни (отмучилась, ужасный конец, поправится). Показа-

тельно, что многие из перечисленных морбиальных метафор относятся к числу нестандартных, «свежих», индивидуально-авторских, тогда как все рассмотренные выше педагогические метафоры относятся к числу системных, «стертых», лишь отчасти сохраняющих образность. Еще одним признаком важной роли морбиальной метафоры является ее рассредоточенность по тексту: она активно представлена в зачине и в основной части (но подобной метафоры нет в заглавии статьи и ее концовке).

В публикации Александра Лившица используются и другие типичные для современной политической речи метафорические модели. Например, во вводной части экономические неудачи метафорически представляются как падение, разрушение. Ср.:

- Аргентинские реформаторы упорно держали фиксированный курс валюты. <...> Песо уже поехал вниз. Где зацепится и когда — неизвестно. За девальвацией, к сожалению, последуют обрушение банковской системы... <...> Падение было затяжным... <...> И вместе покатились вниз.

В третьем абзаце основной части активно используется транспортная метафора. Ср.:

- Тогда у машины переходной экономики все четыре колеса. Может идти довольно быстро. И ничего с ней не случится. Бывает, правда, что колес-то всего два. А водитель все равно давит на газ. Тогда гонка становится безумной и заканчивается катастрофой. Так было в России в 1998 году. Так произошло в Аргентине. До конца цеплялись за руль, хотя уже видели, что впереди — стена. Не хватило мужества нажать на тормоз еще летом 2001 года. А зря.

В последнем абзаце основной части развернут образ экономической дойной коровы. Ср.:

- Экспортная корова — дойная, мясистая. Всех обеспечит. Людей — работой и зарплатой, экономику — ростом, бюджет — налогами, Центральный банк — резервами.

В исследуемой статье можно обнаружить и другие виды метафоры (физиологическую, технологическую, геометрическую), однако ни одна из них не имеет признаков доминантной, играющей особую роль в данном тексте.

Рассмотренный материал (и множество других примеров) позволяет выделить основные признаки, по которым ту или иную метафорическую модель можно охарактеризовать как доминантную, играющую особую роль в организации соответствующего текста:

- высокая частотность использования;
- развернутость, то есть представленность в тексте различных фреймов и слотов;
- рассредоточенность, то есть использование соответствующих метафор в различных частях текста;
- использование в наиболее сильных позициях текста (заголовков, первая и последняя фразы текста в целом и — в меньшей степени — его структурно-композиционных частей, формулирование тезиса, шрифтовые выделения и др.);
- использование не только стандартных, традиционных, но и ярких, индивидуально-авторских образов, привлекающих внимание читателей;
- детализация фреймов, их наполненность разнообразными метафорами между которыми обнаруживаются разнообразные системные отношения (синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические).

Необходимо подчеркнуть, что при выделении и анализе доминантных моделей следует учитывать широко используемый в когнитивистике принцип «семейного сходства». Иначе говоря, доминантная модель не обязательно обладает всеми названными выше признаками: какие-то из них могут отсутствовать или быть слабо выраженными, что вполне может компенсироваться яркостью остальных свойств.

Так, в рассмотренной статье А. Лившица для педагогической метафоры очень яркими оказываются третий и четвертый признаки и менее показательными первый и второй, тогда как при анализе морбиальной метафоры наиболее заметны первый, второй и пятый признаки, в меньшей степени проявляется третий признак и в еще меньшей степени — четвертый.

2. Акцентирование метафоры с использованием стилистических фигур

Выше уже говорилось, что антитеза способна усиливать позицию метафоры, привлекать к ней внимание адресата. Это же можно сказать и о других стилистических фигурах — инверсии, парцелляции, лексическом и морфологическом повторе, синтаксическом параллелизме и др. Для более детального рассмотрения закономерностей акцентирования метафор на основе использования стилистических (риторических) фигур проанализируем публикацию Александра Зиновьева.

λ Исповедь «совка»? Нет, советского человека!

Словом «совок» сейчас называют представителей поколений, которые сформировались и прожили более или менее значительную часть жизни в советский период. Употребляя это слово, употребляющие его люди тем самым выражают презрение к советской эпохе и порожденным ею людям.

Я принадлежу к числу таких совков, с молчаливого согласия которых был разрушен Советский Союз и советский социальный строй в России и других частях бывшего Советского Союза. До сегодняшнего дня я боялся признаться себе в этом, разделяя и выдумывая всяческие оправдания тому, что произошло у нас в горбачевско-ельцинские годы. Но вот в институте, в котором я проработал более тридцати лет, мне сообщили, что в моих услугах в связи с приватизацией и реорганизацией тут больше не нуждаются. Я знал, что рано или поздно это случится. Я ждал этот момент. И вроде бы был готов к нему психологически. Но когда мне официально сообщили об этом, это прозвучало для меня подобно смертному приговору.

БЕЗРАБОТНЫЙ

Безработный? Для меня как для совка за все годы жизни в Советском Союзе никогда в голову не приходила мысль даже в виде гипотезы, что я могу остаться без работы. Теперь я это слово воспринимаю как диагноз неизлечимой болезни. Болезни особого рода: социальной. Против нее нет и теперь никогда не будет лекарства.

В состоянии окаменелости, не замечая своих бывших коллег, я покинул институт. Как будто покинул целую эпоху. Неужели это произошло в реальности, а не в болезненном бреде?! Как и почему это произошло?! Кто в этом повинен?!

Пройдя пешком полпути до дому, я обрел способность к логическому мышлению. Ты сам и повинен в этом. Как ты реагировал на горбачевскую перестройку? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на ельцинскую «революцию» в августе 1991 года? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на расстрел Верховного Совета в октябре 1993 года? Ты одобрил его. Вот ты и получил то, что тебе и следовало получить за свою глупость, легкомысленность, безответственность, если не сказать нечто большее о твоём поведении — за предательство и в лучшем случае за попустительство предательству. Что посеешь, то и пожнешь!

ПОТЕРЯ КОЛЛЕКТИВА

Покинув институт в тот же день, когда мне заявили об увольнении, я вдруг понял, что потерял не просто привычное рабочее место и источник заработка, а нечто неизмеримо большее: коллектив. Пожалуй, это самая большая потеря для совка. Легче пережить потерю друзей и родственников, чем коллектива. Только теперь я понял, что душа совка — в его приобщенности к жизни коллектива. Вовлеченность в жизнь коллектива во всех аспектах его бытия — вот что, оказывается, было основой нашей жизни. И вот этого величайшего завоевания советской эпохи больше нет!

Я стал замечать это, еще когда работал в институте. С началом горбачевской «перестройки» стало происходить в жизни института нечто такое, чему я не находил названия. Нечто вроде загнивания. Были те же помещения, студенты, преподаватели. Все вроде оставалось тем же, что и раньше. Но исчезало главное: организация людей в единый коллектив, коллективное самосознание, коллективная психология, коллективное поведение. Потеряли смысл партийная и комсомольская организации, собрания, совещания, отчеты и прочие компоненты целостности коллектива. Оставалась еще инерция советской коллективности, еще смутная надежда на то, что такое состояние временное, что вот-вот произойдет чудо, нас всех соберут в актовом зале, зачитают некое письмо высших инстанций — и опять все вернется на «круги своя». Но, увы, ничего такого не случилось. Надежда пропала. Тонкая ниточка, связывавшая меня с прошлым, оборвалась.

Основное содержание жизни совков составляло все то, что они делали в своих первичных коллективах и через них. Мы не придавали этому значения, поскольку считали это само собой разумеющимся и незыблемым. Многие советские эмигранты признавались, что страдали, лишившись советских коллективов. Но они были исключены из коллективов, которые продолжали жить без них, и у них оставалась потенциальная

принадлежность к мыслимым (потенциальным) коллективам. А тут произошло нечто более страшное: люди остались дома, а коллективы вдруг исчезли. Эмигранты пережили личную драму. А тут произошла трагедия целого народа: его лишили основного условия его бытия... С нами сделали нечто подобное тому, как если бы рыб вытащили из воды на сушу и сказали: «Вот вам освобождение от коммунистической воды, наслаждайтесь демократической сушей». Вот мы и наслаждаемся.

ПРИВАТИЗАЦИЯ

Я шел мимо бесчисленных учреждений и предприятий — деловых клеточек постсоветской России. В них работали люди. Но это были уже не коллективы, какими были советские деловые клеточки. Это были опустошенные деловые машины, очищенные от всего того, что составляло суть жизни совков. И люди в этих новых деловых машинах стали казаться мне лишь призраками людей, пустыми формами от людей, а их движения стали казаться лишь имитацией человеческой жизни. Город выглядел для меня оживленным в мультфильме кладбищем.

Разрушение советских коллективов — самая глубокая болезнь нашего народа. Поразительно, что оно произошло без сопротивления и почти незаметно. Никому не пришло в голову, что это станет основой всего прочего беспредела. Человек тем самым освобождался от самого глубокого контроля — от контроля ближайшего окружения.

Я только теперь осознал, что вся затея с приватизацией была направлена фактически на разрушение коллективов и коллективизма. Убито общество коллективов, коммун. Страшно от того, что это произошло на моих глазах, а я пальцем не пошевелил, чтобы помешать этому.

Что имеем — не жалеем, потеряем — плачем. Как же мы потешались над явлениями нашей коллективной жизни! Стремились уклониться от собраний, от субботников и других мероприятий. А теперь я мечтаю поучаствовать хотя бы в одном таком мероприятии, почувствовать себя одним из членов гигантской семьи — коллектива. Послушать свежие анекдоты, поболтать о всяких пустяках, пофлиртовать с сотрудницами, выпить с коллегами, потанцевать на вечеринке, выехать за город за грибами или просто на пикник, поучаствовать в спортивных соревнованиях или самодеятельности, посмеяться над карикатурами в стенной газете, получить благодарность или даже премию к празднику.

Боже, неужели это все кануло в Лету и не вернется никогда?! Какими же мы были идиотами, проморгав все это!

В рассмотренном тексте можно выделить две основные тесно взаимосвязанные метафорические модели, которые используются во всех четырех его частях. Первая из этих моделей — метафоры болезни и смерти; вторая — метафоры разрушения. Иначе говоря, преобразование социальной системы образно представляется то как прекращение существования живого существа, то как разрушение физического объекта. Ср.:

- ...Был разрушен Советский Союз и советский социальный строй в России... <...> ...Это прозвучало для меня подобно смертному приговору. <...> ...Я это слово воспринимаю как диагноз неизлечимой болезни. Болезни особого рода: социальной. Против нее нет и теперь никогда не будет лекарства. <...> Неужели это произошло в реальности, а не в болезненном бреду?! <...> Как ты реагировал на расстрел Верховного Совета в октябре 1993 года? <...> Легче пережить потерю друзей и родственников, чем коллектива. <...> Нечто вроде загнивания. <...> Тонкая ниточка, связывавшая меня с прошлым, оборвалась. <...> С нами сделали нечто подобное тому, как если бы рыб вытащили из воды на сушу... <...> И люди в этих новых деловых машинах стали казаться мне лишь призраками людей, пустыми формами от людей, а их движения стали казаться лишь имитацией человеческой жизни. Город выглядел для меня оживленным в мультфильме кладбищем. <...> Разрушение советских коллективов — самая глубокая болезнь нашего народа. <...> ...Вся затея с приватизацией была направлена фактически на разрушение коллективов и коллективизма. Убито общество коллективов, коммун. Страшно от того, что это произошло на моих глазах, а я пальцем не пошевелил, чтобы помешать этому. <...> Боже, неужели это все кануло в Лету и не вернется никогда?!

В данном тексте эпизодически встречаются и образы, относящиеся к другим моделям (метафоры механизма, фитоморфные образы, метафоры движения), однако все они воспринимаются не больше чем некий фон для двух доминирующих моделей.

Совершенно иную роль играет вынесенная в заголовок метафора совок, которая уже привлекала внимание исследователей [Осипова, 1995; Савенкова, 2002].

По данным академического «Словаря русского языка» (1981—

1984), *совок* — это «лопатка с загнутыми вверх боковыми краями и короткой ручкой». В качестве иллюстраций в словаре представлены словосочетания *железный совок*; *совок для мусора*. Метафорическое использование этого слова для пренебрежительного обозначения обычного советского человека, конечно, во многом объясняется фонетической близостью, однако не менее важен ассоциативный потенциал слова: «совок» — это нечто малозначительное, связанное с уборкой мусора. Эмоциональная окраска этой метафоры раскрывается уже в самом начале публикации:

- Употребляя это слово, употребляющие его люди тем самым выражают презрение в советской эпохе и порожденным ею людям.

Эмоциональный потенциал образа продолжает развиваться и в последующем тексте.

Особое место метафоры *совок* в рассматриваемом тексте определяется уже самим ее вынесением в заголовок, в котором с помощью **АНТИТЕЗЫ** задается основной пафос статьи. Повествователь подчеркивает свою собственную принадлежность к «совкам» и рисует ностальгическую картину жизни «советских коллективов». Легко заметить, что антитеза — одна из главных риторических фигур этой публикации: в ней последовательно противопоставляются советская эпоха и «горбачевско-ельцинские годы», «коммунистическая вода» и «демократическая суша», коллективизм и индивидуализм, уверенность в своем будущем и необходимость постоянной борьбы за существование.

Важнейший прием акцентирования рассматриваемой метафоры — постоянный **ПОВТОР** слов *совок* и *советский*. Ср.:

- Словом «совок» сейчас называют... <...> Я принадлежу к числу таких совков, с молчаливого согласия которых был разрушен Советский Союз и советский социальный строй в России и других частях бывшего Советского Союза.

Используя эту риторическую фигуру, повествователь снова и снова напоминает о советской эпохе, советском социальном строе, советских коллективах и Советском Союзе. Показательно, что в данном тексте лексический повтор — это не единичный пример, а постоянно повторяющийся (в том числе с использованием других

слов) прием:

- ...Я покинул институт. Как будто покинул целую эпоху. <...> Но это были уже не коллективы... Это были опустошенные деловые машины... И люди в этих новых деловых машинах стали казаться мне лишь призраками...

Для акцентирования метафор автор постоянно использует и риторические фигуры, основанные на взаимодействии повтора и расположения элементов. Автор последовательно применяет лексическую, смысловую и грамматическую **АНАФОРУ**:

- Как ты реагировал на горбачевскую перестройку? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на ельцинскую «революцию» в августе 1991 года? Ты приветствовал ее. Как ты реагировал на расстрел Верховного Совета в октябре 1993 года? Ты одобрил его.

Обращает на себя внимание использование **ЭПИФОРЫ**:

- Я... потерял... коллектив. <...> ...Легче пережить потерю друзей... чем коллектива. Только теперь я понял, что душа совка — в его общенности к жизни коллектива.

В тексте встречается также **ЭПАНАФОРА** (стык):

- Теперь я это слово воспринимаю как диагноз неизлечимой болезни. Болезни особого рода: социальной.

(Попутно отметим, что в этом фрагменте текста, как и в ряде других, для акцентирования метафоры использована еще одна риторическая фигура — **ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ**.) В тексте используется также **КОЛЬЦО**:

- И люди в этих новых деловых машинах стали казаться мне лишь призраками людей, пустыми формами от людей...

Примеры использования различных видов повтора (морфемного, лексического, смыслового, морфологического и синтаксического) можно легко продолжить. В рассматриваемом тексте активно применяются и другие виды фигур: инверсия, уже названные выше антитеза и парцелляция, риторические вопросы и восклицания, риторический диалог и т. п. Особое впечатление производят развернутые метафоры с использованием «свежих», сохраняющих яркую внутреннюю форму образов:

- С нами сделали нечто подобное тому, как если бы рыб вытащили из воды на сушу и сказали: «Вот вам освобождение от коммунистической воды, наслаждайтесь демократической сушей».

Все это усиливает эмоциональный накал текста и вместе с тем текстообразующий потенциал метафор.

Использование риторических фигур не единственное средство привлечения внимания адресата к образному потенциалу текста. Оживлению метафор могут служить также трансформация фразеологизмов, использование ресурсов языковой игры.

3. Акцентирование метафоры с использованием средств интертекстуальности

Удачная метафора не только выполняет текстообразующую функцию, но и связывает текст с другими текстами, она особенно ярко ощущается в дискурсе. Интертекстуальность — это присутствие в тексте элементов других текстов, что обеспечивает его восприятие как частицы общего политического дискурса и — шире — как элемента национальной культуры (М. М. Бахтин, Р. Барт, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Ю. Кристева, Н. А. Кузьмина, С. И. Сметанина и др.). Вместе с тем конкретный текст — это автономный феномен, для которого характерны внутреннее единство, цельность и законченность. Современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими текстами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию. Такой текст оказывается насыщенным множеством скрытых и открытых цитат, реминисценций, аллюзий, прецедентных метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе, с использованием множества фоновых знаний из различных областей культуры.

В книге В. В. Красных [2002] и Д. Б. Гудкова [2003] представлена следующая классификация прецедентных феноменов — текстовых знаков, отсылающих читателя к иным текстам и ситуациям.

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ — это цитата, афоризм, поговорка. В современной политической речи прецедентные высказывания часто структурно и содержательно трансформируются, в них вкладывается обновленный смысл. В качестве прецедентного выска-

звания могут выступать не только развернутые фразы, но и отдельные слова и выражения, по которым опознается коммуникативная практика известного человека (ельцинское «*понимáшь*», горбачевское «*нáчать*» и «*углúбить*»).

ПРЕЦЕДЕНТНАЯ СИТУАЦИЯ — хорошо известная историческая ситуация, событие, яркие признаки которого запечатлены в народном сознании с той или иной эмоциональной оценкой. Такая ситуация может обозначаться не только прямо, но и путем указания на место событий, их время, яркие признаки: *татаро-монгольское иго, ледовое побоище, смутное время, 1812-й год, Брестская крепость, Курская дуга* и др. В современной политической речи названия этих прецедентных ситуаций обычно используются метафорически. Например, по словам депутата Н. Харитонов, «Ирак — это наша Брестская крепость». Знаком прецедентной ситуации нередко оказываются предметы быта, иные артефакты, природные объекты: для Гражданской войны в России — это шашка и буденовка, для позднесоветской эпохи — талон на колбасу, для конца XX века — сникерсы и памперсы.

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ — это имя (фамилия, прозвище и др.) известного политика, военачальника, ученого, писателя, героя литературного произведения и т. п. Такое имя (*Ломоносов, маршал Жуков, Наполеон, Менделеев, Иуда, Летучий голландец*) служит своего рода знаком определенных качеств, оно может символизировать тот или иной прецедентный текст или прецедентную ситуацию. К числу прецедентных феноменов можно отнести также разнообразные устойчивые сочетания, фразеологизмы, штампы, повторяющиеся метафоры и иные знаки вторичности текста. По словам С. И. Сметаниной, используемые в тексте прецедентные феномены «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [2002, с. 123]. Эти феномены позволяют сделать сообщение более ярким, привлекающим внимание и одновременно ввести в изложение некоторые элементы языковой игры, предложить читателям для кого-то прозрачную, для кого-то достаточно сложную загадку. Рассмотрим с точки зрения интертекстуальности следующую статью Андрея Пионтковского.

**λ В предчувствии Фороса, или Свита перестала играть короля
Российская политическая элита (она же партийно-хозяйственный актив)**

не дождалась своего ночного портье и оскорбилась

«А не пора ли вам, дорогие товарищи, стать законодателями мод в мировом автомобилестроении?» — обратился как-то молодой, энергичный и невероятно популярный генеральный секретарь к группе корпулентных мужчин партийно-хозяйственного помета, четверть века смотрящих вместе с местными бандитами за конвейером, установленным когда-то на берегах великой русской реки изобретательными сыновьями Средиземноморья.

«А не пора ли вам, господа министры-капиталисты, ставить перед собой более амбициозные задачи? Не замахнуться ли нам на Джорджа, понимаете ли, Дабл-Ю Буша и резко сократить разрыв с ведущими индустриальными странами?» — обратился 16 лет спустя молодой, энергичный и невероятно популярный президент к группе очень похожих мужчин, занимавшихся очень похожей деятельностью, но уже в масштабе всей страны.

Через несколько дней он обратился с тем же посланием к расширенному заседанию партийно-хозяйственного актива, или, как теперь принято говорить, с тем же «мессежем» к российской политической элите. Еще совсем недавно состояние, или, во всяком случае, внешнее поведение «элиты» на подобных ритуальных действиях отвечало словам поэта: «Когда Он входит, все они встают — одни по службе, прочие от счастья».

На этот раз он был встречен мрачным гробовым молчанием оставшегося сидеть зала. На лицах проступало глухое и растущее раздражение. Элита знала, что президент знает, что в зале сидят люди, давно уже не только поставившие, но и успешно реализовавшие настолько амбициозные цели, что и их правнукам мало не покажется. Напрягать их упреками в отсутствии амбиций и требовать от них еще одного рывка, чтобы догнать какую-то Португалию, было вопиющей бестактностью и откровенным нарушением конкорданса о передаче власти.

Тем более президент любил повторять, что он всего лишь менеджер, нанятый на работу советом директоров (Мао Цзэдун более поэтично сравнивал себя с одиноким монахом, бредущим по свету с дырявым зонтиком).

Была у них и еще одна причина для раздражения, очень российская. В первые дни славного президентства было столько истребителей, подлодок, патриархов, сортиров, в которых корчились враги павловских, визжавших о «мистической связи Путина с народом», чекистов без страха и

упрека, стройными рядами идущих во власть, что российской политической элите, как старой полковой лошади, в какой-то момент показалось, что она услышала знакомый Глас Трубы.

Нешадно поротая и при Иоанне Грозном, и при Петре Великом, и при Иосифе Кровавом, она послушно и даже с некоторым диктуемым исторической памятью вождением нагнулась, приспустила штаны и обнажила нашкодившие задницы, ошибочно угадав в нем своего долгожданного ночного портье.

Зверств ждали от него неслыханных и необыкновенных. Как минимум порки, а может, и еще более решительной, калигуловской, если хотите, актуализации своей статусной роли. А он даже двух чижигов не смог как следует придушить. Может быть, все чекисты, опьяненные неожиданно открывшимися возможностями, разбежались крышевать мебельные магазины, променяв на валютную похлебку первородство железного Феликса. А может быть, ему просто противно стало.

Так или иначе стояние в неловкой позе ожидания утомило элиту и, не получив глубокого удовлетворения, она почувствовала себя дважды униженной и оскорбленной. Свита перестала играть короля. В таких случаях обычно меняют свиту. Или свита меняет короля.

(Новая газета. 2002. № 16)

В рассматриваемом тексте ярко представлены разнообразные прецедентные феномены. Широко используются прецедентные тексты, преимущественно трансформированные: *А не пора ли вам, дорогие товарищи, стать законодателями мод в мировом автомобилестроении?; А не пора ли вам, господа министры-капиталисты, ставить перед собой более амбициозные задачи? Не замахнуться ли нам на Джорджа, понимаете ли, Дабл-Ю Буша и резко сократить разрыв с ведущими индустриальными странами?; Когда он входит, все они встают — одни по службе, прочие от счастья; менеджер, нанятый на работу советом директоров; одинокий монах, бредущий по свету с дырявым зонтиком; мистическая связь Путина с народом; догнать какую-то Португалию; униженные и оскорбленные; Короля играет свита.*

Отметим, что автор прецедентного текста прямо назван лишь однажды (Мао Цзэдун), фраза политолога Глеба Павловского представлена как «визг павловских», еще в трех случаях есть достаточно ясные указания, что речь идет о президенте В. В. Путине и лидере

Советского Союза М. С. Горбачеве. Большинство прецедентных текстов даже не закавычено, а закавыченные цитаты не вполне соответствуют оригиналу.

Автор умело актуализирует в сознании адресата прецедентные ситуации: в *предчувствии Фороса*; *догнать Португалию*; *истребители, подлодки, патриархи, сортиры, в которых корчились враги*; *рыцарь без страха и упрека*; *полковая лошадь, услышавшая знакомый Глас Трубы*; *ночной портье*; *зверств ждали от него неслыханных и необыкновенных*; *двух чижиков не смог как следует придумать*; *променять первородство на валютную похлебку*. Названные ситуации напоминают читателю о недавних политических событиях (заточение советского президента, гибель подводной лодки и др.), о библейском предании, о сюжетах известного фильма и литературных произведениях.

Современный российский читатель легко понимает и аллюзии, связанные с прецедентными именами: Иоанн Грозный, Петр Великий, Иосиф Кровавый, железный Феликс, Мао Цзэдун, калигуловская актуализация своей статусной роли; павловские, визжащие о «мистической связи...»

Отметим, что феномен интертекстуальности, во-первых, используется в каждом из девяти абзацев, а во-вторых, украшает самые сильные, привлекающие особое внимание читателей позиции текста. Это заголовок, включающий четыре таких феномена, начало текста, образующее анафору с началом второго абзаца, и концовка текста, в которой использован стилистический прием «зеркало». Таким образом, начало и концовка образуют своего рода интертекстуальное обрамление текста.

Автор постоянно использует интерстилевое тонирование текста, то есть применяет в политической коммуникации жаргонные, просторечные, разговорные слова и выражения (*сортир, нашкодившие задницы, крышевать, мало не покажется*) или стилистически закрепленные значения общеупотребительных слов (*партийно-хозяйственный помет, смотреть за конвейером, замахнуться на Джорджа Дабл-ю Буша, напрягать упреками*). Подобная лексика особенно ярко выделяется рядом с книжными словами и выражениями (*партийно-хозяйственный актив, вопиющий, конкорданс,*

возжеление, актуализация статусной роли). Использование жаргонной и просторечной лексики при описании российской политической и деловой элиты, как и сообщение о ее совместной с бандитами деятельности, упоминание о «крышующих» преступниках чекистах, служит средством смыслового сближения официальной и теневой элиты. Обозначение современной политической элиты советской идеологемой *партийно-хозяйственный актив* позволяет подчеркнуть сходство между руководителями разных поколений. Номинирование современной политической элиты советской идеологемой *партийно-хозяйственный актив* позволяет подчеркнуть сходство между руководителями разных поколений. Показательно также, что и сотрудники российской ФСБ обозначаются архаичной идеологемой *чекисты*.

В рассматриваемом тексте находят широкое применение и стилистические фигуры. Обращает на себя внимание смысловой, синтаксический и лексический параллелизм двух первых абзацев, что позволяет подчеркнуть сходство знаменитых выступлений М. С. Горбачева и В. В. Путина. Автор использует антитезу: противопоставляются прежнее и современное поведение элиты, ожидаемые и реальные действия президента. Текст завершается осложненным хиазмом, в котором в разных синтаксических позициях стоят метафоры *свита* и *король*. Постоянно используются инверсия, парцелляция и цепочки однородных членов.

Ключевые метафоры рассматриваемого текста — это представление характерных для России взаимоотношений президента и элиты как закрепленного в исторической памяти физического и сексуального насилия. В соответствии с российскими традициями статусная роль президента требует от него агрессивности, ярким примером которой служат упоминаемые в статье царь Иоанн IV, император Петр I и генеральный секретарь ЦК КПСС Иосиф Сталин. Даже ближайшее окружение (бояре, воеводы, генералы, министры, секретари ЦК) должны быть в постоянном трепете. Таким образом использование прецедентных феноменов (текстов, ситуаций, имен), интерстилистического тонирования, разнообразных стилистических фигур заметно акцентирует имеющиеся в тексте метафоры.

Автор статьи обратил внимание на определенную содержатель-

ную близость выступлений, посвященных проблемам преодоления технологического отставания от западных стран. Это мало кем замеченное сходство позволило А. Пионтковскому перейти к установлению очень широких аналогий между политическими судьбами М. С. Горбачева и В. В. Путина, к поиску закономерностей в отношениях между российскими политическими лидерами и их ближайшими сподвижниками, а также к политическим пророчествам. Текст настолько насыщен прецедентными феноменами, что они становятся его стилевой доминантой.

Каждый прецедентный феномен в тексте — это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений и национальных вариантов, но вместе с тем это еще и показатель интеллектуального уровня автора и его оценки эрудиции, герменевтических возможностей адресата.

Творческая индивидуальность автора и автономность текста проявляются в привлечении элементов интертекстуальности, в умелом отборе самых удачных компонентов из предшествующего опыта человечества для создания нового оригинального текста.

4. Взаимодействие различных средств акцентирования метафоры

Каждое из названных выше средств акцентирования метафоры используется не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими. Так, рассмотренный перечень «сильных позиций», способствующих максимальному привлечению внимания читателей к той или иной метафоре (заголовок и подзаголовки, первые и последние фразы текста или его композиционных частей, шрифтовые выделения), можно продолжить. В частности, к числу сильных позиций относится эпиграф как один из элементов интертекстуальности. Как известно, эпиграфы в текстах современных СМИ используются крайне редко, а поэтому метафора, заданная именно в эпиграфе, воспринимается как особенно яркая, привлекающая внимание читателя, который ждет ее развертывания в тексте. Примером может служить следующая статья Александра Минкина.

λ Необходимость цензуры

Помнишь, Постум, у наместника сестрица?
Худошавая, но с полными ногами.
Ты с ней спал еще... Недавно стала жрица.
Жрица, Постум, и общается с богами.

И. Бродский

В честь 80-летия академика Сахарова НТВ посвятило ему передачу. После я спрашивал у всех знакомых:

— Как вы думаете, кто стал телегероем в день рождения Сахарова?

Те, кто передачу не видел, начинали гадать: Елена Боннэр, Горбачев... Услышав «Станкевич», изумленно таращили глаза. Кто ж мог подумать, что лжеца и взяточника пригласят вспоминать про совесть нации и рассуждать, что такое хорошо и что такое плохо. Ведущий Шустер гостю поддакивал, неудобных вопросов не задавал. Все очень вежливо, очень культурно, ни насилия, ни порнографии. Чего же лучше — лидер партии «Демократическая Россия» объясняет, что Сахаров — это наше все. В некотором смысле жрец говорит о божестве, в некотором смысле духовный наследник... Была потаскуха, а стала жрица. Жрица, Постум, и общается с богами.

На экране может возникнуть и чикатило — будет очень культурно рассуждать о морали, о детской чистоте, о добре и духовности. Такие передачи очень нужны. Плохо становится только тем, кто знает, *что* из себя представляет чикатило.

Рассматриваемая статья также отличается последовательной сменной доминантных моделей: в данном случае в каждой части статьи выделяются свои доминантные модели. Так, эпиграф задает доминантную модель первой части: героями современных СМИ часто оказываются продажные люди (и даже опасные преступники), которых журналисты представляют аудитории в виде священнослужителей. Как известно, мысль о близости первой и второй древнейших профессий далеко не оригинальна, но автор, используя актуальный материал, хорошо знакомые читателям факты, удачные аллюзии и свежие образы, делает эту мысль более яркой. Отметим также в данном фрагменте особую роль антитезы (*потаскуха — жрица; Сахаров — Станкевич; лжец и взяточник — совесть нации* и др.)

Основой второй части статьи стала концептуальная метафора **СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ — это ОТРАВА**. Автор последовательно детализирует эту модель, снова используя хорошо известные факты и закономерности, подчеркивая, что вредные последствия могут быть сначала малозаметны. Показательно, что метафорический смысл текста обнаруживается далеко не сразу: возможно, человеку, начавшему читать этот параграф, лишь постепенно становится понятно, как проблема заболевания коров может быть связана с основной идеей публикации.

Фермеры Европы, наверное, очень радовались, когда открыли возможность кормить коров мукой из напрасно пропадавших овечьих костей. Сколько они на этом сэкономили, не знаю. Но теперь они потеряли все. Началось коровье бешенство. Мясо стало ядовитым. Человек получает неизлечимую болезнь мозга, умирает, поев привычную котлету, но — из коровы, которая ела овец. На вкус эту котлету не распознать. Инстинкт бессилен. Организм кое-как умеет очищаться от пищевых ядов. От радиации — нет. Ее не ощущаем, выводить ее организм не умеет.

Отравление телевидением человек ощущает. Признаки налицо. Но выводить эту отраву организм не умеет. Взрослые души болеют. Детские — сразу ломаются. Никому не известно, можно ли починить сломанную душу.

15, 20, 30 лет назад миллионы людей бессмысленно тратили жизнь в очередях. Часами стояли за колбасой, за водкой; месяцами отмечались за ковром, за гарнитуром. Теперь очередей нет. Люди часами, годами

сидят у «ящика». В очереди тупели, злились. Глядя в «ящик», всплывают в идиотизм.

В этой части продолжается активное использование стилистических фигур, акцентирующих доминантную метафору. Вновь активно применяется антитеза: *сэкономили — потеряли; организм умеет очищаться от пищевых ядов — от радиации не умеет; радиацию не ощущаем — отравление телевидением человек ощущает; бессмысленно тратили жизнь в очередях — теперь очередей нет*. Постоянно используются лексические и морфемные повторы: *отравление — отравы; тратили жизнь в очередях — теперь очередей нет — в очереди тупели*. Обращает на себя внимание использование парцелляции, неполных и односоставных предложений.

В третьей части статьи ведущее место занимает метафорическая модель **СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ — это НАРКОТИК**. И снова используются прежние приемы: сначала автор напоминает о хорошо известных читателям фактах, которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к основной идее статьи, а затем начинается развертывание модели с использованием самых разнообразных фреймов. Все это позволяет выявить параллели между привычкой к просмотру телепередач и наркотической зависимостью, больше того — чрезвычайно бурное распространение наркомании связывается с экспансией электронных СМИ.

Включенный телевизор давно уже стал постоянным фоном жизни. Пожар останкинской башни доказал, что ТВ — наркотик. Когда прервались передачи, многие вздохнули с облегчением, обрадовались отдыху от «ящика». Но подавляющее большинство взвыло, у людей началась типичная ломка.

Но властям удобны теленаркоманы. Потому-то башню так торопливо чинили. Если телевидение — наркотик, его следовало бы запретить. Или резко сократить употребление и жестко контролировать.

Наркотики были и сто, и тысячу лет назад. Но гашиш курили шейх и шах, кокаин нюхали поэтессы, богема, узкий круг. Если и случались трагедии, то трагедии отдельной личности, но не общества. Теперь это государственная проблема. Теперь это — дети, солдаты, школьники, студенты — сотни миллионов.

Когда произошел этот скачок мировой наркомании? Не синхронно ли с развитием ТВ?

В анализируемой части вновь активно используются разнообразные стилистические фигуры, особенно антитеза, инверсия, риторические вопросы, парцелляция.

В концовке статьи интенсивное и (что особенно важно) не контролируемое обществом развитие современных средств массовой информации метафорически представляется как стихийное бедствие, в борьбе с которым государство имеет право пойти на чрезвычайные, но необходимые для спасения людей меры.

Нужна цензура. Как контроль спиртного, как санитарный контроль продовольствия. Нужна цензура, которая не имеет права запрещать критику властей, но препятствует национальной духовной катастрофе.

Разговоры о демократии, о правах человека (журналиста) мало уместны. Пока река течет, где положено, — живи как хочешь. Но когда она поднимается на двадцать метров, никакой демократии никому уже не надо. Даже принудительную эвакуацию общество не воспринимает как насилие над личностью.

(Московский комсомолец. 2001. 21—28 июня)

Приведенные материалы показывают, что даже в относительно небольшой публикации может быть использована не одна доминантная модель, а несколько последовательно сменяющих друг друга моделей, каждая из которых может рассматриваться как доминантная для соответствующего раздела текста. Каждая из этих моделей акцентируется за счет применения разнообразных стилистических фигур (антитеза, лексические и иные повторы, инверсия, риторические вопросы, парцелляция), интерстилевого тонирования с использованием просторечной и жаргонной лексики (*ломка*, *«ящик»*, *потаскуха*, *таращит глаза*) и использования метафор в сильных позициях текста (эпиграф, первые и последние фразы структурных частей текста, концовка текста).

Акцентированию метафоры очень способствуют ее интертекстуальные связи: в начале текста это не только эпиграф, но и полемика с участниками телепередачи, посвященной памяти А. Д. Сахарова, а также ссылки на слова и невербальную реакцию знакомых автору телезрителей. Во второй и третьей частях статьи яркими приметами интертекстуальности становятся ссылки автора на ведущие темы материалов СМИ в предшествующие недели: эпидемию коровьего

бешенства в Европе, пожар в Останкинской телебашне, стихийные бедствия. В статье используются прецедентные тексты в форме прямой и несобственно прямой речи, в форме описания содержания реплик (*ведущий Шустер гостю поддакивал, неудобных вопросов не задавал*), применяется частичный повтор цитаты из эпиграфа, а также трансформированные цитаты: «Сахаров (в подлиннике — Пушкин) — это наше все» (по Апполону Григорьеву); «Что такое хорошо и что такое плохо» (по Владимиру Маяковскому). Читатель обнаруживает в тексте упоминания прецедентных ситуаций (пожар в Останкинской телебашне, эпидемия коровьего бешенства) и прецедентных имен (Сахаров, Елена Боннэр, Горбачев, Чикатило).

Разнообразные способы акцентирования метафоры (сильные позиции текста, стилистические фигуры, средства интертекстуальности и др.) усиливают ее роль, с одной стороны, в обеспечении цельности и связности текста, а с другой — в представлении данного текста как части политического дискурса и — шире — как одной из составляющих национальной культуры.

3.3. Взаимодействие метафорического заголовка и основного текста

Для современной политической публицистики очень характерны метафорические заголовки, призванные привлечь внимание читателей, заинтриговать их и побудить прочитать основной текст [*Коньков*, 1995; *Лазарева*, 1993; *Подчасов*, 2000; *Сафонов*, 1981 и др.]. Заголовки статьи — это своего рода ее реклама, поэтому вполне закономерно взаимодействие метафорического заголовка с системой метафор в основном тексте статьи. Как правило, метафора в заголовке статьи раскрывается и разворачивается в ее основном тексте, такой заголовок во многом предопределяет читательские ожидания в отношении метафорической системы текста.

При изучении соотношения метафорического заголовка статьи и ее основного текста нередко обнаруживаются специальные стилистические (возможно, их лучше называть дискурсивными) приемы: эффект обманутого ожидания, эффект усиленного ожидания и эффект оправданного ожидания [ср.: *Лазарева*, 1989].

1. ЭФФЕКТ ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ появляется в том случае,

когда мнение, сложившееся у читателя о содержании публикации по ее заголовку, опровергается по мере прочтения. Возможны три варианта возникновения эффекта обманутого ожидания на основе метафоры.

В первом случае метафорический заголовок может быть ошибочно воспринят как неметафорический, во втором случае неметафорический заголовок ошибочно воспринимается как метафорический, а в третьем — смысл метафоры до знакомства с основным текстом воспринимается иначе, чем после знакомства.

Примером возможного ошибочного восприятия метафорического заголовка как неметафорического может служить статья А. Кокшарова «*Новобрачные при смерти*» (Эксперт. 1999. № 29), в которой речь идет не о состоянии здоровья молодых супругов, а о том, что объединение двух слабых банков (метафорически названных «новобрачными») не привело к созданию одного сильного.

Аналогичный эффект может возникнуть при знакомстве со статьей П. Кирияна «*В ожидании реванша*», в которой вопреки возможным ожиданиям говорится о том, что падение курса евро, вероятно, скоро закончится и общеевропейская валюта возьмет таким образом метафорический «реванш» у доллара.

В статье В. Горбунова под заголовком «*Минусы и плюсы «крепкой крыши»*» (Эксперт. 1997. 17 февр.) анализируются экономическое положение Ачинского глиноземного комбината и возможные последствия перемены собственников у ряда предприятий алюминиевой промышленности.

Примером возможного ошибочного восприятия неметафорического заголовка текста в качестве метафорического может служить название статьи А. Теребунова «Как “Комсомолка” обула Вовку Путина» (Комсомольская правда. 2000. № 67). Когда в современном политическом дискурсе упоминается фамилия *Путин*, то у адресата создается мнение, что речь пойдет о президенте России (даже если Путин фамильярно назван «Вовкой»). Соответственно смысл этого заголовка воспринимается как метафорический: трудно предположить, чтобы сотрудники редакции в буквальном смысле занимались обувью президента. Однако реально в статье речь идет об однофамильце президента, ребенке-сироте, которому на средства газеты были

куплены подарки, в том числе обувь.

Аналогичный эффект используется в статье С. Поживалко «*Губернатор в собственной стихии*» (АиФ. 2002. № 3). При ознакомлении с заголовком можно предположить, что слово *стихия* имеет в нем метафорический смысл. Однако при чтении статьи оказывается, что оно использовано в первичном значении, так как в тексте рассказывается о том, что на Кубани прошли обильные снегопады и администрация края испытывает значительные трудности в борьбе со стихией.

Рассмотрим случаи, когда метафорический смысл заголовка после прочтения статьи воспринимается совсем иначе, чем до знакомства с основным текстом. Заголовок статьи А. Розенцафта и М. Мошкина «*Терроризм: кровное родство*» (Московский комсомолец. 2002. 16—23 мая) дает основание предположить, что в нем использована метафора, указывающая на связь терроризма с другими социальными феноменами. Однако оказывается, что в публикации представлен иронический комментарий к словам палестинского лидера Ясира Арафата о том, что «с исторической точки зрения евреи и арабы — это двоюродные братья». Как известно, арабский и еврейский языки действительно относятся к одной семито-хамитской языковой семье, и в этом смысле вполне можно говорить о родстве арабского и еврейского народов. Однако в политической коммуникации о языке-вом «братстве» между народами обычно вспоминают, когда требуется обосновать особо близкие отношения между народами, а арабские и еврейские «кузены» сейчас пребывают в состоянии вооруженной конфронтации. Поэтому делается вывод о том, что новая большая война способна разрушить любое братство.

Метафорический заголовок статьи А. Абрамова «*Холодная война*» (Эксперт. 2001. № 22) позволяет предположить, что речь пойдет об идеологических конфликтах между государствами. Однако в действительности в статье говорится о конкуренции среди производителей мороженого. Намеренное применение эффекта обманутого ожидания повышает выразительность публикации.

Во многих случаях основной текст не просто уточняет смысл заголовка, но и детализирует образ, позволяет обнаружить в нем разнообразные нюансы. В качестве примера рассмотрим статью под заголовком «*Dangerous liaisons*» из журнала Economist (2000. July 8th).

Название статьи метафорично: под заголовком ‘*Опасные любовные связи*’ опубликованы размышления о возможных эффектах прекращения государственного регулирования в области авиаперевозок. Авиакомпании представлены в статье как мужчины и женщины, вступающие в любовные связи, допускающие размолвки и супружескую неверность.

Показательно, что уже в заголовке объединение компаний представлено не как заключение брачного союза, женитьба, а как опасная любовная связь, супружеская неверность, которая может привести к негативным последствиям. После такого заголовка следует целый ряд метафор с негативной эмоциональной окраской. Ср.:

- Airlines have been *leaping into bed* with each other as never before in order to skirt rigid regulation. With deregulation, such *liaisons* become less necessary.

‘Авиакомпании *прыгают друг к другу в постель* как никогда раньше, в попытках обойти меры по регулированию. Такие *любовные связи* станут не нужны по мере дерегулирования отрасли’.

В тексте активен мотив размолвки, ссоры партнеров. Сделки между авиакомпаниями представляются как повод для конфликта, отношения с новыми партнерами показаны в виде флирта, развлечения, поиски новых партнеров на рынке — в виде супружеской неверности. Ср.:

- Now, Sabena’s deal with SAir has opened up new options for AA: SAir, in turn, is a member of the Qualiflyer alliance, a European grouping, which AA could now join. Such *infidelity* would cause *a nasty tiff* with BA, with which AA has been having an unsatisfactory *dalliance* for the past four years.

‘Сейчас сделка между Sabena и SAir открыла новые возможности для American Airlines: в свою очередь SAir является членом альянса Qualiflyer, Европейской группы, к которой сейчас может присоединиться AA. Такая *супружеская неверность* вызовет ужасную *размолвку* с British Airways, с которой AA *неудачно флиртует* последние четыре года’.

Далее происходит развертывание доминантной метафоры: меры по дерегулированию представляются как пособники флирта, а новые объединения авиакомпаний — как обмен партнерами. Ср.:

- Deregulation is encouraging other *flirtations*.

‘Дерегулирование поощряет такой *флирт*’.

- Much *swapping of partners* is likely to take place over the next few months.

‘В течение следующих нескольких месяцев наиболее вероятен частый *обмен партнерами*’.

Соответственно два крупнейших авиаперевозчика Великобритании, компании British Airways и Virgin, по отношению к которым правительство собирается вести политику протекционизма, выступают в образе *девы / девственницы в углу* — *Virgin in the corner*, которой не находится места в создавшейся ситуации.

Наиболее часто (10 словоупотреблений) встречается в рассматриваемой статье метафора *alliance* ‘*альянс, союз*’ (в смысле ‘брачный союз’), которая используется более 10 раз. Ср.:

- The world’s airlines started *alliances* a decade ago.

‘Авиакомпании в мире начали образовывать *альянсы* десять лет назад’.

- But now that governments are reducing the regulations that *alliances* circumvented, the *alliances* are being undermined.

‘Но сейчас, когда правительства уменьшают меры по регулированию, которые эти *альянсы* обходили, *альянсы* оказываются подорванными’.

Выбор доминантной метафоры объясняется бурными событиями, происходящими в отрасли авиаперевозок, где поведение некоторых компаний на рынке, видимо, напоминает вполне распространенные сюжеты из жизни.

2. ЭФФЕКТ УСИЛЕННОГО ОЖИДАНИЯ возникает в том случае, когда буквальный смысл заголовка мало вероятен, но читателю трудно догадаться и о возможном метафорическом смысле, перед ним поставлена своего рода загадка, ответ на которую можно найти в тексте.

Так, в статье А. Абрамова «*Как поднять деньги*» (Эксперт. 2000. № 20) рассказывается о том, как эффективно использовать рынок государственных заимствований для привлечения денег потенциальных клиентов, которые опасаются доверять свои сбережения банкам. Соответственно заголовок «*Курдские “медведи”*» (Эксперт. 1999. 19 июля) служит созданию эффекта усиленного ожидания в статье, автор

которой анализирует состояние цен на курортах Турции.

В статье под заголовком «*Зачем быку бомбежка*» (Эксперт. 1998. 21 дек.) анализируются причины провала попытки американцев поднять цены на нефтяном рынке после военных действий против Ирака. Использование военной метафоры в заголовках часто создает впечатление жесткой конкуренции, борьбы за рынок: например, статья, озаглавленная «*Никотиновая блокада*» (Эксперт. 2001. 22 янв.), знакомит читателя с положением компаний — производителей табачных изделий в условиях ценовых войн. Конкурентной борьбе на рынке страхования посвящена статья «*Битва за автолюбителя*» (Эксперт. 1998. 23 нояб.). Статья под заголовком «*Не тратит патроны*» (Эксперт. 2001. 22 янв.) анализирует ситуацию, складывающуюся с российскими платежами Парижскому клубу кредиторов.

Ознакомление с заголовком «*Crunch time, again?*» («*Время треска снова настало?*») (The Economist. 1999. August 7th) позволяет предположить, что это метафора, но едва ли можно сразу понять, какой смысл она несет, что речь пойдет о событиях, происходящих на фондовом рынке. Слово *crunch* (букв. ‘треск, хруст’) в экономической лексике зафиксировано как термин со значением «недостаточность, ограничение, помехи». Эффект обманутого ожидания в данной статье проявляется еще и в том, что в тексте не наблюдается развертывания метафоры заголовка. Большинство метафор относится к сфере-источнику «Болезнь». Рынок выступает в статье как больной человек, страдающий от расстройства пищеварения, дежавю и паралича. Ср.:

- The fear that *paralysed* the world's financial markets last autumn first revealed itself in July 1998, in the shape of falling share prices and widening spreads between yields on risky bonds and low-risk liquid Treasury bonds.

‘Страх, парализовавший мировые финансовые рынки прошлой осенью впервые проявил себя в июле 1998 года в виде падения цен на акции и увеличения разрыва между доходами по рисковым облигациям и нерисковым ликвидным долгосрочным казначейским обязательствам’.

- A year later, Wall Street is experiencing a severe case of *deja vu*...

‘Спустя год Уолл-стрит переживает тяжелый случай дежавю...’

- So spreads may be rising simply because so much supply has given the markets *indigestion*.

‘Итак, разрыв может расти, потому что такое большое предложение привело рынки к несварению’.

Далее в статье сообщается о симптомах болезни, состоянии больного и способах лечения. Ср.:

- No wonder Wall Street is awash in sweat.

‘Неудивительно, что Уолл-стрит покрыта потом’.

- «Wall Street is in the early stages of a hot money crises», — reckons Mr Noland.

‘Уолл-стрит находится на ранних стадиях кризиса «горячих» денег», — считает г-н Ноланд’.

- The world banking system is probably less vulnerable to a liquidity crisis than it was last year.

‘Мировая банковская система, вероятно, менее уязвима со стороны кризиса ликвидности, чем в прошлом году’.

- Indeed, the Treasury said this week that it would inject liquidity into the market by repurchasing some of its debts before they mature.

‘Действительно, на этой неделе Казначейство заявило, что произведет вливание (инъекцию) ликвидности рынку за счет покупки ранее проданных долгов до того, как наступит срок платежа (букв. до того, как они достигнут зрелости)’.

Развернутая медицинская метафора оказалась достаточно эффективным средством представления экономических проблем, хотя читатель и не был подготовлен заголовком к ее восприятию.

3. ЭФФЕКТ ОПРАВДАННОГО ОЖИДАНИЯ возникает в том случае, когда смысл метафорического заголовка достаточно ясен, однако благодаря яркому образу у адресата закономерно возникает желание более детально познакомиться с проблемой. Примером такого соотношения метафорического заголовка и основного текста статьи может служить заголовок публикации А. Колесниченко «*Путин вытаскивает малый бизнес из петли*» (АиФ. 2002. № 14), в тексте которой рассказывается о мерах по оказанию помощи малому бизнесу (снижение налогов, сокращение вмешательства чиновников, сдерживание рэкета). Важно подчеркнуть, что при использовании эффекта оправданного ожидания основной текст способен конкретизировать метафору заголовка, высветить в ней некоторые нюансы. Например, заголовок «*When America sneezes*» (The Economist. 2000. December 9th) («Ко-

гда Америка чихает») позволяет предположить, что в статье пойдет речь о влиянии переживаемых Соединенными Штатами трудностей на другие страны, но характер этих трудностей и их последствия для других стран раскрываются именно в основном тексте. В данной статье рассказывается о трех возможных направлениях отрицательного воздействия замедления темпов развития американской экономики на другие рынки — сокращении товарооборота, изменении индекса обмена валют и изменении направлений потоков капитала.

Заголовок статьи «*Video wars: the sequel*» (the Economist. 2000. June 17th) («Видеовойны: продолжение») и ее подзаголовок (*Japanese consumer electronics* «Японская электроника для потребительского рынка») позволяют сделать предположение, что милитарная метафора будет использована для описания состояния рынка бытовой электронной продукции в Японии. Отношения конкурентов представляются автором как война, а компании (участники рынка) — как враги. В основном тексте указанный образ детально раскрывается и развертывается по самым различным направлениям.

Уже в первом абзаце метафора заголовка дублируется: таким образом автор напоминает читателю о «военных событиях» недавнего прошлого, участниками которых стали компании Sony и Matsushita, одновременно начало статьи уточняет область-мишень притяжения милитарных (по сфере-источнику) метафор:

- It looks for all the world like a return of the *video wars* of the 1980s, when Sony's clever little Betamax cassette recorder was eventually trounced by the Matsushita camp's clunkier but more versatile VHS machine.

‘Для всего мира это выглядит как возврат видеовойн 1980-х годов, когда небольшой и многофункциональный кассетный магнитофон фирмы Sony был наконец вытеснен простым, но более многоопционным аппаратом VHS из лагеря фирмы Matsushita’.

В последующем тексте демонстрируется, что в новых экономических условиях взаимоотношения компаний, производящих бытовую электронику, остались прежними, но только война ведется за новый цифровой дисковый видеопроектор. Соответственно фирмы представляются как противники, наносящие друг другу удары. Ср.:

- Certainly, Japan's two consumer electronics giants have been girding up over the past few months to do battle again. And, appropriately enough,

they are butting heads over which of their digital video disk (DVD) recorder designs will replace the ageing video-cassette recorder (VCR) that they fought over a decade and a half ago.

‘Конечно, два японских гиганта — производителя потребительской электроники последние несколько месяцев снова готовятся к битве [прикрепляют шашку к поясу]. И соответственно сейчас они сталкиваются лбами за то, какая из разработок цифрового дискового видеомagnetофона (DVD) заменит стареющий кассетный видеомagnetофон, за который они боролись более пятнадцати лет назад’.

При описании конкурентной борьбы автор постоянно прибегает к представлению ситуации как военной:

- During the video wars of the 1980s, it was the longer recording time of Matsushita’s VHS that finally put paid to Sony’s Betamax design.

‘Во время видеовойн 1980-х годов именно записывающее время магнитофона компании Matsushita принесло больше дохода по сравнению с разработкой фирмы Sony’.

- The latest episode of the video wars has barely begun.

‘Последний эпизод видеовойн только что начался’.

Цепочка метафор указанной модели продолжает разворачиваться за счет метафор из других фреймов. Например, участники событий представлены в образе *rivals*. Традиционно в английских экономических текстах это слово используется в значении «конкуренты», но данный «военный» контекст актуализирует именно военное значение. Тактика компаний описывается при помощи фрейма «Ведение военных действий».

- The two rival DVD recorders may turn out to be obsolete even before going into mass production.

‘Два конкурирующих (противника) DVD магнитофона могут оказаться ненужными еще до введения их в массовое производство’.

- Jumping the gun, two of Sony’s allies, Pioneer and Sharp, have already launched video recorders based on variants of a rival technology known in Japan as DVD-RW.

‘Не отступая, два союзника Sony, Pioneer и Sharp, уже выпустили на рынок видеомagnetофоны, основанные на варианте конкурентной технологии (технологии противника), известной в Японии как DVD-RW’.

Важно подчеркнуть, что эффект оправданного ожидания проявляется прежде всего на фоне эффектов усиленного и обманутого

ожидания: современный читатель уже привык, что самый, казалось бы, естественный заголовок может получить в тексте совершенно неожиданную мотивировку.

Рассмотренные примеры свидетельствуют, что метафора в заголовке способствует возникновению эффектов усиленного, обманутого и оправданного ожидания, что может служить мощным средством привлечения внимания адресата к основному тексту. Все рассмотренные приемы имеют дискурсивный характер, они опираются на читательский опыт адресата, на его способность определять содержание текста по заголовку. Вместе с тем постоянное использование журналистами этих приемов расширяет коммуникативную компетентность современных читателей, которые все меньше удивляются кажущемуся несоответствию между содержанием статьи и ее заголовком.

Заканчивая рассмотрение закономерностей реализации метафорических моделей в тексте, сделаем следующие выводы:

1. В политическом тексте часто можно обнаружить доминантную метафорическую модель (реже — две-три доминантные модели). Основные признаки доминантных моделей — высокая частотность использования соответствующих им концептов, развернутость (использование в тексте разнообразных фреймов, слотов и концептов) и рассредоточенность по различным частям текста. Дополнительные признаки доминантных моделей — применение не только традиционных, но и ярких индивидуально-авторских образов, реализация соответствующих метафор в наиболее сильных позициях текста (заголовки, первая и последняя фразы текста в целом и — в меньшей степени — его структурно-композиционных частей, шрифтовые выделения и др.).
2. Используемые в тексте доминантные модели должны гармонизировать между собой, обладать теми или иными однотипными свойствами, обеспечивая тем самым метафорическое единство статьи. Особенно нежелательны совершенно различные модели в пределах одной фразы.

3. Восприятие метафорической модели становится более ярким, если соответствующие ей элементы акцентируются в тексте при помощи тех или иных риторических фигур, способствующих привлечению внимания читателей к форме выражения соответствующих смыслов (антитеза, анафора, градация, инверсия и др.), а также при помощи трансформации фразеологизмов, использования ресурсов языковой игры. Важнейший прием акцентирования метафоры — использование ресурсов интертекстуальности, включение в текст прецедентных феноменов, которые способствуют дискурсивному восприятию статьи.
4. Особую значимость для восприятия модели приобретает использование соответствующей модели метафоры в заголовке текста. Взаимодействие метафоры заголовка и основного текста статьи служит основой для стилистических эффектов обманутого, усиленного и оправданного ожидания.
5. Доминантные метафорические модели представляют собой одно из важных средств обеспечения связности и цельности текста (в том числе собственно текста и его заголовка), эти модели усиливают эстетическую значимость и прагматический потенциал текста. Использование развернутой метафорической модели — мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования политической картины мира в его сознании. Удачная метафора обладает огромным эвристическим потенциалом: она формирует отношение к обсуждаемой проблеме, создает эмоциональный фон, необходимый для принятия решений, и подсказывает решения за счет активизации аналоговых возможностей человеческого мышления.
6. Использование когнитивно-дискурсивного анализа существенно расширяет возможности традиционной лингвистики текста. Эффективный анализ текстообразующей роли метафорической модели возможен только с учетом интертекстуальных связей текстовых метафор в политическом дискурсе. Такое исследование позволяет лучше понять разворачиваемые в тексте метафорические образы в их взаимосвязи не только внутри текста, но и в общем континууме современных поли-

тических текстов и в политическом дискурсе в целом. Все это позволяет сделать вывод о том, что интертекстуальность и — шире — дискурсивность представляют собой не менее важное свойство текста, чем его целостность и связность.

Глава 4

Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в политическом нарративе

В предшествующих главах закономерности современной политической метафоры рассматривались сначала в максимально обобщенном виде (в общем дискурсе современной российской политической коммуникации), а затем на материале отдельных политических текстов. Основная задача данной главы — когнитивно-дискурсивный анализ метафорических моделей в политическом нарративе, то есть комплексе разнообразных текстов, связанных с отражением одной и той же политической ситуации.

Такое исследование позволяет рассмотреть метафорическую модель в тесной взаимосвязи с ситуацией создания текста, способствует выявлению закономерностей взаимодействия между политическим событием и способами его метафорического моделирования с учетом коммуникативных условий создания и восприятия текста. При подобном подходе нарративный анализ оказывается одним из эффективных приемов современной когнитивной лингвистики.

Материалом для исследования послужили тексты, тематически связанные с выборами в Государственную думу и президента России в 1999—2000 годах. Комплекс этих текстов в настоящей главе рассматривается как своего рода единство — политический нарратив «Федеральные выборы в России». Событийная канва и скрытые пружины этого важного для истории новой России события широко обсуждались в обществе. Для лингвистического мониторинга общественного сознания в этот период очень показательны способы метафорического представления действительности, которые находили

различные по творческой манере и таланту авторы при описании одних и тех же героев и событий в произведениях самых различных жанров и стилей, предназначенных для изданий, которые представляют весь спектр политической жизни страны.

4.1. Когнитивно-дискурсивный анализ и политический нарратив

Термин «**нарратив**» восходит к латинскому глаголу *narrare* ‘повествовать, рассказывать’. Существует множество определений нарратива (Й. Брокмейер, Р. Барт, Дж. Валетский, Т. ван Дейк, Ж. Жаннет, У. Лабов, Ш. Линде, Дж. Принс, Л. Полани, Р. Харре, С. Чэтмен и др.). Как отмечают Й. Брокмейер и Р. Харре, «то, что уже получило в психологии и других гуманитарных науках название дискурсивного и нарративного поворота, должно рассматриваться как часть более значительных тектонических сдвигов в культурологической архитектуре знания, сопровождающих кризис модернистской эпистемы» [Брокмейер, Харре, 2000, с. 29]. Для нашего исследования оптимальным оказалось определение, предложенное Дж. Принсом: нарратив — это «...передача (как итога и процесса, объекта и акта, структуры и структурирования) одного или более реальных или же вымышленных событий, о которых рассказывают один, два или несколько (более или менее явных) повествователей одному, двум или же нескольким (более или менее явным) адресатам» [Prince, 1988, p. 58]. Легко заметить, что это определение «нарратива вообще», который может быть и художественным, и научным, и юридическим (например, при слушании дела в суде), и относящимся к другим видам дискурса. Например, теория художественного нарратива детально исследована К. А. Андреевой [1996], специфика научного нарратива охарактеризована в исследовании В. А. Суровцева и В. Н. Сырова [2000].

Для нас важнейший признак нарратива — это возможность существования в нем множества повествователей, каждый из которых ориентирован на свой круг адресатов и в зависимости от ситуации может использовать тексты различных стилей и жанров. Политический нарратив объединяется политической ситуацией (событием, проблемой), которую он отражает и интерпретирует.

Важно подчеркнуть существенное отличие политических текстов от художественных. Для политического текста, как правило, нехарактерно существование нескольких повествователей, сложное соотношение образа автора и образа повествователя и соответственно выражение в пределах текста нескольких разнообразных точек зрения. Вместе с тем «информационный повод» и состав описываемых событий нередко совпадают во множестве указанных текстов, что позволяет рассматривать их как определенное содержательное единство.

Политический нарратив — это совокупность разножанровых политических текстов (листовка, лозунг, митинговая речь, партийная программа, аналитическая статья в газете, телеинтервью и др.), тематически сконцентрированных вокруг определенного политического события. Данное определение близко к дефиниции политического нарратива, предложенной Е. И. Шейгал, которая рассматривала комплекс публицистических текстов, связанных с политическим скандалом [2000, с. 297].

Следует отметить, что для обозначения комплекса близких по тематике или другим признакам текстов, написанных различными авторами, ранее предлагались и другие термины. Так, для обозначения комплекса художественных текстов, посвященных Великой Отечественной войне, предлагался термин «сверхтекст» [Купина, Битенская, 1994]; этот же термин использовался для обозначения совокупности современных политических лозунгов [Енина, 1999] и множества текстов, созданных в пределах одной избирательной кампании [Амиров, 2003]. Содержание газетного номера предлагалось рассматривать как «текст текстов», специфическое композиционное и содержательное единство [Лазарева, 1993]. В. Е. Чернявская считает, что одно из основных определений дискурса — «совокупность тематически соотнесенных текстов» [2001, с. 16]. Для характеристики политического нарратива использовалось также и описательное выражение «комплекс текстов, связанных с конкретной политической ситуацией» (референдум, «путч», выборы и др.) [Феденева, 1998; Чудинов, 2001]. В публикации Дж. Лакоффа проанализированы (без использования специального термина) ключевые метафоры в комплексе американских политических текстов, посвящен-

ных войне в Персидском Заливе [Lakoff, 1991]. В исследовании А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1991, с. 14—15] выделяются «семантические миры метафор перестройки»: характеристика этих «семантических миров» представляет собой описание ведущих метафорических моделей, используемых в российском политическом нарративе «Перестройка».

Политический нарратив всегда существует в определенной политической ситуации и завершается вместе с изменением ситуации. В качестве примера политического нарратива можно привести комплексы разнообразных текстов, связанных с российскими президентскими выборами 2000 года или с кампанией за возбуждение процедуры импичмента президента Б. Н. Ельцина в 1999 году.

Для политического нарратива характерны следующие признаки:

- тематическое единство;
- общность основных «героев» (конкретных политиков, партий и др.);
- общая событийная канва (литературоведы назвали бы ее сюжетом, или фабулой);
- локализованность во времени (например, политический нарратив «Президентские выборы-2000 в России» начал свое существование незадолго до официального объявления о назначении выборов, а закончил вскоре после избрания В. В. Путина);
- локализованность в пространстве (например, для региональных выборов — это регион, для федеральных — страна в целом);
- многоголосие участников политической борьбы, интересы которых отражаются в соответствующих текстах;
- множественность повествователей и соответственно разнообразие рациональных и эмоциональных оценок.

Каждый из повествователей выделяет в своем тексте те или иные события и, возможно, оставляет за пределами своего внимания какие-то иные факты, по-своему структурирует соответствующую событийную канву, создавая тем самым в своих текстах оригинальную политическую картину мира. Каждый из составляющих нарратив текстов имеет те или иные интенции и ориентирован на определен-

ную аудиторию. Отметим также, что пространственная и темпоральная локализованность нарратива не абсолютны: так, последние в XX веке российские президентские выборы обсуждали не только в России и это обсуждение продолжается (преимущественно в научной литературе, в мемуарах) до сих пор, но это уже дальняя периферия рассматриваемого нарратива.

Как подчеркивает Дж. Принс, нарратология «фокусирует внимание на возможных отношениях между сюжетом и нарративным текстом... Специально она исследует проблемы времени, модальности и позицию (голос)» [*Prince*, 1988, р. 65]. Сюжет политического нарратива — это последовательность основных событий. Например, сюжет рассматриваемого ниже политического нарратива — это назначение на март 2000 года выборов президента Российской Федерации и некоторые предшествующие ему факты (уход Б. Н. Ельцина с поста президента России в последний день 1999 года и последующее исполнение В. В. Путиным обязанностей президента), выдвижение кандидатов, агитационная кампания, голосование, подведение его итогов, их обсуждение в средствах массовой информации, на съездах и пленумах политических организаций и т. п.

Развитие политических событий отражается во множестве текстов, которые созданы кандидатами на пост Президента, членами их «команд» и политическими оппонентами, журналистами без ярко выраженной политической позиции, политическими аналитиками, поддерживающими одного из кандидатов, и др. Некоторые из этих текстов имеют большой общественный резонанс, на их основе возникают вторичные политические тексты (отклики, критические статьи и т. п.), а некоторые оказываются на периферии общественного внимания и поэтому малозаметны в составе нарратива.

Для каждого повествователя характерен свой «голос» — своя точка зрения, специфическая рациональная и эмоциональная оценка политических событий и отражающих их элементов нарратива (эта оценка способна развиваться вместе с событиями); существуют также коллективные «голоса» — официальные политические оценки, которые создаются от имени партии или иной организации и принимаются как официальные документы. Со временем та или иная оценка политических событий может стать, по существу, общенациональной — приня-

той большинством граждан государства (например, оценка политического события «Великая Отечественная война»).

Определенные типы политических нарративов (например, отражающих парламентские выборы) имеют общие черты: в частности, замечено, что во время избирательной кампании особенно обостряются противоречия между партиями, тогда как парламентарии более толерантны к убеждениям коллег. Однако «нельзя войти дважды в одну и ту же воду» — каждый новый политический нарратив (например, российские парламентские выборы 1995 и 1999 годов или российские и американские президентские выборы 2000 года) имеет специфические признаки, отражающие особенности политической ситуации: состав «героев» и «повествователей», находящиеся в центре внимания проблемы, стратегия и тактика борьбы, типовые оценки тех или иных фактов и др.

Герои политических нарративов часто обрисовываются повествователями не столько как конкретные люди со своими идеями и характерами, сколько в виде неких условных образов, среди которых выделяются ДОБЛЕСТНЫЕ ГЕРОИ и ЗЛОДЕИ, ВОЖДИ и ВЕДОМЫЕ (слуги, свита, воины), НАРОДНЫЕ ЗАСТУПНИКИ, ХАРИЗМАТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ и ХОЗЯЙСТВЕННИКИ, СВОИ и ЧУЖИЕ, ЖРЕЦЫ, СПЕЦИАЛИСТЫ-ТЕХНОКРАТЫ и РАБОЧИЕ ЛОШАДКИ. В свое время В. Я. Пропп создал морфологию волшебной сказки, выделив в ней 31 семантическую функцию. По-видимому, определенное количество основных семантических функций можно установить и для героев политического нарратива «Выборы».

В современной теории текста важную роль играют текстовые категории — ведущие признаки, которые, собственно, и позволяют воспринимать текст как некоторое единство. К числу общепризнанных текстовых категорий относятся **целостность** (когерентность), **связность**, **законченность** и **модальность** (Л. Г. Бабенко, И. Р. Гальперин, А. А. Леонтьев, Э. А. Лазарева, Л. М. Майданова, Т. М. Николаева, Е. А. Реферовская, Г. Я. Солганик и др.). Можно заметить, что все эти категории в той или иной мере присущи и нарративу, хотя очевидно, что нарратив (как и газетный номер, комплекс политических лозунгов или близких по теме художественных произведений) — это все-таки не текст в его классическом понимании.

В последние годы появилось несколько интересных исследований, материалом для которых послужили тексты, относящиеся к общегосударственным выборам в нашей стране. Так, в диссертации В. М. Амирова [2002] рассмотрены сверткесты (в нашей терминологии — нарративы) предвыборных кампаний 1906—1907, 1937 и 1995 годов. Автор детально анализирует ведущие идеологемы (слова, в которых к традиционной семантике добавлен идеологический компонент, отражающий определенные политические представления) указанных нарративов: демократия, капитализм, коммунизм, народ, пролетариат, социализм, свобода, буржуазия и др. Далее исследуются основные мифологемы (ключевые констатирующие формулы, отражающие отношения между ключевыми понятиями) указанных нарративов. В этих формулах фиксируются субъект, противник, цели, антицели и адресат.

Например, в кампании 1995 года либеральные силы формулировали следующую мифологему: субъект — демократические, реформаторские силы; противник — коммунисты, левые; цели — рыночная экономика, капитализм «с человеческим лицом»; антицель — возврат к социализму, адресат — народ как все граждане страны. Соответственно коммунистическая мифологема выглядит следующим образом: субъект — коммунисты, левые, народно-патриотические силы; противник — «демократы», правые; цель — социализм; антицели — капитализм, рыночная экономика; адресат — народ как трудящиеся, рядовые граждане. В. М. Амиров выделяет как особую единицу предвыборного нарратива императив, который понимается как обращенный у избирателям лозунг (*Голосуй за сторонников народно-патриотических сил! Долой антинародную политику Ельцина!*). К числу основных для всех трех рассмотренных нарративов автор относит стратегии устрашения, самовосхваления и лести.

В диссертации А. А. Филинского [2002] исследуется дискурс президентских и парламентских выборов в России (1999—2000 годы). Автор особое внимание обращает на конструирование манипулятивной модели дискурса, на стереотипизацию дискурса, на специальные приемы представления «своих» (героизация) и «чужих» (дискредитация, делегитимизация и др.). Специальная глава посвящена де-

тальному критическому изучению дискурса В. В. Путина как лидера центристов и Г. А. Зюганова как лидера Народно-патриотического союза России.

Значительное место в исследовании П. О. Мироновой [2003] занимает рассмотрение агитационно-политического дискурса последних лет. Автор рассматривает стратегию редукционизма — целенаправленного упрощения картины мира, что проявляется в огрублении проблемы, элиминировании ее деталей. В рамках этой стратегии рассматриваются темпоральные аспекты языковой картины политического мира (представления различных политических партий о прошлом, настоящем и будущем России) и противопоставление политических союзников («наших») политическим противникам («чужим»). Специально анализируются также лексико-стилистические и синтаксические показатели примитивизации.

В книге политолога К. В. Киселева [2002] рассмотрена система слоганов, использовавшихся в избирательных кампаниях последних лет. Основное внимание уделяется коммуникативным техникам создания и использования слоганов, их лексическому, морфологическому и синтаксическому анализу, соотношению в них рационального и эмоционального, а также особенностям аргументации.

В работах Ю. Б. Феденевой [1997; 1998] рассмотрены ведущие модели метафорического моделирования действительности в рамках политических ситуаций «Референдум», «Путч», «Выборы» и сделан вывод о том, что политическая ситуация является мощным фактором активизации ряда моделей. А. Б. Ряпосова рассматривает метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом, используемые в контексте российских федеральных выборов 1999—2000 годов. Сопоставление закономерностей метафорического моделирования в контексте президентских и парламентских выборов 1995—1996 и 1999—2000 годов представлено в монографии А. П. Чудинова [2001]. Зооморфные, фитоморфные и антропоморфные метафоры периода российской предвыборной кампании 1999—2000 годов детально охарактеризованы в диссертации Т. С. Вершининой [2002]. О специфике российской предвыборной речи пишут также О. Н. Григорьева [2001], С. Л. Ерилова [2002], М. Р. Проскуряков [1999], М. Ремезов [2000] и др.

В качестве материала для сопоставления очень интересен анализ метафорического представления последних парламентских выборов в Великобритании в виде войны между консерваторами и либералами [Cibulskiene, 2002], сопоставление российской и американской военной метафоры [Шудегова, 2002], а также исследование метафорического моделирования в рамках американских президентских выборов, представленное в статьях А. А. Касловой [2002] и М. В. Зиминной [2002].

Названные исследования, как и многие другие, свидетельствуют, что проблема автономного когнитивно-дискурсивного исследования политического нарратива, в том числе предвыборного, уже имеет некоторую историю, но «белых пятен» в этой сфере пока значительно больше, чем детально и полно изученных аспектов.

4.2. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Федеральные выборы в России»

Осенью 1999 года в России состоялись очередные (третьи после принятия действующей Конституции) выборы в Государственную думу, а в марте 2000 года прошли внеочередные выборы президента страны, которые были назначены после того, как действующий президент Б. Н. Ельцин заявил о своей досрочной отставке и временной передаче полномочий председателю Правительства Российской Федерации В. В. Путину. В результате получилось так, что одна избирательная кампания с небольшим перерывом перешла в другую, не успев закончиться один политический нарратив (в стране еще продолжали обсуждать итоги выборов депутатов), как начался новый. Многие политологи оценивают эти две избирательные кампании как некоторое единство.

Выборы президента Российской Федерации показали, что наибольшей поддержкой избирателей пользуется В. В. Путин, получивший во втором туре 52,9% голосов и опередивший лидера коммунистов Г. А. Зюганова, который занял второе место, набрав 29,2% голосов. При избрании депутатов Государственной думы первое место завоевал Народно-патриотический союз России (НПСР), воз-

главляемый коммунистами (24,3% голосов избирателей). Пятипроцентный барьер одолели также движения «Отечество — вся Россия», «Единство», «Яблоко», «Союз правых сил» и Либерально-демократическая партия России. Итоги выборов широко обсуждались журналистами, политическими активистами и рядовыми избирателями, эти итоги стали объектом исследования во множестве научных публикаций по политологии, политической психологии, теории и практике журналистики.

При специальном обследовании концептуальных сфер-источников метафорической экспансии в политическом нарративе «Федеральные выборы в России» было обнаружено, что борьба за голоса избирателей чаще всего метафорически концептуализируется как спортивное состязание, война и театральное представление. При критическом рассмотрении российской политической ситуации преобладают метафоры из понятийных сфер «Болезнь», «Мир животных» и «Мир криминала». Рассмотрим особенности использования названных метафорических моделей в политических текстах, повествующих о российских президентских и парламентских выборах.

Сфера-источник «Спорт»

Президентские и парламентские выборы в России постоянно метафорически представляются как спортивные состязания: для избирательной кампании, как и для спорта, очень характерны концептуальные векторы соперничества и бескомпромиссности, отчетливое разделение на «своих» и «чужих», триумфаторов и неудачников, непосредственных участников состязания, их помощников, «болельщиков» и людей, равнодушных к этим сферам деятельности. Особенно часто политические выборы метафорически осмысливаются как соревнования на скорость, на преодоление определенной дистанции (*гонка, забег, марафон, спринт*). Ср.:

- Не надо говорить о президентстве Примакова, поскольку я еще не решил, участвовать мне в гонке или нет (Е. Примаков); Соотношение сил на промежуточном старте предвыборного марафона особенных сенсаций не обещает (И. Горфинкель); А кто возглавлял список фаво-

ритов предвыборной гонки в апреле 1999? (Г. Явлинский).

В других случаях борьба за голоса избирателей метафорически представляется как командная игра (чаще всего это наиболее популярные в России футбол и хоккей). Ср.:

- Как человек я не люблю Президента. Однако как футболист я играю с ним в одной команде (В. Новодворская); В команде НДР есть опытный капитан, который не допустит своеволия: некоторые игроки уже отчислены (А. Горбунов); Борис Николаевич до последнего сомневался: идти ли на второй срок с таким рейтингом. А на скамье запасных — ноль (А. Гамов).

Политическая ситуация «Выборы» нередко метафорически видится и как спортивное единоборство: преимущественно — поединки боксеров или борцов, реже теннисистов или шахматистов; еще реже встречаются метафоры, относящиеся к другим видам спорта (стрельба, фигурное катание, тяжелая атлетика и др.). Ср.:

- Борьба во втором туре развернется между политическими тяжеловесами (О. Варганова); Когда появилась книга, наши оппоненты взбесились. Все это говорит о том, что мы попали в «десятку» (С. Шойгу); После выборов НДР оказался в глубоком нокауте (В. Филимонов); Долгая работа с Ельциным в областном хозяйственном аппарате действительно сделала из нынешнего губернатора закаленного политического борца (И. Белых).

К периферии рассматриваемой сферы можно отнести настольные игры, которые далеко не все специалисты считают спортивными (карты, домино, лото), в том числе шахматы. Ср.:

- Карта коммунистов бита! Надо все менять (В. Жириновский); Каждому из тройки аутсайдеров будет уготована участь разменной пешки, а посему жаль, что эти кандидаты будут участвовать в чуждой игре (А. Выборнов); В первой партии получилась «рыба» — предстоит второй тур выборов (А. Сенин); Обижаться не на что: начинается самый горячий месяц, и разыгрываться будут самые разные карты (А. Сергеев).

Как показывают приведенные (а также многие другие) примеры, в дискурсе политических выборов активно используются самые разнообразные фреймы из концептуальной сферы «Спорт»: перед началом выборов, как и перед началом спортивных состязаний, специа-

листы называют фаворитов, во время кампании обнаруживаются лидеры и аутсайдеры, а после соревнований выявляются победители и побежденные. Спортивные состязания, как и выборы, проходят по определенным правилам, а участники, их нарушающие, могут быть наказаны или полностью дисквалифицированы судьями. Выборы по партийным спискам больше напоминают командные состязания, но даже участнику президентских выборов нужна слаженная команда.

Сфера-источник «Война»

Выборы — это главный «судный день» для политиков. В этот день, как и в день решающей битвы, одних ожидает триумф, а других — полное поражение. Именно поэтому избирательная кампания в современной России регулярно метафорически моделируется как тщательно спланированные боевые действия. Ср.:

- Наступление «Яблока» пройдет по всем фронтам (Я. Петров); Тяжелая артиллерия лужковского «Отечества» может сработать только во втором туре (Ю. Брусицын); Рядовые солдаты избирательной кампании не всегда догадываются о стратегических планах своих командиров (Н. Зайков); Штаб губернатора давно наметил стратегию избирательной кампании (С. Буров); Кампанию лидеру «Яблока» пришлось вести под массированным огнем государственных СМИ (А. Дубинин); Парламентские выборы смертельно ранили НДР, выздоровление невозможно, и Виктору Черномырдину придется вместе с остатками своего «Дома» проситься на постой в берлогу (А. Спицын); У Чернецкого перед губернаторскими выборами очень неудобная позиция: оставлены стратегические высоты (Д. Табашников).

Рассмотренные примеры свидетельствуют, что в дискурсе политических выборов применяются самые разнообразные фреймы из концептуальной сферы «Война». Перед началом выборов, как и перед войной, создаются арсеналы, в политических штабах готовятся стратегические планы и разрабатывается тактика будущих схваток за голоса избирателей; во время предвыборной кампании, как и в боевых действиях, воины используют разведку и маскировку, применяют диверсии и психические атаки, в сражениях используется

самое разнообразное оружие (мины, танки, крупнокалиберная артиллерия и другая военная техника). Идущая на выборы политическая партия, забывая о внутренних противоречиях, выступает как своего рода армия, в составе которой присутствуют генералы, офицеры и рядовые бойцы, объединенные в отряды, полки и армии. В таких битвах одни побеждают, другие терпят поражение, кто-то из бойцов получает награды, тогда как на долю других достаются только ранения и контузии. Милитарная по сфере-источнику метафора одновременно фиксирует существующее сходство между военной и избирательной кампаниями, и в то же время сама сближает эти концептуальные сферы, подсказывает политические решения, что в свою очередь в той или иной мере предопределяет стратегию и тактику предвыборной борьбы.

Милитарная метафора позволяет, с одной стороны, представить средства политической борьбы как максимально эффективные, способные нанести противникам решительное поражение, а с другой — обозначить отношения внутри партий и движений как своего рода «фронтное братство», скрепленное тяжелыми испытаниями; в результате суровые боевые законы как бы распространяются на избирательную кампанию. В сознании наших политиков кандидаты от другой партии — это не партнеры, которые предлагают другой путь к процветанию родной страны, а воины враждебной армии, которую необходимо взять в плен или уничтожить. Обстановка напоминает времена средневековой междоусобицы: самые ожесточенные битвы ведутся между недавними союзниками, постоянно создаются причудливые коалиции и каждый мелкий успех кажется эпохальным событием.

Сфера-источник «Театр»

Политическая ситуация «Выборы» в современной России постоянно метафорически осмысливается как зрелищное представление различных видов и жанров. Подобная метафора (в отличие от спортивной или милитарной) акцентирует не жесткое противоборство, а лицемерие участников политической жизни, лживость предвыбор-

ных обещаний, предрешенность результатов избирательной кампании, наличие тайных режиссеров и сценаристов в политической жизни страны. Ср.:

- Десять дней до выборов. Предвыборный спектакль — в полном разгаре. Продолжается действие, жанр которого трудно поддается определению: комедия, трагедия, драма, фарс, трагикомедия — все смешалось на сцене (Д. Никаноров); Артисты, то есть кандидаты всех мастей, сбиваются в труппы, ездят по всей стране, гастролируют (С. Образцов); Региональные выборы носят характер репетиций накануне всероссийских избирательных кампаний (В. Носов); Для большинства партий преодоление пятипроцентного барьера — это грандиозный успех, но для ЛДПР это почти фиаско. Такого провала у Владимира Вольфовича еще не случилось (А. Перцев); А сколько бутафорских фигур для отвлечения внимания от действительных претендентов можно включить в избирательный бюллетень (А. Выборнов).

В соответствии с рассматриваемой моделью на политической сцене по заранее разработанным сценариям и под руководством опытных режиссеров разыгрывались комедии, трагедии и фарсы, в которых играли свои роли актеры (иногда по подсказке суфлеров). Случалось восторг у публики вызывали и провинциальные артисты (например, из Петербурга, Екатеринбурга и Нижнего Новгорода), исполнявшие главные партии в Большом театре. Но основные события разыгрывались за кулисами или, наоборот, на больших площадях, где в массовых зрелищах использовались даже танки. Трансляцию подобных шоу вели все телеканалы, подробнейшие рецензии публиковались в газетах.

Во многих случаях театральная метафора сменялась метафорой циркового представления, и тогда на политической арене появлялись клоуны и фокусники, их сменяли дрессировщики, акробаты и политические лилипуты, иногда даже привезенные из Петербурга ученые медведи, умело жонглирующие яблоком и способные поставить в нужную позу даже «красно-коричневую гадину». Ср.:

- Некоторые из кандидатов пытаются сделать вид, что у них шансы на победу велики — но это все предвыборные фокусы (Ф. Крашениников); Люди устали от этого политического цирка, все трюки они видят насквозь (М. Светлова); Выборы — это пляски под гармошку и акробати-

ческие этюды из желания понравиться народу (Е. Енин); Сегодня и ежедневно на арене нашего политического цирка непревзойденная команда клоунов (А. Демидов).

Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предназначения.

Политическая жизнь России в последнем десятилетии XX века по своей красочности, некоторой даже карнавальности, непредсказуемости во многом напоминала театр, где публика бывает то «дурой», то высшим судьей. И видимо, не случайно многие известные артисты активно участвовали в избирательных кампаниях то в функции хорошо оплачиваемых клакеров, то по примеру Рональда Рейгана в роли официальных кандидатов на высокие должности. И только к концу века актеров в избирательных списках начали серьезно теснить генералы. Видимо, действительно начинается другая эпоха.

Детальное и всем хорошо известное структурирование понятийной сферы «Театр» часто помогает журналистам найти подходящее метафорическое обозначение для политических реалий. Театр как сфера-источник создает великолепные условия для реализации эмоционального заряда метафоры. Важно отметить и высокую структурированность театрального мира как исходной сферы для метафоры, достаточно объемное представление большинства носителей языка об этой структурированности и, наконец, их естественный интерес к зрелищным искусствам. Эти искусства, как и литература, традиционно служат в нашей стране «учебником жизни»: и важнейшим источником информации, и примером для подражания, и нравственным ориентиром. Поэтому «зрелищная метафора» обычно хорошо воспринимается адресатом.

Рассмотренный материал в полной мере иллюстрирует мысль об особой значимости концептуального вектора, отражающего типовые представления о двуличии, неискренности участников политической жизни, о неподлинности и излишней карнавальности находящихся в центре общественного внимания событий, о несамостоятельности многих с виду грозных людей и о наличии каких-то тайных сценари-

стов и режиссеров (мафиозной «семьи», всемогущих «олигархов», зарубежных «кукловодов» и др.) в политической жизни страны. Вместе с тем метафорическое зеркало отражает искреннюю боль за судьбу страны, стремление к переменам, привлекает внимание общества к наиболее острым проблемам в политической жизни России.

Сфера-источник «Болезнь»

Заметное место в политическом нарративе «Федеральные выборы в России» занимает метафорическая модель со сферой-источником «Болезнь». В этом случае политические партии и их лидеры предстают как мудрые лекари, способные при помощи эффективных лекарств и заботливого ухода добиться полного выздоровления пациента. Соответственно политические оппоненты метафорически номинируются как физически и психически больные люди, способные окончательно погубить родную страну. Ср.:

- С патриотами в Государственной думе мы избавимся от политической близорукости в России (И. Подобед); Нужно дать обществу некий идеологический наркоз, призванный сделать предстоящую операцию менее болезненной как для пациента, так и для его просвещенных хирургов (Г. Кертман); По мере приближения выборов страсть политиков к торговле своими голосами становится настолько маньячной, что эту ситуацию нельзя рассматривать, ее можно только осматривать, как в поликлинике (Е. Енин).

Данная понятийная сфера детально структурирована, что предопределяет продуктивность базисной метафоры. Если Россия — это нуждающийся в срочной помощи пациент, то люди, партии и иные организации, стремящиеся что-то сделать для страны, обозначаются как врачи, целители, хирурги, терапевты, акушеры, анестезиологи, наркологи. Медицинская метафора закономерно способствует формированию прагматических смыслов, связанных с заботой, уходом, бережным отношением, и вместе с тем предопределяет отношение к стране и обществу как к пациенту, который уже не может и не должен в полной мере отвечать за свои действия. Подобное словоупотребление позволяет образно обозначить причины бедственного по-

ложения страны, вызывает наглядное представление об истоках недостатков и обостряет негативное отношение к их виновникам.

Типовые прагматические смыслы рассматриваемых метафор определяются тем, что сфера-источник хорошо известна читателям, соответствующие реалии вызывают эмоциональное отторжение, а значит, образ больной страны становится особенно действенным: так, обозначение недостатков как «гнойников» или «язв», оценка содержания речи как «бреда», а экономических трудностей как «приступов удушья» или «предсмертных конвульсий» делает картину очень наглядной и активизирует эмоциональное восприятие читателями соответствующих реалий. Жаль только, что современные российские политики вынуждены пока говорить о гипотетическом выздоровлении больного, а не об уверенном лидерстве родной страны в соревновании мировых держав.

Сфера-источник «Мир животных»

При использовании традиционной для отечественной политической речи зооморфной метафоры участники избирательной кампании представляются как представители животного мира: одни кандидаты рисуются в роли резвого жеребца, смелого сокола или хищной акулы; другие — образно выступают как замученные клячи, глупые карасы или упрямые ослы. Свои зооморфные образы отыскиваются для групп поддержки кандидатов, избирательных комиссий и избирателей. Ср.:

- Коней на переправе не меняют, но выборы могут послужить спасительным берегом, где можно обсохнуть, поставить в упряжь более сильного коренного и более выносливых пристяжных (Е. Старикова); Предложенный образ медведя с топором (топор в России — образ решительности) оказался народу понятным (Ю. Левада); Взаимоотношения кандидатов укладываются в схему: кто кого больше ужусит и ужазит (Н. Тишков); Нет спору, наша грызня ветвей иногда отвратительна, но так развивается демократия (Б. Семенов); Медведи заломают коммунистов (Б. Грызлов); Всем известно, что Путина рьяно поддерживали разного рода волки из СПС, «медведи» из «Единства». Вот эти зверята и ощетинились на народ России

(К. Петров); Появилась война, появился зверь «Медведь», который съел все «Отечество» (Ю. Левада).

Для современной зооморфной политической метафоры характерны концептуальные векторы жестокости и агрессивности: образно уподобляемый животному политический лидер (или иной субъект политической деятельности) забывает о гуманности, ведет себя как эксплуататор, ему некогда любоваться грациозностью животных, их верностью, отвагой и другими качествами, которые так привлекают нас в живой природе. Иначе говоря, современная политическая метафора не в полной мере использует бесконечно разнообразные возможности зооморфных образов. Причины этого коренятся, разумеется, не в особенностях исходной понятийной сферы и не в возможностях русского языка, а в том, какие реалии необходимо обозначить и какие эмотивные смыслы востребованы политической ситуацией.

] Сфера-источник «Мир криминала»

При анализе этой группы образов оказывается, что российские политические лидеры постоянно метафорически (то есть без каких-либо юридических оснований) представляются как гангстеры, уголовники, шпана, грабители, жулье, джентльмены удачи, киллеры и проститутки, наперсточники и шулеры, бандиты и рэкетиры. Соответственно рядовые избиратели образно представляются как жертвы преступников — лохи, заложники и «терпилы». Ср.:

- Аграрная фракция — это политические мошенники (В. Жириновский); Людям, подготовившим такой грабительский бюджет, просто нечего делать в Белом доме (А. Куваев); А. Батулин — член мафиозной семьи Лужкова, его шестерка (С. Доренко); Суть проблемы изъяснила принадлежащая Гусинскому радиостанция: «Мы имеем дело с актом государственного бандитизма, нами правят паханы — пальцы веером, сопли пузырем (М. Соколов); Народ опять держат за дохов, доверяющих политическим наперсточникам (Н. Андреев).

Криминальная метафора пронизана концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, противоестественности существующего положения дел, резкого противопоставления «своих»

и «чужих», что, видимо, отвечает потребностям современной политической речи. Можно предположить, что одна из причин активизации данной модели — это реальное обострение криминальной обстановки, которое отражается в народном сознании и находит выражение в речи: давно замечено, что находящиеся в центре общественного сознания явления становятся источником метафорической экспансии. Вместе с тем активное использование в речи «криминальной метафоры» (как и едва ли не смакование в средствах массовой информации картин реальных преступлений), несомненно, влияет на общественную оценку ситуации в стране, внушает мысль о том, что общество действительно пронизано криминальными связями и отношениями, что в России преступление — это норма, а подобные умонастроения опосредованно могут сказываться на уровне преступности в обществе. Показательно, что эта модель практически всегда несет негативную оценку действительности, особо выделяя отсутствие в стране свободы, нравственную ущербность и виктимное самосознание русского народа, который безропотно мирится со своим положением, а на выборах отдает предпочтение законченным негодям.

Проведенное исследование политического нарратива дает основания для следующих выводов.

1. Когнитивно-дискурсивный анализ нарратива — одно из перспективных направлений исследования современной политической метафоры. Подобный подход позволяет выявить взаимосвязи между политическим событием, его восприятием в национальном сознании и соответствующей системой метафор, выделить при этом общие закономерности и в той или иной степени абстрагироваться от особенностей, характерных для метафорической картины мира отдельных политических течений и политических лидеров, а также связанных с жанровыми и иными свойствами конкретных политических текстов.
2. В рассматриваемом нарративе «Федеральные выборы в России» получили развитие метафорические модели с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперниче-

ства (война, криминал, спорт, мир животных и др.), отклонения от естественного для человека порядка вещей (болезнь, криминал, мир животных и др.). Еще одна группа сильных концептуальных векторов современной российской политической метафоры — это неправдоподобие происходящего, неискренность политиков, излишняя карнавальность находящихся в центре общественного внимания событий, несамостоятельность публичных политиков — наличие каких-то тайных сценаристов, режиссеров и тренеров в политической жизни страны (театральная, игровая и спортивная метафоры). Исследуемая система концептуальных метафор отражает типовые социальные представления о характере современных политических выборов.

3. Кажется, российское общество (в том числе многие политики и журналисты) еще не до конца осознало, что свобода слова не исключает хотя бы нравственной ответственности за сказанное, что, щедро поливая грязью политических оппонентов, невозможно сохранить чистыми собственные руки и подобная грязь обладает свойствами бумеранга. В народном сознании справедливо осуждаются люди, которые ради красного словца не жалеют родного отца и родную страну. Нам необходимо научиться (как научились этому в странах с богатыми традициями свободы слова) отличать респектабельные издания от бульварной прессы, а солидных политиков от скандалистов. Политический язык новой России еще только складывается, пока далеко не всё в нем отвечает реальным потребностям общества. Нет сомнений в том, что уже в ближайшем будущем будут созданы необходимые средства для взвешенного описания социальной реальности, что политические гиперболы окончательно выйдут из моды. Все более заметны признаки того, что общественное сознание уже устало от однообразных образов милитарной, криминальной, бестиальной и морбиальной сфер и ждет совершенно новых концептуальных метафор. Это позволяет надеяться на то, что дискурс российских избирательных кампаний нового века будет отличаться актуализацией совсем других метафорических моделей.

4. Пройдет еще какое-то время, все меньше людей будут помнить конкретные детали политического нарратива «Федеральные выборы в России» как часть соответствующего политического дискурса, и специалистам по истории нашего государства придется комментировать для школьников и студентов политические тексты, относящиеся к первым постсоветским десятилетиям.

Глава 5

News

Российско-американские метафорические параллели: когнитивно-дискурсивное исследование

Одна из актуальных проблем теории когнитивной метафоры — сопоставление закономерностей метафорического моделирования политической картины мира в политических дискурсах различных государств. В этой сфере можно предположить постоянное взаимодействие двух тенденций. С одной стороны, как справедливо отмечает при сравнении русских и польских морбиальных метафор Т. В. Шмелева, «современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс, в котором различия отдельных... языков — вещь чисто поверхностная. При обсуждении современных событий мировая пресса мгновенно подхватывает сказанное кем-то удачное выражение, оно разносится по изданиям и языкам... Мы смотрим на мир (или нам предлагается смотреть) очень схоже» [2001, с. 5]. К подобным выводам приходит и А. А. Каслова (2002а) при сопоставлении концептуальных метафор, используемых в российской и американской прессе, в публикациях, посвященных президентским и парламентским выборам.

С другой стороны, следует согласиться с тем, что «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 404]. Аналогичные мысли неоднократно высказывали и ответственные специалисты (Ю. Д. Апресян, А. Н. Баранов, Е. М. Верещагин, В. Г. Гак, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Е. С. Кубрякова, Б. А. Успенский и др.). Как ярко показал Дж. Лакофф [Lakoff, 1991], в ходе дискуссий по проблеме законности и моральной оправданности

американских боевых действий против Ирака, предпринятых в ответ на аннексию Ираком Кувейта, американцы и арабы использовали совершенно различные метафорические модели. При этом метафоры политических лидеров Ирака, основанные на характерной для Ближнего Востока метафорической картине политического мира, находили живой отклик в арабском мире, но совершенно не воспринимались в странах западной культуры. А политическая риторика лидеров США не производила ожидаемого впечатления в арабских странах, хотя воспринималась как достаточно убедительная в государствах западной культуры.

Сопоставляя названные тенденции, можно сделать вывод о том, что российские метафорические модели в одних своих аспектах отражают современное состояние общества, национальную культуру и национальный менталитет, в других — типичны для «западного» (европейско-американского) культурного пространства, которое заметно отличается от культурного пространства арабского мира, стран Африки или Дальнего Востока, а в третьих — имеют общечеловеческий характер.

Поэтому продолжение сопоставительного исследования метафорических моделей, используемых в политическом дискурсе различных стран, позволит лучше разграничить, с одной стороны, закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, а с другой — специфические признаки того или иного национального политического дискурса.

Когнитивно-дискурсивное изучение национальных особенностей политической метафоры позволяет погружаться в различные ментальные миры, сложившиеся в неодинаковых социально-исторических условиях и проявляющиеся при использовании различных языков.

5.1. Методика сопоставительного анализа метафорических моделей

При анализе существующих исследований можно выделить несколько основных методик сопоставительного описания метафорической картины мира.

1. Методика сопоставления оригинальных метафор и их переводов

Эта методика является наиболее традиционной: при ее использовании сопоставляются метафоры оригинального текста и его перевода на другой язык [Баранов, Караулов, 1994; Борковец, 2002; Гак, 1977; Галеева, 1999; Ишкова, 2002; Стернин, 1985 и др.]. Такое сопоставление позволяет выявить факты параллелизма метафорических образов и вместе с тем показать, что некоторые метафоры не могут быть переведены на другой язык буквально, что свидетельствует о различиях между существующими в данных языках метафорическими моделями (преимущественно они касаются отдельных фреймов, слотов и концептов). Например, зооморфные образы характерны для самых различных языков, но конкретные метафоры, соответствующие этой модели, совпадают далеко не всегда [Гак, 1977, с. 115 и след.].

При анализе сделанных лучшими отечественными специалистами переводов на русский язык технических (по сфере-источнику) метафор из немецкой художественной прозы обнаруживается, что в большинстве случаев (около 75%) внутренняя форма метафоры сохраняется, такой перевод является практически буквальным, а в других — адекватный перевод возможен только при использовании другого образа, причем этот образ может относиться к совсем иной понятийной сфере [Борковец, 2002].

Рассмотрение при переводе конкретных соответствий часто позволяет лучше осознать компонент, послуживший основой для метафоризации (иначе говоря, сему, объединяющую первичное и вторичное значения). Например, термин *ceiling price* (букв. ‘потолочная цена’) переводится как ‘верхняя цена’. Известно, что потолок — это верхняя граница комнаты, то есть в словах *потолочный* и *верхний* обнаруживается общий компонент, который наиболее важен для развития метафоры. Показательно, что в русском и английском языках иногда наблюдаются очень похожие метафоры. Ср.: *sick economy* ‘больная экономика’; *oil prices collapsed* ‘цены на нефть рухнули’; *price scissors* ‘ножницы цен’; *recovery of price* ‘оздоровление цены’; *price war* ‘ценовая война (война цен)’; *marriage of companies* ‘брак (слияние) компаний’ и др.

В других случаях используются однотипные модели, но при этом метафорически употребляются слова с близкой, но не одинаковой семантикой.

Например, как показала Е. В. Колотнина (2001), английское метафорическое обозначение *parent company* переводится как ‘материнская (букв. родительская) компания’; соответственно то, что в русском языке называется дочерними компаниями, в английском нередко обозначается как *offsprings* ‘отпрыски’ и *babies* ‘младенцы’. Ср.:

- Two that will be closely watched are Commerzbank, now the *baby* of the Frankfurt Market, and the bigger, Bavarian-based Hypo-Vereinsbank (The Economist).

‘Пристальное внимание будет обращено на два банка, Коммерцбанк, который является *дочерним* банком (букв. младенцем) Frankfurt Market, и на более крупный Hypo-Vereinsbank, базирующийся в Баварии’.

Подобные сопоставления могут стать основой для интересных выводов о том, для каких моделей особенно характерно сохранение при переводе внутренней формы метафоры.

Например, Н. И. Борковец [2002] показала, что при переводе на русский язык внутреннюю форму сохраняют примерно 75% немецких технических (по сфере-источнику) метафор.

2. Методика параллельного сопоставления метафор, объединяемых сферой-магнитом метафорического притяжения

При использовании этой методики сопоставительного исследования закономерностей метафорического моделирования лингвист выделяет ту или иную ситуацию (или понятийную сферу-мишень) и определяет, какие метафорические модели регулярно берутся для ее обозначения.

Например, как показал Дж. Лакофф [Lakoff, 1991], политические лидеры США использовали при характеристике войны между Ираком и Кувейтом метафорические образы разбойника и невинной жертвы, а в иракской прессе этот конфликт метафорически представлялся как внутрисемейное выяснение отношений между старшим братом (Ираком) и младшим братом (Кувейтом).

Очевидными являются и системы развертывания моделей: необходимость помощи жертве кровавого преступника и нежелательность вмешательства во внутрисемейные отношения.

В монографии С. Л. Мишлановой [2002] продемонстрировано, что медицинские (по сфере-магниту) метафоры в русском, английском и немецком языках существенно различаются по сферам-источникам. В английском языке наиболее активна сфера-источник «Человек как социальный субъект», в немецком языке чаще, чем в других, встречаются зооморфные метафоры, а в русском языке активнее, чем в немецком и английском, используются фитоморфные метафоры.

В исследовании Е. В. Колотниной [2002] доказано, что при характеристике однотипных экономических ситуаций русские и англичане отдают предпочтение различным моделям.

Например, при обозначении серьезных недостатков в экономической деятельности англичане особенно часто используют образы, связанные с пьянством и похмельем (*drunk markets* ‘пьяные рынки’, *drunk indexes* ‘пьяные индексы’, *stock markets have a hangover* ‘фондовые рынки страдают от похмелья’. Ср.:

- Global stockmarkets have greeted the new millennium lurching like drunken revelers. Will they sober up? (Goldilocks, pursued by a bear).

‘Мировые фондовые рынки приветствовали новое тысячелетие, шатаясь как подвыпившие гуляки. Протрезвятся ли они?’

- And there are other reasons for worrying about whether the past two years’ venture-capital binge may yet lead to an empty almighty hangover (Money to burn).

‘Существуют еще две причины для беспокойства по поводу того, приведет ли двухгодичный кутеж на совместный капитал к ужасному и опустошающему похмелью’.

Соответственно русские тексты богаты метафорами, связанными с болезнями (компании страдают от физических и душевных недугов, требуют реанимации, оздоравливаются на основе шоковой терапии или хирургического вмешательства) и наркотической зависимостью (российские субъекты экономической деятельности нередко «сидят на игле», страдают от «ломки», пребывают «в наркотическом угаре»).

3. Методика параллельного сопоставления метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии

Применяя третью методику исследования метафорических моделей, авторы выделяют общую для двух языков модель и детально ее описывают, используя для иллюстрации материал каждого из рассматриваемых языков. Так, Т. В. Шмелева [2001] при характеристике метафор, связанных со сферой медицины, болезней и их лечения (морбиальных метафор), описывает каждый фрейм, приводя по два-три примера на польском и русском языках; в результате оказывается, что метафорические системы рассматриваемых языков удивительно близки. Аналогичную методику используют А. В. Голованова (2000) при сопоставлении метафорического описания человека в русском и польском языках, а также С. Н. Муране [2001; 2002] при описании военных и медицинских (по сфере-источнику) метафор в русском и латышском языках и Е. А. Шудегова [2002] при сопоставлении российских и американских милитарных метафор. Подобное сопоставление показывает, что в самых различных странах политические организации, подобно живым людям, метафорически рождаются, живут, болеют и умирают, они могут даже заключать метафорические браки, от которых рождаются дети. Политические организации вне зависимости от национальной принадлежности постоянно метафорически воюют между собой, используя самое разнообразное оружие, в этих боях под руководством опытных генералов участвуют воины самых различных специальностей; после окончания войны начинается дележ трофеев и награждение отличившихся. Рассматриваемый подход позволяет наиболее полно выделить то общее, что наблюдается в сопоставляемых языках, и на основе этих общих свойств зафиксировать возможные различия.

4. Методика последовательного сопоставления метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии

Этот вариант сопоставительного исследования использован в монографии Е. И. Шейгал [2000], в которой сначала представлено описание метафорической модели в русском языке, затем дано описание

аналогичной модели в английском языке, а на заключительном этапе сопоставления делаются выводы об их общих и особенных признаках. Аналогичным образом анализируются зооморфные метафоры английского и индейских языков в статье Л. Ю. Рокотянской (2001), а также ведущие метафорические модели английского и русского экономического дискурсов в публикациях Е. В. Колотниной [2000; 2001].

Такой подход позволяет полнее охарактеризовать специфику той или иной модели в каждом языке и обычно используется при достаточно серьезных расхождениях между языками или при необходимости максимально детально описать специфику каждой метафорической модели в рассматриваемых языках. Например, Е. В. Колотнина выделяет английские метафоры, внутренняя форма которых имеет прямые аналоги в русской речи. Ср.:

- Krizia, Cerruti and Gianfranco Ferre all need to expand and to find new blood (The Economist).

‘Компании Krizia, Cerruti и Gianfranco Ferre стремятся к расширению и поискам свежей крови’.

- Most of big companies are back on their feet, the stockmarket is higher than it was before the crash, and the economy is perky again (The Economist).

‘Большинство крупных компаний снова встали на ноги, показатели фондового рынка выше тех, что были до падения, экономика вновь ожила’.

С другой стороны, обнаруживается немало метафор, которые не могут быть переведены на русский язык с сохранением их внутренней формы.

Например, *arm's length transaction* ‘сделка на расстоянии вытянутой руки’, то есть сделка, проводимая таким образом, как будто между участниками нет никакой связи. Ср.:

- Zerith, though still half-owned by Saatchi & Saatchi & Cordiant, has long operated at arm's length from its British partners.

‘Zerith, хотя и является наполовину собственностью Saatchi & Saatchi & Cordiant, долгое время действовал, как будто между ним и британскими партнерами нет никакой связи [действовал на расстоянии вытянутой руки]’.

Ср. также:

- Mr. Taylor was hatching a radical plot to split a bank into two: a retail arm and a corporate arm, which would include Barclays Capital (The Economist).

‘Г-н Тейлор обдумывал план о том, как разделить банк на две части: службу [букв. руку] по работе с физическими лицами и отдел [букв. руку] по работе с юридическими лицами, в которые структурно войдет Barclays Capital’.

В английских экономических текстах сердце часто служит пространственным ориентиром, метафорически употребляется в значении ‘ядро’, ‘сердцевина’. Ср.:

- The heart of Tera Beam’s technology is a transmitter receiver that is about the size of a small satellite dish and can be made for \$150 (The Economist).

‘Сутью [букв. сердцем] технологии Тера Бим является приёмник-передатчик размером со спутниковую тарелку, который может быть изготовлен по цене \$150 за единицу’.

Подобно тому как физиологически позвоночник является опорой, скрепляющей части организма, в метафорическом употреблении он становится опорой, основой деятельности субъектов экономики. Ср.:

- «The family firm has been the backbone of the Indian economy», — declares an Indian investment banker.

‘Семейная фирма стала основой [букв. позвоночником] индийской экономики», — заявляет владелец инвестиционного банка’.

5. Методика контрастивного описания отечественной метафорической модели и ее эквивалентов в другой культуре

Этот вариант сопоставительного анализа представлен ниже при описании феодальной (по сфере-источнику) метафоры в современном российском и американском политическом дискурсе. Поскольку указанная модель очень характерна для русской политической речи и крайне редко встречается в американских политических текстах, то авторы сначала предлагают детальное описание соответствующих метафор в русских политических текстах, а затем демонстрируют, что в Америке для обозначения аналогичных ситуаций используются совсем иные метафоры. Во многих случаях авторы в пределах одной и той же публикации применяют различные методики. Так, М. Р. Желтухина [2000] сначала рассматривает общие свойства ме-

тафорических моделей, встречающихся в русской и немецкой политической речи для описания комических ситуаций, а затем сопоставляет частотность использования немцами и русскими указанных моделей. Это исследование показывает, что немцы особенно любят в указанных ситуациях метафорические модели с исходными понятийными сферами «Механизм» и «Одежда», а российские политики и журналисты предпочитают метафоры, связанные с физиологией человека и миром животных.

Каждый из названных подходов имеет право на существование, все они позволяют получать интересные и (что очень важно) дополняющие друг друга результаты. При выборе методики сопоставительного описания моделей многое зависит от цели и специфики материала, избранного автором для анализа. В последующих параграфах настоящей главы будут использованы различные методики сопоставительного исследования политических метафор, что позволит более полно продемонстрировать специфику различных подходов к сопоставлению метафорических моделей.

5.2. «Театр» как сфера-источник метафорической экспансии в российском и американском политическом дискурсе

Метафорическая модель ПОЛИТИКА — это ТЕАТР традиционна. Считают, что истоки восприятия мира как театра восходят к Шекспиру [Кузьмина, 1999], но, возможно, театральная метафора имеет и более древние корни. Широкое распространение и употребление театальной (по сфере-источнику) метафоры на современном этапе развития общества связывают в первую очередь с усилением роли СМИ в политической жизни.

По мнению политологов, тенденция к стиранию границы между программой новостей и развлекательным шоу привела к популяризации политики, к распространению так называемой «символической политики», или «политики театра», которая основана «...на образах или “имиджах” политических деятелей, специально сконст-

руированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам» [Гаджиев, 1994, с. 389]. Созерцательное участие масс в политических процессах обуславливает роль народа лишь как адресата-наблюдателя, «который воспринимает политические события как некое разыгрываемое действо» [Шейгал, 2000, с. 66]. Любое политическое течение во время избирательной кампании ставит целью привлечение на свою сторону как можно большей доли электората, а это, безусловно, заставляет его сторонников напрямую или опосредованно (через СМИ) обращаться к массам. Политические лидеры обязаны постоянно помнить об избирателях-наблюдателях, а значит, играть на публику, тщательно режиссировать свои действия, держать под контролем результаты общественного мнения, то есть обращать особое внимание не только на содержание своей программы, но и на организацию избирательной кампании, на ее форму, призванную привлечь симпатии избирателей.

Театрализация избирательных кампаний, по-видимому, характерна для всех демократических стран, но в России конца XX века она проявилась особенно ярко. Как отмечает Н. А. Кузьмина, представление политики как театра превратилось в доминантную метафору, «определившую эпоху Ельцина» [Кузьмина, 1999, с. 209]. Об особой роли театральной метафоры в современной политической речи писали также О. Н. Григорьева [2001], О. С. Иссерс [1999], С. Г. Кара-Мурза [2000], А. П. Чудинов [2001], Е. И. Шейгал [2000], рассматриваемые метафоры широко представлены также в словаре А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1994].

Показательно, что о параллелях между современной политической ситуацией и театром нередко говорят и представители мира искусства. По словам драматурга Александра Гельмана, «тот театр политики, который возник почти 15 лет назад в СССР и получил в дальнейшем широкое развитие в России (как, впрочем, и в других бывших союзных республиках), — это совершенно особенное театральное явление. Это театр свободы после десятилетий несвободы» [Политика как театр // <http://gazeta.ru/naedine> 1999]. Режиссер Андрей Житинкин размышляет, как бы он распределил роли в спектакле, где могли бы играть современные политические лидеры: «Если Путин — Гамлет, тогда, конечно, Офелия — Хакамада, Розенкранц и Гильден-

стерн — это Немцов и Кириенко. Если говорить о противостоянии, то Клавдия очень хорошо сыграл бы Лужков. Или Зюганов. Или, как ни странно, Селезнев. Ельцину играть Клавдия уже по возрасту поздно. Замечательный Полоний был бы Горбачев. Впрочем, Полония мог бы сыграть также и Черномырдин. Чубайс — это, конечно, Горацио. А вот Гертруду сыграл бы Жириновский. Наконец, наши олигархи, которые любят все время находиться в тени, справились бы с ролью Тени отца Гамлета» (Независимая газета. 2000. № 3). А. Птушков пишет: «Я хочу сделать программу политического театра. Потому что политика — это, как человеческая жизнь, театр. Моя задача — осознать политический театр. Мне хочется показать, что политика — это сфера больших страстей, большой лжи, больших ставок, больших денег, но в то же время большой истинности в той степени, в которой она определяет судьбы страны» (АиФ. 2000. 11 сент.).

Следует подчеркнуть, что рассматриваемая метафорическая модель имеет интернациональный характер, театральная по сферистичности метафора используется и в России, и в Америке, и во многих других странах. Российская и американская театральные метафоры очень близки по составу фреймов и слотов, по прагматическому потенциалу и другим свойствам. А поэтому в данном случае может быть использована охарактеризованная выше методика **параллельного** исследования метафор, объединяемых сферой-источником. В соответствии с этой методикой выявляются общие для двух языков фреймы и слоты, для иллюстрации их свойств приводятся фразы и на русском, и на английском языке, а на заключительном этапе описания обсуждаются национальные особенности соответствующих моделей.

Ω α 1. Фрейм «Виды зрелищных представлений»

При анализе данного фрейма целесообразно разграничивать собственно театральные представления и смежные виды зрелищ. Метафоры из сфер театра, цирка, кино, иных зрелищ позволяют отобразить любые нюансы политической деятельности.

Слот 1.1. Собственно театр и его виды

Рассмотрение российских политических текстов позволило обнаружить следующие метафорические обозначения с исходными смыслами «театр и его виды»: *античное действо, балаган, вертеп, драматический театр, музыкальный театр, театр оперетты, кукольный театр, театр одного актера, театр теней*. Подобные метафоры позволяют акцентировать специфику политической ситуации, выделить в ней самое главное, дать оценку действиям политических лидеров. Ср.:

- Если же подойти к делу не с формальной, а с логической точки зрения, все происходящее напоминает *театр абсурда* (М. Юсин); Точному следованию этой режиссерской сверхзадаче и следует, по мнению Житинкина, объяснить успех Путина *в политическом театре* (Р. Медведев); Деятельность Совета чаще всего проходила в стиле политического *балагана*, отличалась в основном сценами шинкования работающих на благо народа руководителей (И. Васильев); В регламентных выступлениях будущие общенародные «неизбранники» на высший пост выглядят как *актеры из школьного драмкружка* (И. Юрьев); Но в этом как раз самая сильная сторона человека, точно понявшего, что сегодня нужно нашему народу, уставшему от *политического балагана* (Ю. Васильев).

Слот 1.2. Смежные с театром виды зрелищных представлений

В российских политических текстах зафиксированы следующие метафорические концепты с исходными смыслами «виды зрелищных представлений»: *кино, концерт, парад, стриптиз, шоу, эстрада*. Ср.:

- Право, очень не хотелось говорить о политическом *стриптизе*, который устроили оппоненты Владимира Путина, когда уже стали известны предварительные итоги голосования (В. Кулик); О своей основной заслуге в прошедшем «*шоу*» Элла Александровна, кажется, и не догадывается, а если знает, то молчит (А. Достов); Знакомство с российской финансовой системой рождает желание написать сценарий для *фильма ужасов* (Г. Осипов).

Особенно часто в российской политической речи встречаются метафорические образы из цирковой сферы. Ср.:

- Сегодня и ежедневно на арене нашего политического цирка непревзойденная команда клоунов (А. Демидов); Есть что-то мелкое, циничное и смешное одновременно в показательных трюках, направленных на «повышение» рейтингов кандидатов в президенты (А. Хисамов); Они [власти] играют в свою циничную командную игру, на фоне которой причуды Ельцина были только клоунскими репризами между главными номерами программы (Ш. Муладжанов); Славная когорта кандидатов в президенты, похоже, лишилась главного клоуна: ЦИК отказал в регистрации Владимиру Жириновскому (В. Устюжанин); Есть такая цирковая профессия — антиподист. Это когда артист подбрасывает и ловит предметы не руками, а ногами. В последнее время все большее число отечественных политиков (больших и малых) предлагают российским избирателям освоить причуды этого старинного жанра. Проголосовать не руками, а ногами (С. Чугаев).

В Соединенных Штатах политическая кампания (и ее элементы) также может быть метафорически представлена как *шоу, парад, бой гладиаторов, кинофильм или стриптиз*. В результате политическая жизнь предстает как нечто доступное и даже по-своему интересное. Ср.:

- In the deeding autumn of 2000, the players in Washington not employed by George W. Bush or Al Gore were calling it the Seinfeld Election: a show about nothing — or, anyway, not very much (Newsweek).

‘Актеры, не нанятые Бушем осенью 2000 года, называли предвыборную кампанию шоу по Сейнфилду: шоу ни о чем или о незначительном’.

- It was less a campaign than a parade, and one that he (Bush) didn’t always seem to be enjoying much (Time).

‘Это больше походило на парад, чем на предвыборную кампанию, что ему [Бушу], казалось, не всегда нравилось’.

- He’s (Gore) to be a gladiator in the arena too — a pro who known how to get the job done... because «the presidency is not an academic exercise or seminar, it’s a daily fight (Time).

‘Он также должен быть гладиатором на арене — профессионалом, знающим свое дело... потому что деятельность президента — это не зарядка для ума, не семинар, это ежедневная борьба’.

В американской политической речи активно используется и метафорическое представление политической деятельности как *циркового представления*. Ср.:

- As the primary season heats up, the candidates are showing their true col-

ors: McCain juggles the issues to cheers and disbelief; Bradley dances with two left feet; Bush echoes dear old Dad; and Gore barks like a junkyard dog (Time).

‘Пока предварительные выборы набирают обороты, кандидаты показывают свое истинное лицо (окраску): Маккейн жонглирует проблемами под крики восторга и недоверия, Брэдли танцует на двух левых ногах, Буш вторит своему дорогому папочке, Гор скулит, как выброшенный на улицу пес’.

- He liked to clown around sometimes sophomorically (Newsweek).

‘Ему [Бушу] нравилось дурачиться [изображать из себя клоуна], пусть даже это не всегда удачно получалось’.

- Though justices wear sober black robes, their moves last week were center stage in a political circus (Newsweek).

‘Хотя судьи носят строгие черные одежды, их действия на прошлой неделе напоминали заглавные номера цирковой программы’.

Но особенно типичны для американской политической речи образы, связанные с кинематографом: *movie* ‘кино’, *feature film* ‘художественный фильм’, *soap opera* ‘мыльная опера’, *cartoon film* ‘мультипликационный фильм’, *preview* ‘рекламный показ’ и др. Возможно, в этом проявляется особая любовь американцев к кино. Ср.:

- Like any other soap opera, this one was full of colorful characters and behind-the-scenes maneuvering (Newsweek).

‘Эта мыльная опера, как и любая другая, изобиловала яркими типажам и закулисными интригами’.

- But Bradley compares the primary schedule to a movie. Iowa and New Hampshire «are like the previews», he says, and the March contests «are the feature» (Time).

‘А Брэдли сравнивает программу предварительных выборов с кино. Айова и Нью-Гемпшир «напоминают рекламный показ», говорит он, а мартовские состязания — «полноценный выход фильма на экраны»’.

- Simon (senior Gore aid)... said, «This is like a movie, where one character says, to another, ‘This isn’t the way it was supposed to happen.’ And then there’s a wrinkle in time, and everything changes» (Newsweek).

‘Саймон (старший помощник Гора)... сказал: «Это похоже на кино-фильм, где один герой говорит другому: “Все должно было случиться совсем не так”, — и затем время чудесным образом поворачивается вспять, и все меняется»’.

Видимо, авторы считают, что образы из мира кино максимально

понятны зрителям-избирателям.

Различия между российскими и американскими метафорами, относящимися к рассматриваемому слоту, обусловлены особенностями национальной культуры и имеют преимущественно количественный характер: американцы чаще, чем русские, используют метафоры, связанные с миром кино, но значительно уступают нашим соотечественникам по частотности обращения к «цирковым» метафорам.

Х 2. Фрейм «Работники театра»

Рассматриваемый фрейм детально структурирован в современной политической речи, что позволяет использовать его для метафорического обозначения самых разнообразных политических ролей. В рассматриваемых текстах театр часто противопоставляется реальной действительности, что может быть выражено в оппозициях: *игра — жизнь, играть роль — быть самим собой*. Концептуальная метафора **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ — это ИГРА** определяет возможность представления политических активистов как творческий и вспомогательный состав огромного театра.

Слот 2.1. Автор пьесы или сценария

Для обозначения социальных лидеров, определяющих пути развития событий, готовящих планы тех или иных действий, в современной политической речи используются метафоры *автор, аранжировщик, драматург, комедиограф, сценарист*. Соответственно планы, разработка событий метафорически обозначаются как *либретто, пьеса* (возможно, включающая несколько *действий* и *актов*), *сценарий*. Ср.:

- По-видимому, кремлевские сценаристы избирательной кампании решили вновь сыграть пьесу образца 1996 года: «Все против общего врага страны» (А. Степанов); Путин не только талантливый актер, но и сам себе режиссер и даже автор какой-то особой собственной пьесы, а также новой необычной стилистики (Р. Медведев); Путин уже не в завуалированной форме предложил нам новую аранжировку грёфовской программы (В. Чикин); Безапелляционность заявлений Явлинско-

го и феноменальный рост его рейтинга всерьез озаботили президентских драматургов (И. Иванцов).

Подобные метафоры широко представлены и в американском политическом дискурсе. Ср.:

- It is Republican leaders in Tallahassee and Washington, not Democratic ones, who weave lurid scenarios of legislative intervention if they don't get their way (Time).

‘Именно лидеры республиканцев, не демократов, придумают (сплетут) страшный сценарий вмешательства в законодательную деятельность, если им не удастся достичь своей цели’.

Слот 2.2. Создатели спектакля

Организаторы и вдохновители политических кампаний, государственные руководители и лидеры политических движений часто метафорически обозначаются как *балетмейстер*, *дирижер*, *Карабас-Барабас*, *кукловод*, *постановщик*, *режиссер*, *сценограф*, *хормейстер*. Ср.:

- И все чаще будет подниматься вопрос: а была ли отставка Ельцина действительно добровольной, коль так нагло жестко действуют кремлевские кукловоды по отношению к депутатам, региональным лидерам, обществу? (Ш. Муладжанов); Ситуация накануне выборов мучительно напоминает драму, у которой есть сценарист и закулисный режиссер (Д. Табашников).

В современных политических текстах нередко используются и другие образы, связанные с людьми из мира театра: *билетер*, *гример*, *клакер*, *клака*, *костюмер*, *осветитель*, *суфлер*. Ср.:

- Удивляясь и негодуя по поводу успеха Путина, «Новая газета» пыталась представить и. о. Президента как актера, который оказался на большой политической сцене, не зная ни своей роли, ни пьесы, в которой ему предстояло играть, не понимая также, кого из многочисленных суфлеров он должен слушать (Р. Медведев).

Подобные образы используются и американскими авторами, которые пишут о месте лидера в политической жизни страны. Ср.:

- Yes, there was dissonance and clatter. But most of the country liked Bill Clinton's way of striking up the band (Newsweek).

‘Да, звуки музыки диссонировали и звенели в ушах. Но большей частью страны нравилось то, как Билл Клинтон дирижировал оркестром’.

Слот 2.3. Актеры и их амплуа

Для обозначения политических лидеров и активистов при рассмотрении нюансов их деятельности могут использоваться метафоры *актер, актер второго плана, актриса, амплуа, артист, артистка, антигерой, герой, герой-любовник, герой первого плана, героиня, комик, кордебалет, лицедей, первый любовник, петрушка, прима, статист, трагик, труппа, шут, участники массовки*. Подобные метафоры часто имеют оценочный характер. Ср.:

- Явлинский сознательно поставил себя на роль статиста для подтверждения легитимности выборов (А. Баранов); И еще — крепнущими симпатиями к одному из солистов тогдашнего политического театра (М. Крушинский); Я уж не буду сейчас называть «солистов» известных политических партий и движений (М. Левченко); Этот либеральный кордебалет, танцующий «гарантеллу свободы» на костях гибнущего народа, желает вызвать у нас симпатию своими страданиями (А. Проханов).

Очень похожие метафоры нередко обнаруживаются при описании политических событий и их участников в американских текстах периода избирательной кампании. Ср.:

- Before a speech in Des Moines, Iowa, on Wednesday night, Nov. 1, he [Bush] sashayed around backstage like a vaudeville showgirl, twisting his waist one way thrushing his arms out the other (Newsweek).

‘В среду первого ноября, перед тем как произнести речь в Де-Мойне штата Айова, стоя за кулисами, он [Буш], вращал таз в одну в одну сторону, а руки вытягивал в другую, чем очень напоминал девушку из варьете’.

- Don’t get me wrong: Clinton was better to comedians than any other president in the 20th century (Time).

‘Не поймите меня превратно, Клинтон был лучшим из комедийных актеров по сравнению с другими президентами XX века’.

- So Long, Music Man (Newsweek).

‘До свидания, музыкант’ (заголовок статьи о завершившем президентский срок Б. Клинтоне).

Рассмотренные метафоры свидетельствуют, что пути создания образов при использовании данного фрейма очень похожи, о национальной специфике здесь можно говорить только по отношению к

выбору метафор при характеристике соответствующего политического лидера (Билл Клинтон — музыкант, Григорий Явлинский — Гамлет).

1

3. Фрейм «Театральное здание и реквизит»

Рассматриваемый фрейм имеет богатые возможности для метафорического представления локализации политической борьбы, используемых в ней средств и способов, места того или иного лидера в политической жизни страны.

Слот 3.1. Театральное здание

Наиболее частотные для современной политической речи образы из рассматриваемого слота — это *сцена* и *арена*. Значительное повышение или резкое снижение политической активности метафорически представляется как выход на сцену (арену) или уход с нее. В других случаях используются наименования элементов сцены: *авансцена*, *арена*, *оркестровая яма*, *подмости*, *рампа*, *суфлерская будка*. Из числа других названий метафорически используются *вешалка*, *гримерная*, *закулисы*, *касса*, *уборная*. В театральном зале выделяют *амфитеатр*, *бельэтаж*, *галерка*, *зрительный зал*, *ложка*, *партер*, *первые ряды*. Ср.:

- Его уход с политической сцены был на редкость демократическим актом (Е. Крутиков); Некоторые из сторонников Путина считали такой исход выборов даже более предпочтительным, если учесть, что еще год назад мало кто из нас не только не знал, но и не слышал о Путине, столь неожиданно появившемся на политической сцене (Р. Медведев); Не имиджмейкеры сделали Путина, а Путин вышел на авансцену, и страна в него влюбилась (С. Коломейцев); Мы рассматриваем Центрально-Азиатский регион как оркестровую яму для нашей политики (В. Жириновский).

Аналогичные метафоры встречаются и в американском политическом дискурсе. Ср.:

- The supreme court itself was looking very much like a political arena unto itself, its justices divided roughly along party and certainly philosophical

lines (Newsweek).

‘Даже Верховный суд очень напоминал политическую арену: его члены разделились в зависимости от партийных предпочтений и оп-
ределенных философских взглядов’.

Слот 3.2. Театральный реквизит

Богатый метафорический потенциал в политической речи имеют обозначения театрального реквизита: *грим, декорации, задник, занавес, костюм, кулисы, кукла, маска, марионетка, муляж, парик, реквизит, софит*. Ср.:

- Жизнь тем временем неотвратно приближала судный час выборов. Казалось, ничто не помешает кукловодам расставить марионетки по тем полочкам, которые им предопределялись (Ю. Васильков); Не исключено, что, скажем, Явлинский, Примаков откажутся от уни-
тельной роли декораций (О. Герасименко); Так называемые независи-
мые депутаты бегом рванули в «Единство» — аморфное, разношер-
стное образование, называющее себя партией власти, хотя на деле это
не более чем многоголовая ее марионетка (В. Петров); Зато лучший грим был у Геннадия Зюганова. Гримировать
Геннадия Андреевича стали так густо и обильно, что лидер коммуни-
стов с каждым днем становился все более похож на шарж своего исто-
рического предшественника. Ну и хорош был «макияж» политиче-
ский. Чувствуя падающий рейтинг красных идей, Зюганов все чаще
гримируется под социалиста, а то и консерватора (А. Семенова, А. Дос-
тов).

В политических тестах гримирование, использование сцениче-
ских костюмов, масок метафорически представляют стремление по-
литиков скрыть свои истинные мысли и предстать в максимально
выигрышном виде перед избирателями. Подобные метафоры ис-
пользуются и в американских политических текстах. Ср.:

- There may never be a better time than these next few weeks to sit right up
close to the small stage, where you can hear the lines that are fubbed and
see costumes that don't quite fit and watch the candidates trying to master
their roles (Time).

‘Лучшего случая подсесть поближе к сцене, с которой слышны не-
точные реплики, когда есть возможность разглядеть костюмы, кото-
рые не совсем впору, и понаблюдать за кандидатами, разучивающи-
ми свои роли, в течение следующих нескольких недель может не

представиться’.

4. Фрейм «Жанры и элементы представлений»

В современных политических текстах при характеристике политических ситуаций, событий и их составляющих часто используются метафоры, базой для которых служат наименования театральных жанров и элементов театрального представления.

Слот 4.1. Жанры представлений

Политическая ситуация, деятельность различных социальных групп и отдельных лидеров часто характеризуется как *балет*, *водевиль*, *драма*, *комедия*, *мелодрама*, *опера*, *оперетта*, *пантомима*, *реприза*, *трагикомедия*, *фарс*. Ср.:

- В первом акте политической драмы путинское окружение успело поделить все ключевые посты. А во втором — вдруг начали убеждать, что все по-честному (М. Ростовский); Думское меньшинство свой неуспех раскрутило до уровня шекспировских трагедий. Вышли на сцену и обманутый король Лир (Евгений Примаков), и загнанный в угол мятущийся Гамлет (Явлинский), и страдающий Ромео (Кириенко) (С. Благодаров); Речь пока идет лишь об инстинктивном старте очередного акта драмы, а финал ее по-прежнему неизвестен (П. Богомолов).

Метафорическое обозначение политической деятельности как различных видов театрального представления постоянно встречается и в американских политических текстах. Ср.:

- If fate had put Gore and Bush in the other’s place on election night, the drama of the next five weeks would have had everybody playing the opposite role (Time).

‘Если бы судьба поменяла Гора и Буша в ночь выборов, то в драме, разыгравшейся в последующие пять недель, каждый бы сыграл противоположную роль’.

- This election is not an award for past performance (Congressional Digest).

‘Предстоящие выборы — не присуждение награды за показанное представление’.

- Every time Clinton looked to the future, his past pulled him back. The sto-

ry — and the promise of his presidency — unraveled like a Shakespearean meld of tragedy and farce (Newsweek).

‘Всякий раз, когда Клинтон вглядывался в свое будущее, прошлое тянуло его назад. Обещания на посту президента — повороты сюжета, напоминающего сплав шекспировских трагедий и фарса’.

Слот 4.2. Игра актеров

Как известно, театральный спектакль состоит из отдельных актов и сцен, у него может быть прелюдия и репризы, в нем выделяют кульминацию и финал, он может быть богат коллизиями сюжета. Хорошо известные избирателям элементы театрального представления широко используются в политической речи, придавая выборам символическую форму.

Социальная деятельность, общественная деятельность отдельных лидеров, государственных структур, общественных организаций в современном политическом дискурсе могут метафорически представляться как *действие, исполнение роли, игра, исполнение арии, произнесение монолога*. Участники спектакля могут *декламировать, импровизировать, делать гримасы и пируэты, петь соло, дуэтом или хором, проявлять артистизм, изображать любовный треугольник, пускать петуха, танцевать* и исполнять иные артистические функции. Ср.:

- Вы как хотите, говорит он своим коллегам, а я не желаю играть роль в приготовленной вами пьесе, я буду просто жить. Действительно, как быть коллегам, если все они давно подзабыли, что значит жить в политике. Если все они на свою беду только и умеют играть в государственныхников, демократов, патриотов, реформаторов, оппозиционеров, премьеров и т. д. (О. Савченко); Единодушно отметив, что финальная импровизация Ельцина войдет в золотой фонд «мирового политического театра», американские специалисты по России сосредоточили внимание на фигуре Владимира Путина (А. Баранов); Григорий Явлинский — человек серьезный... Он не согласен быть на вторых ролях (А. Мякенький).

Похожие метафоры встречаются и в американской политической речи периода избирательной кампании. Ср.:

- Al Gore has played supporting actor to Bill Clinton's leading man (Business week).

‘При исполнителе главной роли Билле Клинтоне Гор сыграл роль второго плана’.

- Now George Bush was playing the role of lout (Newsweek).
‘В тот момент Джордж Буш играл роль деревенщины’.
- The roles had reversed: now it was Bush, not Gore, who sounded clinton-esque (Newsweek).
‘Роли поменялись: теперь именно Буш, а не Гор говорил (звучал), как Клинтон’.
- I played a role, along with other members of the Clinton — Gore team (Business Week).
‘Я играл роль вместе с остальными членами команды Клинтона — Гора’.
- His fellow upstart John McCain is trying to play the hardest role of all: a Washington insider with a conservative record running as a maverick outsider on a centrist platform, against the guy his whole party crowned months ago (Time).
‘Его соратник-выскочка Джон Маккейн пытается сыграть самую трудную роль: приверженец консерватизма, входящий в политические круги Вашингтона, ведет себя как независимый центрист против парня, ставшего месяц назад лидером своей партии’.
- Last week Gore sang that refrain too, but you had to listen carefully for it (Time).

‘На прошлой неделе Гор пел тот же припев, но его нужно было слушать очень внимательно’.

Политическая деятельность метафорически представляется как участие в театральном представлении, в котором каждый актер исполняет предназначения драматурга и режиссера. Это акцентирует несамостоятельность политических лидеров, их зависимость от требований ситуации и иных факторов.

Слот 4.3. Элементы представления

В современной политической жизни нередко обнаруживаются такие характерные для театрального представления элементы, как *акт, антракт, выход на бис, действие, завязка, интрига, кульминация, мизансцена, немая сцена*; для кого-то звучит первый и даже третий звонок, на сцене опускают и поднимают занавес, слышатся реплики и др., актеры помнят о ремарках автора и советах режиссера. Соответст-

вующие метафоры активно используются для обозначения различных этапов и нюансов политического противоборства. Ср.:

- Продемонстрированная им [В. Жириновским] многосерийная эпопея «Война и ЦИК» заслуживает отдельного признания. Количеству задействованных инстанций и коллизиям сюжета позавидовал бы сам Конан Дойл (А. Семенова, А. Достов); Впервые выборы в Думу стали не самостоятельной акцией или простой пробой сил перед президентскими выборами, а настоящей прелюдией к электоральной битве за пост главы государства (А. Колесников); Пока не ясно, выйдет ли инициатива Владимира Путина за рамки простой кадровой перестановки в чиновничьих кругах. Понятно одно: это только еще пролог (В. Носков).

Похожие метафоры встречаются при описании политической борьбы и в американских текстах предвыборного периода. Ср.:

- On the other hand, the U. S. Supreme Court remains one of the most trusted institutions in the land, and its involvement raised the hope for a clear denouement to the post-election drama (Time).

‘С другой стороны, Верховный суд США остается учреждением, вызывающим наибольшее доверие граждан, а его участие усиливает надежды на благополучную развязку драмы, разыгравшейся после выборов’.

- Hearings serve as a kind of overture to the First Act of a new President, a preview of all the themes and characters that will share the stage and shape the combat for the next four years (Time).

‘Слушания заседаний служат увертюрой к первому акту правления нового президента, рекламным показом всех тем и персонажей, которые будут представлены на сцене в течение следующих четырех лет.

- It wasn't any one note Joe Lieberman struck that set the... watchdogs growling. It was the whole sacred symphony... «When it reaches a certain crescendo, you know it,» observes Abraham Foxman (Time).

‘Джо Либерман просто взял ноту, которая заставила рычать сторожевых псов... Это целая священная симфония... «Когда она достигнет крецендо, вы узнаете об этом», — заметил Авраам Фоксмен’.

Представленный материал свидетельствует, что рассматриваемый фрейм в российском и американском политическом дискурсе не имеет существенных отличий: авторы метафорически представляют политическую деятельность как театральные представления различ-

ных жанров, в которых актеры-политики играют свои роли в соответствии с развитием сюжета и волей режиссера.

Фрейм 5. «Публика и прием, оказанный спектаклю»

Следящие за политической жизнью граждане часто метафорически обозначаются как *зрители* или *публика*. В театральных метафорах часто эксплицируется и оценка зрителями-избирателями деятельности политических лидеров, представленных как своего рода *актеры* и *режиссеры*. С этой целью образно используются такие наименования, как *аплодировать*, *аплодисменты*, *бис*, *браво*, *вызывать на бис*, *овация*, *провал*, *провалиться*, *рукоплескать*, *свист*, *скандировать*, *успех*, *фиаско*, *хлопать*. Для привлечения зрителей организаторы спектаклей *выбирают репертуар*, *проводят репетиции*, *вывешивают афиши*, *продают билеты* и *абонементы*, при необходимости *сообщают об аншлаге*, *организуют бенефисы* и *гаст-роли*. Ср.:

- Посрамлены алчные шоумены «выборных технологий», народ не желает быть зрителем политических трагикомедий (Ю. Васильев); Нам представляется определить свой выбор не только бурностью и продолжительностью аплодисментов (Ю. Васильков); В лагере демократической оппозиции сегодня такой разлад, что и третье место для них — скорее подарок от Владимира Жириновского, который изрядно поднадоел электорату своим избитым репертуаром (М. Куштанин).

Похожие метафоры используются и в дискурсе избирательной кампании в Соединенных Штатах. Ср.:

- We celebrate the peaceful transition of power in a democracy; and then we sit back and judge how the players perform — how graceful the losers, how gracious the winners, a fierce pageant of patriotism and pride and prejudice all tightly staged on the Capitol (Time).

‘Мы гордимся, что можем передать власть мирным способом в демократическом режиме; потом мы откидываемся на спинку стула, чтобы оценить выступление актеров: как элегантно проигравшие и насколько снисходительны победители, зловещий маскарад, зовущийся патриотизмом, гордость и предубеждение, все тщательно организовано на Капитолийском холме’.

- Gore and Bush could consider 2000 *a dress rehearsal* (Time).

‘Гор и Буш могли бы считать выборы-2000 *генеральной репетицией*’.

Представленные в настоящем параграфе материалы свидетельствуют, что в сфере «зрелищной» метафоры общего больше, чем различий. Это можно объяснить тем, что рассматриваемая сфера во всем цивилизованном мире имеет очень много сходного. Мир искусства и шоу-бизнеса — это некий глобальный интердискурс, который существует и в сети Интернета, и в рамках обмена гастрольями и телепрограммами, и благодаря прокату лучших кинофильмов во всех частях света и др. Категоризация сферы искусства в различных языковых картинах мира очень близка, это относится даже к национальным разновидностям зрелищ, в которых также существуют рассмотренные выше фреймы и слоты («Создатели и участники представления», «Зрители и их реакция», «Подготовка представления», «Жанры» и др.).

По существу, совпадает и прагматический потенциал российской и американской театральной (по сфере происхождения) метафоры. Она акцентирует неискренность политиков, их несоответствие народным ожиданиям, стремление заинтересовать яркой формой выступлений, создать атмосферу карнавальности и тем самым в той или иной мере увести избирателей от серьезных проблем. Театральная метафора часто используется как средство сатиры, она привлекает внимание к самым больным точкам организации политической жизни.

Распространенность рассматриваемой метафоры в политическом дискурсе объясняется и той важной ролью, которую играют зрелищные искусства в социальной жизни названных стран, и тем, что организация политических мероприятий в современном мире все чаще реально напоминает театральные представления, что, по представлениям «политтехнологов», позволяет эффективнее привлекать к ним уставших и все более апатичных избирателей. Неискушенные граждане все чаще воспринимают политическую борьбу как искусственное зрелище, созданное на потребу скучающему электорату, который в качестве аплодисментов, возможно, отдаст свой голос понравившемуся актеру.

Обнаруженные нами различия между российской и американской политической метафорой в рассмотренной сфере касаются деталей, а не общих принципов ее организации:

- в американской политической речи велика доля метафор, связанных с миром кино; подобные метафоры используются и в России, но все-таки не так активно, как в США;
- в российской политической речи значительно чаще, чем в американской, используются образы, связанные с цирковым искусством;
- создатели российских политических текстов нередко обращаются к образам, характерным для традиционных русских национальных зрелищ (*балаган, раек, действо*). Однако сугубо национальные концепты занимают как в российской, так и в американской метафоре рассматриваемой сферы лишь очень небольшую нишу, это всего лишь частички отдельных слотов.

Легко заметить, что в настоящее время уже не воспринимаются как какая-то экзотика или своего рода знаки иного «заманчиво разлагающегося мира» метафоры, связанные с такими зрелищами, как рок-опера, мюзикл, стриптиз и др. В настоящем издании не место для оценки столь сложного и неоднозначного явления, как глобальная экспансия американской культуры. Однако важен тот факт, что поток американских по происхождению образов в российской политической речи все увеличивается, а встречного движения пока не наблюдается.

5.3. «Война в Югославии»

как ситуация-магнит в российском и американском политическом дискурсе

В последнее десятилетие неоднократно обнаруживалось, что народы России и Соединенных Штатов проявляли трагическое непонимание позиций друг друга по отношению к локальным вооруженным конфликтам. Это непонимание наиболее ярко выразилось при оценке боевых действий в Югославии, Ираке и Чечне. Примером может служить такой факт: абсолютное большинство граждан и все крупные политические партии России осуждали *кровавый анти-сербский террор албанских сепаратистов в Косово и варварские бомбардировки мирных городов Югославии*. А вот в большинстве европейских стран и в Соединенных Штатах общественное мнение было на стороне *жертвы режима Милошевича — свободолюбивого албанского народа, которому оказали помощь доблестные войска НАТО*.

Очевидно, что обычный человек не в состоянии объективно разобратся в причинах межнациональных конфликтов. Ему «помогают» в этом профессиональные политики и журналисты. А одна из задач когнитивной лингвистики — выявить пути воздействия на общественное мнение, способы концептуализации и переконцептуализации политической действительности в национальном сознании.

Исследование факторов, воздействующих на общественное мнение той или страны, — проблема многоаспектная. Один из важных путей ее решения — это когнитивное изучение способов метафорического оправдания (или осуждения) войны, то есть способов образного объяснения того, почему данные боевые действия с моральной точки зрения необходимы и законны или же, наоборот, аморальны и незаконны. Такое исследование должно быть проведено с учетом общей роли милитарных (по сфере-мишени) метафор в политическом дискурсе России и Соединенных Штатов.

В современном политическом дискурсе метафора стала мощным средством концептуального воздействия на общество. Например, в когнитивном исследовании Дж. Лакоффа [Lakoff, 1991] показано, как

правительство США и поддерживающие его средства массовой информации при помощи специальной системы концептуальных метафор внедряли в сознание американского народа (и всего мирового сообщества) мысль о том, что военные действия Соединенных Штатов против режима Саддама Хусейна в Ираке этически безупречны. Основной аргумент — это борьба против кровавого тирана, совершившего неспровоцированный акт агрессии против народа Кувейта. В этой же публикации рассматриваются метафорические аргументы, используемые в Ираке для осуждения вмешательства США во внутренние дела арабских стран и помощи тоталитарному режиму в Кувейте. Для арабов отношения между Ираком и Кувейтом — это внутрисемейные отношения между братьями, которые в какой-то ситуации могут поссориться, но не имеют права призывать в такой ситуации посторонних в качестве защитника или судьи. К тому же Ирак — это старший брат, который по арабским традициям имеет полное право требовать послушания от младшего. Для арабов Америка — это чужестранец (и к тому же иноверец), пытающийся вмешаться во внутрисемейные отношения арабов. Для американских лидеров отношения между Кувейтом и Ираком — это отношения между наглым разбойником и мирным обывателем, которому, к счастью, приходит на помощь его старый надежный друг — доблестный полицейский.

Как отмечает Дж. Лакофф [Lakoff, 1991], взаимное непонимание между американцами и арабами во время войны в Персидском заливе во многом объясняется различной ролью ряда концептуальных метафор в национальном сознании. Используемые американскими политиками для оправдания своих действий метафорические образы оказались убедительными для большинства европейцев и американцев, но на жителей Ближнего Востока большее впечатление производили метафоры сторонников Саддама Хусейна.

К не менее интересным и важным результатам могло бы привести сопоставление метафорического моделирования балканских событий в российском и американском политическом дискурсе. Оказывается, что и американская, и российская системы представления событий в Югославии вполне соответствуют рассмотренной Дж. Лакоффом метафорической схеме «Злодей — Жертва — Добле-

стный спаситель». Но *Злодей* и *Жертва* в политическом дискурсе США и России меняются местами: для американцев *Злодей* — сербы, а *Невинная жертва* — албанцы; а в освещении российской прессы все наоборот: *Злодей* — албанцы, а *Невинная жертва* — сербы. Соответственно в роли *Доблестного спасителя* в европейской и американской метафорической картине мира выступали войска НАТО, тогда как в представлении наших политиков и большинства журналистов эту роль должны были сыграть российские воины. Похоже, что российский взгляд на распределение ролей оказался под сильным влиянием метафоры родства: наши братья по крови и религии, конечно, больше подходят на роль жертвы, чем на роль злодея. Скорее всего, реальность не соответствует ни той, ни другой схеме: обе конфликтующие стороны были одновременно и жертвой, и злодеем, а натовские генералы, возможно, думали о демонстрации своей мощи больше, чем о спасении невинной жертвы.

Показательно, что при характеристике положения дел в Югославии российские средства массовой информации постоянно использовали концептуальную метафору **РУССКИЕ И СЕРБЫ — БРАТЬЯ**. Как известно, использование метафоры родства — мощное средство переконцептуализации политической картины мира. Вместо общепризнанных в цивилизованном мире принципов межгосударственных отношений (невмешательство во внутренние дела, выполнение решений международных организаций, уважение прав человека и др.) к отношениям между Россией и Югославией метафорически применяется модель внутрисемейных отношений. А эти отношения регулируются не столько законами, сколько традиционными представлениями о том, как должны поступать родственники в тех или иных ситуациях. Все члены семьи — это «свои», и при необходимости они должны совместно противостоять «чужим»; в соответствии с семейной этикой на защиту «своего» надо становиться вне зависимости от того, прав он или нет; «своим» надо помогать бескорыстно, не задумываясь при этом о материальных издержках и взаимоотношениях с «чужими».

Удивляет сам способ метафорического выявления «братьев». По используемой логике, сербы — это наши братья, потому что все мы славяне. И Россия просто обязана им помогать. А вот католики-

хорваты и мусульмане-боснийцы для нас уже не совсем братья, во всяком случае, менее близкие родственники, чем православные сербы. Иначе говоря, при выявлении «братьев» используется еще и конфессиональный критерий. При этом как бы забывается, что в России живут не только славяне и не только православные. Например, российским татарам-мусульманам братья по вере скорее боснийцы и албанцы. А у татар-атеистов на раздираемых религиозными войнами Балканах вообще нет близких родственников.

При оценке роли рассматриваемой модели следует учитывать, что метафора родства — одна из наиболее традиционных для российского политического дискурса. В соответствии с этой моделью отношения между государством и гражданами, между лидером страны (царем, президентом, генеральным секретарем и др.) и народом концептуально представляются как отношения в семье, члены которой ощущают кровную связь между собой и душевную привязанность друг к другу. Точно так же представляются отношения между славянскими странами и между православными народами.

Эти метафоры, по существу, неистребимы в российском сознании. Метафора родства широко использовалась в политической речи Российской империи (*Россия — это мать, Москва-матушка, царь-батюшка, императрица-матушка*, соответственно подданные — это *дети*, «*возлюбленные чада*», все славяне — *братья*, православные народы тоже *братья*).

В советскую эпоху рассматриваемая модель была приведена в соответствие с новыми идеологическими потребностями. Так, место братьев по вере и крови (православных и славянских народов) заняли «братья по классу» (пролетарии всех стран) и идеологии. Одновременно были обнаружены и другие родственные связи: как сформулировал В. В. Маяковский, «Партия и Ленин — *близнецы-братья*». В других случаях Ленин предстал уже как *дедушка*, а юные пионеры назывались его *внуками*. Сталин постоянно именовался *отцом народов*, а вот Горбачев оказался *отцом* только «*перестройки*» (и одновременно ее *прорабом*).

Каждый новый этап развития политического дискурса приносит изменения в закономерности развертывания рассматриваемой модели. Ведущая концептуальная метафора времен Л. И. Брежнева — это

большая *семья братских народов* (а также *братских партий*), каждый рядовой (и не только рядовой) член которой испытывает *сыновьи* чувства в ответ на *отеческую* (и одновременно *материнскую*, одним словом, *родительскую*) заботу Коммунистической партии и Советского правительства. В последнее десятилетие XX века оппозиция много говорила о том, что государством управляет некая «семья», главой которой является сам президент. Одновременно крестные отцы, паханы, братки, семьи и кланы обнаружались и в среде политиков. В результате традиционная метафора родства объединялась с криминальной метафорой, которая тоже имеет в нашей стране многовековую историю.

В современных текстах встречается и метафорическое использование лексики родства в соответствии с традиционными моделями. Так, один из постоянных аргументов противников продажи земли состоит в том, что «Земля — мать, а мать продавать нельзя». Ср. также:

- Мы все говорим, что после матери вторая мать — деревня (Н. Харитонов); Мы (русские, украинцы и белорусы) были непобедимы, когда были вместе. У нас общие корни, мы — единая семья (В. Путин).

Кстати, обратим внимание: наш президент в данном случае включил в «единую» семью только восточнославянские народы.

Значительное место в современной российской политической метафоре занимает образное представление союза страны и ее официально-го лидера. Президентские выборы могут метафорически обозначаться как *обручение*, последующий период — как *предсвадебный*, вновь избранный президент и страна — как *жених и невеста*, инаугурация — как *вступление в брак*, а первые сто дней после нее — как *медовый месяц*. Предложение занять важный государственный пост в нашей стране нередко называется *сватанье* (*сватовство*).

Для американского политического дискурса метафора родства мало характерна, а поэтому российские метафорические аргументы не производят должного впечатления в США. Для американцев гипотетическое и даже вполне реальное кровное родство — это не причина для оказания материальной и тем более военной помощи. Как показал Дж. Лакофф, в Америке особенно действенны метафоры болезни и здоровья, финансовые и спортивные метафоры, образы

отвечающего за порядок полицейского, представление войны как продолжения политики (метафора Карла Клаузевица) и др. В американской ментальности президент как бы подписывает контракт с народом-работодателем. А если президент Милошевич или президент Саддам Хусейн нарушают условия контракта, то они — преступники. Для американцев Югославия — это больной организм, который вынуждены лечить натовские доктора, или нарушающий порядок гражданин, которого вынужден призвать к порядку доблестный полицейский Дядя Сэм.

Однако американские метафоры сохранения здоровья, экономической выгоды и справедливого полицейского плохо воспринимаются в России. Такова уж наша национальная ментальность, что о своем здоровье мы начинаем думать, когда его уже не осталось. Говорить об экономической выгоде мы считаем неприличным, особенно если это касается политических связей с «братьями». А уж «справедливый милиционер» — это для значительной части наших соотечественников просто оксюморон.

С другой стороны, в российской политической (и бытовой) метафоре постоянно присутствуют криминальные образы, причем далеко не всегда они имеют негативную окраску. *Разбойник* и даже *бандит* — это у нас едва ли не похвала, а такие слова, как *разборка*, *разводить*, *мочить*, судя по всему превращаются в обычные термины политической сферы. Очевидно, что такие метафоры совершенно недоступны американскому политическому сознанию.

В некоторых других случаях концептуальные метафоры русских и американцев на первый взгляд очень похожи, но пониманию мешают детали. Примером может служить концептуальная метафора **ОБЩЕСТВО** — это **ДОМ**. Хорошо известно, что *Дом* — важнейший культурный концепт в человеческом сознании, это традиционный для мировой культуры источник метафорической экспансии. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает: «Со времен Маркса стало принято представлять себе общество как некоторое здание, строение... Эта метафора позволяет выделить в обществе базис (фундамент), различные структуры (инфраструктуры, надстройки), несущие опоры, блоки, иерархические лестницы» [Теория метафоры, 1990, с. 14—15].

Подобные метафоры широко распространены и в отечественной

политической речи. Приведем несколько примеров:

- *Фундамент* общества — возрождение крестьянства (А. Руцкой); Задумайтесь, какую *крышу* нам обещает Черномырдин? (Б. Федоров); К экономическому краху и обнищанию мы пришли из-за раскрытых настежь границ. Разве можно говорить о порядке в доме, если *нет* в доме *дверей* и *замков*? (В. Жириновский).

Метафоры данной сферы, как правило, производят впечатление убедительности, соответствия изображаемой картины очевидным правилам мироустройства. Рассмотренные выше образы, видимо, относятся к общечеловеческим, но в этой сфере существуют собственно русские метафоры, образы, отражающие именно наше социальное сознание. В современном массовом российском сознании **ДОМ** — это вовсе не деревенская изба или собственный коттедж, а многоэтажное здание со множеством квартир, причем квартиры эти часто бывают коммунальными. Образ коммунальной квартиры оказался удивительно подходящим для метафорического обозначения всевозможных политических конфликтов. Ср.:

- И у Косово, и у Чечни есть сходство с *коммунальной квартирой*. К жарким баталиям на *коммунальной кухне* нам не привыкать — хоть со сковородками, хоть с минометами. А что способно решить квартирную проблему? Только расселение. Иначе «соседи» все равно будут лупить сковородками друг друга или «разводящих» (Б. Мурадов); Мир маленький, и в этом *сообществе квартир мы должны жить в мире и не гадить друг другу в кастрюли* (К. Боровой).

Можно предположить, что в системе американских политических метафор **ДОМ** — это не многоэтажная коммуналка, а жилище для одной семьи, это собственность семьи, ее крепость и вместе с тем показатель солидности, состоятельности. Поэтому «коммунальные» метафоры при переводе требуют специального лингвокультурологического комментария.

Рассмотренные материалы показывают, что в политических дискурсах различных стран и народов для обозначения сходных ситуаций нередко используются совершенно различные метафорические модели, а, казалось бы, однотипные метафорические образы могут по-разному восприниматься в различных национальных культурах. Возможно, исследования по когнитивной теории метафор смогут

помочь народам лучше понять метафоры, свойственные другим культурам. Это в свою очередь поможет людям стать более терпимыми к другой системе мышления, к иной системе образной концептуализации политической реальности.

5.4. Российская монархическая метафора и ее американские эквиваленты

Анализ политической метафоры в ситуации президентских выборов 2000 года в России обнаружил, что в данном нарративе важное место занимает концептуальная метафора **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ — это ЦАРЬ** («монархическая» метафора). Такая метафора в соответствии с национальными традициями представляет главу государства как пользующегося абсолютной властью монарха, «помазанника Божия», а структуру государственной власти — как своего рода феодальную иерархию, в которой существуют не только царь, но и наследник престола, разнообразные феодалы (удельные князья, региональные бароны и др.), императорский двор, свита. Атрибутами государственной власти по-прежнему служат трон, мантия, скипетр и корона. Возможно, у нашего народа до сих пор существует потребность в ниспосланном свыше сильным правителе, который должен быть эталоном совести и высшей справедливости, действовать уверенно и решительно, не обращая внимания на сомнения и формальности. В рамках представленной модели выделяются следующие фреймы.

1. Фрейм «Носитель верховной власти»

Президент России может метафорически представляться как самодержец, то есть не ограниченный Конституцией или чем-либо еще монарх, полный хозяин своей страны, имеющий священное право на власть, в том числе на передачу этой власти наследнику. В конкретных контекстуальных условиях могут акцентироваться те или иные признаки российского самодержца.

Слот 1.1. Монарх

Слот представлен концептами *царь, монарх, государь, правитель* *всёя Руси*, акцентирующими идеи недостижимости, силы, могущества, авторитета носителя верховной власти, а также его доброты, справедливости, снисходительности. Ср.:

- Хотя вроде бы было выгодно исполнить роль миротворца и справедливого царя, которую так умело играл время от времени Ельцин, но Путин на это не решился (Ш. Муладжанов); Превратимся ли мы из ожидающих появления «доброего царя» подданных в граждан, берущих в свои руки судьбу страны, или так и будем, как говорил Чаадаев, «расти, но не взрослеть?» (А. Кива); Именно в этот момент он [Ельцин] перестает быть разухабистым русским увальнем, превращаясь в русского Государя, отечески опекающего страну (А. Архангельский); Только тогда правитель Руси мог позволить себе слова, от которых у десять лет костерившего его на все лады населения на глазах в новогоднюю ночь стояли слезы (В. Мамонтов); Но вообще к монархии мы привыкли. И Ленин, и Сталин, и Хрущев, и Брежнев, и Ельцин, и Путин — все монархи (С. Говорухин); Но вот на смену доброму Василиску приходит Василиск с иным складом характера (С. Бабаева, Г. Бовт).

Эмотивные смысловые компоненты (веры, любви, почитания, страха) усиливают характеристики представления президента как монарха, которого подданные одновременно страшатся и обожают, к которому нельзя относиться как к обычному человеку, как к чиновнику, по воле народа занявшему на время высший пост в государстве.

Слот 1.2. Носитель священной власти

Показательно, что безграничная власть, возможность постоянно быть на виду, любовь, почитание, поклонение народа сближают президента не только с образом монарха, но и святого, усиливая эмоциональный эффект, направленный на создание образа «безупречности» и «всемогущества», объекта преклонения, вызывающего священный трепет.

Дистанцированность «верховного правителя», а также стремление российского избирателя к абсолютной, всепоглощающей любви и вере находят проявление в контексте выборов президента, который

предстает как *мессия, небожитель, патриарх, помазанник Божий, носитель таинства верховной власти*, чью личность канонизируют и чье имя стремятся не упоминать всуе. Ср.:

- В указе и. о. Президента Владимира Путина нашему ушедшему *«небожителю»* гарантированы царские привилегии (Р. Колчанов); Путин уже фактически глава государства, *«носитель таинства верховной власти»*, которая всегда вызывала у немалой части россиян чувство священного обожания (В. Никонов); Похоже, что *«процесс канонизации личности»* и. о. президента вовсю набирает обороты (В. Авербух, Д. Владимиров); Нет смысла преувеличивать мистически-христианские пружины путинского назначения на рубеже тысячелетий как якобы приход *«мессии»*, призванного остановить крах православия как глобально-го фактора (П. Богомолов).

Деятельность святого нет смысла обсуждать, его понимание не всегда доступно простому смертному, в него надо верить, он способен творить чудеса.

Слот 1.3. Хозяин страны

В демократических странах высшее должностное лицо воспринимается как своего рода управляющий, которому носитель верховной власти (народ) поручил управление государством, но не передал права собственности. Это ограниченный в правах высший менеджер, но не собственник. В российской традиции обладатель верховной власти представляется как полновластный хозяин страны. Российский президент часто метафорически обозначается как *хозяин, барин*, который самовластно управляет государством. Ср.:

- То, с какой охотой губернаторы и разномастные партийцы, деятели искусств, истомившиеся в ожидании нового *Хозяина*, припали к руке свежеепеченного кандидата... свидетельствует об одном: Россия так и осталась страной, психологически способной воспринять культ (П. Вошанов); Этот редкий в политической практике консенсус оказался возможным благодаря тому, что общество осознало свою беззащитность перед произволом *хозяина Кремля* и его окружения (Г. Шахназаров); О нем [Ельцине] писали как о *барине-самодуре*, разорившем имение, запутавшемся в долгах, уморившем скот и людей и постоянно меняющем управляющих, на которых он и валил свое банкротство (Р. Медведев).

Рассмотренный материал свидетельствует, что в соответствии с национальными традициями к президенту в России относятся не как к высшему чиновнику, а как к самовластному правителю, хозяину страны и почти святому, который способен творить чудеса, имеет право казнить и миловать, может облагодетельствовать или разорить подданного, волость, губернию.

2. Фрейм «Монархическая форма правления»

Образ самовластного русского президента-царя последовательно эксплицируется через поступки, свойственные феодальному «властителю», и способ передачи власти. Наш президент не исполняет обязанности, а полновластно царствует. Он сам решает, как ему следует поступать, когда уйти на покой, кому оставить державу.

Слот 2.1. Царствование

Деятельность президента РФ в рамках данного слота ассоциативно связана с царствованием монарха, способного приподнести царский подарок, отчитываться о плодах собственного царствования, по-царски уйти. Ср.:

- Действительно, такого в России еще не бывало: властолюбивый глава государства, которого уже чуть ли не «приговорили» к пожизненному царствованию, находясь в здравом уме и твердой памяти, вдруг надевает пальто и... уходит (А. Гатов); Если начало его [Ельцина] царствования было для России периодом надежд, то второй президентский срок стал временем жестоких разочарований (Ю. Скуратов); И сам Ельцин ухитрился весь «отчет» о плодах собственного царствования вместить в несколько слов... (В. Никифорова); Не может быть, чтобы в такой день этот человек понял, что он сотворил, и потому наконец-то решился расстаться с властью. Словом, приподнести царский подарок народу (Она же).

Идея абсолютной власти подчеркивается метафорическими конструкциями, позволяющими осмысливать срок президентского правления как эпоху царствования монарха, а форму правления как президентскую монархию. Ср.:

- Одна из таких идей — обязательство в случае избрания инициировать изменение Конституции, которая бы ликвидировала президентскую монархию (О. Герасименко); В самой этой фразе заключены все пороки психологии, сформировавшейся в эпоху царя Бориса (П. Воинов).

Слот 2.2. Атрибуты власти

Основные атрибуты царской власти — это *корона* и *скипетр*, владение которыми символизирует полновластие государя. Соответственно потеря или передача этих атрибутов приравнивается к смене власти. Ср.:

- В этом случае никакой жесткой вертикали власти не получится: она выродится в скипетр нового властителя, которым он сможет и голову проломить (В. Тимашов); И даже не в том смысле, что Борис Ельцин ошарашил весь мир, досрочно передав свой «скипетр» Владимиру Путину, — удивительным образом прореагировали на политическую трансформацию биржи (Н. Бойцов); Владимиру Путину не удастся забыть, из чьих рук он получил корону (Р. Юшков).

Еще один атрибут монархической власти — *трон*. Его расположение в пространстве, на возвышении, символизирует недостижимость царя для подданных, его могущество, возможность все видеть и одновременно быть всеми увиденным. В метафорическом контексте президентских выборов широко употребляется наименование *трон*, тем самым актуализируется величие и дистанцированность монарха от своих подданных. Ср.:

- Утверждают, что за сценой борьбу у подножья трона ведут команды Чубайса и Березовского (М. Стахов); Они страшно боялись появления на троне чужака (Ш. Муладжанов); Лишь оно способно вознести политика на трон реальной победы (И. Зверев).

Слот 2.3. Наследники

В монархических странах в случае ухода обладателя короны власть передается его наследнику. Монарх обычно заранее решает, кто именно будет его наследником. Именно такой порядок передачи власти и характеризует рассматриваемая метафора, по существу

«отрицающая» законный демократический способ передачи власти в России. Ср.:

- Путин Владимир Владимирович. ...Долгожданный наследник царя Бориса (В. Жириновский); Многие чувствуют себя обреченными на победу «наследника» и заранее пытаются подобрать себе место поуютнее в ближайшем его круге (Е. Савостьянов); Помимо «наследника» Путина, среди претендентов на пост первого лица России мы видим все тех же уставших от думских словопрений паркетных бойцов (К. Сretienский). Многие газеты писали тогда о Немцове как о «дофине» или наследнике (Р. Медведев).

Показательно, что монархическая метафора используется даже при обозначении кандидатов в президенты, которым отнюдь не симпатизировал Б. Н. Ельцин. Все кандидаты, так или иначе связанные с политикой и претендующие на пост главы государства, рисуются в виде *престолонаследников, дофинов, кандидатов на трон, соискателей кремлевского трона, соискателей престола*. Ср.:

- За десять дней до выборов президента расклад симпатий наших избирателей, похоже, определился: Путин и Зюганов — основные кандидаты на трон (В. Днепров); По большому счету, на фоне нынешнего Ельцина любой «престолонаследник» выглядел бы орлом (П. Вощенко); Гораздо органичнее соискатель престола смотрится не в общесте стенографистки, а в момент вручения наград знаменитым и, простите за слово, немолодым женщинам (С. Новопрудский).

Слот 2.4. Передача власти

Добровольный уход Бориса Ельцина от руководства государством последовательно представлялся в средствах массовой информации как отречение от престола. Соответственно начало деятельности нового президента — это восшествие на трон, коронация, или венчание на царство. Ср.:

- Тридцать первого декабря совершенно неожиданно для всех он отрекся от «престола» (М. Малюкова); Итоги голосования наверняка стали главным аргументом тех, кто убедил Б. Н. Ельцина освободить престол (Ш. Муладжанов); Включая Б. Н. Ельцина, которого сподвигли-таки к передаче престола столь верному и популярному наследнику (Ш. Муладжанов); Главное внимание было приковано к мероприятиям, связанным с восшествием В. В. Путина на русский трон (М. Со-

колов).

Прагматический смысл данного фрейма можно сформулировать следующим образом: в народном сознании руководитель государства — это, как и прежде, могущественный, уверенный в себе царь-батюшка, наделенный священной властью. Царь сам решает, как ему править, когда уходить и кому передавать свой трон. Символы монархической власти эксплицируют недостижимость, властность, могущество президента-царя.

О 3. Фрейм «Система монархической власти»

В демократическом государстве существует разделение властей: представительная, исполнительная и судебная власти взаимно ограничивают друг друга и вместе с тем оберегают от ошибок. Метафоры показывают, что российская система власти устроена совершенно иначе. Помимо исполнительной власти (правительства), в монархической России огромную роль играют, во-первых, *двор, семья Государя, его свита, «ближние бояре»*, а во-вторых, *региональные феодалы, воеводы и наместники Государя*.

Слот 3.1. Двор и ближайшее окружение монарха

Ближайшее окружение президента, его помощники могут обозначаться как *бояре, аристократия, двор, придворная свита, дворцовый коллектив, слуги* и просто как *холуи*. Основное отличие такой системы власти состоит в том, что демократически назначенный министр несет ответственность перед народом и парламентом как выразителем интересов избирателей. Метафора подчеркивает, что в России важнейшие решения принимаются совсем в иных условиях, а главное достоинство приближенного — личная преданность монарху. Ср.:

- Назначенный губернатор всегда будет стараться угодить не жителям региона, а *придворной свите*, от которой зависит, останется он на своем посту или нет (Е. Савостьянов); Возможно, что в той почти бесплодной кремлевской среде, в том *«дворцовом» коллективе*, в котором с 1996 года работал Путин, он был относительно одинок (Р. Медведев); Ельцин раз в году появлялся на людях, окруженный *холуями и*

придворными, давая понять, кто царь на Руси (А. Проханов); Фактически и. о. царя страны предлагается собрать бояр и по-годуновски долго выпрашивать собственной легитимности (В. Константинов).

Слот 3.2. Императорская семья

Как известно, в Российской империи значительное место в системе власти занимала «императорская фамилия»: *императрица, императрица-мать, великие князья, княгини и княжны*. Ближайшие родственники императора часто назначались на важные официальные должности (что нередко осуждалось противниками режима), но не сама по себе должность (или ее отсутствие) определяла степень влиятельности члена императорской семьи. При чтении современной российской прессы может создаться впечатление, что с тех пор мало что изменилось. Ср.:

- Демократический царь создал под себя византийскую систему управления (Двор и Семья «разруливали» ситуацию лучше системы взаимодействия ветвей власти) (С. Бабаева, Г. Бовт); Специалисты по коридорам власти в таких случаях советуют обращаться не в правительство, а к *младшей дочери президента*. Это вернее (В. Горунев); Лихие депутаты второго созыва придумали Татьяне псевдоним Дочка Франкентейна (Н. Гужева); Известно, что в Москве, в Кремле все решает «семья», и здесь то же. Клан, который сформировал Руцкой (Н. Иванов).

Слот 3.3. Региональные феодалы и наместники

В соответствии с логикой развертывания рассматриваемой модели периферийная политическая элита (руководители субъектов Федерации и др.) может метафорически обозначаться как *удельные князья, региональные бароны, воеводы, феодалы, наместники государя, помещики*. Ср.:

- Путин бьется за диктатуру закона и даже не подозревает, что уральские князьки такой ножичек у него за спиной точат (Ф. Сергеев); Упреки Москвы в адрес воевод-жуликов не выглядят особенно убедительными (М. Ростовский); Я лично с трудом представляю его [Степашина] себе в Совете Федераций среди заседающих там акул-феодалов (В. Крупнов).

В других контекстах в качестве звеньев феодальной иерархии выступают важные государственные чиновники, руководители

крупных компаний, СМИ, банков и иных подобных структур. Ср.:

- Гусинский стал первым в России медиабароном. Постепенно расширяя сферу влияния, его империя стала включать журнал «Итоги», радиостанцию, спутниковое телевидение (С. Богданов); Министры станут политическим прикрытием своих направлений, «министрами-царями» (С. Новопрудный).

При изучении представленного материала становится понятным, почему так легко провести метафорическую параллель между президентом и царем, между свободными гражданами демократической страны и подданными самодержца. Неограниченная власть монарха, осознание своего могущества, отдаленность от народа, неведение или нежелание проникнуться его бедами, проблемами, придворные интриги ассоциируются в нашем сознании с президентскими полномочиями и привилегиями, «закулисной» жизнью в кулуарах власти, зачастую с равнодушным отношением к избирателям. Но в российском национальном сознании упорно сохраняется «идеальная» политическая ситуация в монархической стране: к власти приходит разумный, деятельный, осознающий свою ответственность правитель, на которого, видимо, до сих пор уповает русский народ. Сдерживающиеся в сознании избирателей представления вербализуются в концептуальной метафоре.

Важно подчеркнуть, что концептуальная политическая метафора отражает национальное сознание и существующие в данной стране представления о структуре государственной власти. В частности, при сопоставлении агитационно-политического дискурса президентских кампаний в Америке и России обращает на себя внимание тот факт, что в средствах массовой информации США интересующая нас метафорическая модель, по существу, не используется. Президент «Нового света» может быть представлен как *commander-in-chief* ‘главнокомандующий’, *prizefighter* ‘боксер-профессионал’, *the leading man* ‘исполнитель главной роли’, *hero* ‘герой’ и т. д. Это свидетельствует о том, что в сознании американского народа верховная власть Соединенных Штатов ассоциативно не связана с монархической системой управления. Президент для американцев — это не монарх, святой или полновластный владетель страны, а нанятый народом управляющий, ведущий в бой командир или исполнитель главной

роли в политическом спектакле. Таким образом, рассмотренная в данном параграфе концептуальная метафора является специфичной для российских текстов предвыборной агитации и не представлена ни одним наименованием в американском политическом дискурсе.

Однако если речь в американских СМИ заходит о российской президентской кампании, то монархическая метафора оказывается достаточно продуктивной. Для номинации основных кандидатов на пост главы российского государства в современной американской политической речи часто используются следующие метафоры: *a new Russian tsar* ‘новый русский царь’, *an inheritor* ‘наследник’, *the Russian strongman* ‘русский властитель’, *President of all Russia* ‘президент всей Руси’. Ср.:

- Now Vladimir Vladimirovich Putin has been catapulted from the shadow into the most public of positions: *President of all Russia*. He is about to inherit constitutional powers akin to a Czar’s in what is called an election but amounts to *coronation* (Time).

‘Сейчас Владимира Владимировича Путина вытащили из тени на самое видное место: *Президент всей Руси*. Он, *подобно царю*, наследует конституционные полномочия, похожие на царские, через то, что на словах называют выборами, а на деле является *коронацией*’.

- The Russian *strongman* courts his neighbours (U. S. News & World Report).

‘Русский *властитель* добивается расположения своих соседей’.

Внеязыковые причины такого широкого спектра коннотаций следует искать в социальной, историко-культурной информации, в тесной связи национального языка с национальным сознанием. Русскому народу на протяжении многих веков была свойственна вера в сильного правителя. Как известно, у граждан Соединенных Штатов существует совсем иная система политических ценностей и убеждений. Эти разные системы ценностей играют решающую роль в выборе метафорических моделей, которые используются русскими и американцами для обозначения своих политических лидеров.

Представленное исследование свидетельствует, что феодальная сфера по-прежнему занимает важное место среди источников метафорической экспансии в политическом дискурсе современной России, а для ее ведущих фреймов легко находятся аналоги в современной политической действительности. Но подобная метафора в силу

известных культурно-исторических причин совершенно нетипична для американского политического дискурса, в котором президент — это не «помазанник Божий», а назначенный народом главный менеджер, предводитель армии или исполнитель ведущей роли в политическом спектакле. Отметим также, что феодальная метафора совершенно нехарактерна и для британского политического дискурса, несмотря на то что номинальным главой государства является отнюдь не метафорический монарх и образы двора, свиты и королевской семьи также, естественно, не метафорические. Для британского сознания монарх — это символ единства нации, освященный многовековыми традициями.

Рассмотренные в настоящем параграфе факты еще раз доказывают, что специфика используемых в обществе метафорических моделей определяется не только национальным языком, но и национальными традициями, национальной культурой, национальным самосознанием, национальной политической системой. Распространенность в России феодальной метафоры определяется вовсе не спецификой русского языка, а нетипичность подобной метафоры для американских и британских политических текстов никак не связана с особенностями английского языка.

Заканчивая общее сопоставление моделей российской и американской политической метафоры, еще раз подчеркнем сложную диалектику процессов. С одной стороны, факты подтверждают реальность существования общих закономерностей, своего рода интердискурса. Например, театральные метафоры в российской и американской политической коммуникации удивительно близки по составу фреймов и слотов, по прагматическому потенциалу, по функциям их использования и даже (разумеется, не в полной мере) по инвентарю концептов. Похожая картина обнаруживается при анализе метафор из военной, спортивной и медицинской сфер-источников.

С другой стороны, сопоставление способов метафорического представления одной и той же политической ситуации (военных действий в бывшей Югославии) в российском и американском политическом дискурсе показывает, как избирательна метафора и насколько различен прагматический потенциал моделей, используе-

мых при характеристике указанной ситуации. Еще более глубокие различия обнаруживаются при сопоставлении российской «монархической» метафоры и ее американских эквивалентов. Американской ментальности присущ совсем иной, чем российской, образ политического лидера страны, и эти национальные свойства ярко проявляются в метафорах.

Когнитивно-дискурсивное сопоставление метафорических моделей, используемых в современных российских и американских политических текстах, позволяет лучше понять специфику метафорической картины политического мира в рассматриваемых государствах и выделить то общее, что создает базу для взаимопонимания и толерантности.

Закключение

Политическая лингвистика — одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений современной отечественной филологии, что объясняется возрастающим интересом общества к использованию языка в сфере политической коммуникации. Использование когнитивно-дискурсивной методологии, для которой всегда был характерен мультидисциплинарный характер, позволяет обнаружить новые закономерности в организации и функционировании современного политического дискурса.

Каждая конкретная политическая метафора — это всего лишь мельчайший элемент мозаики, по которому, разумеется, невозможно восстановить целостную картину. Но если анализировать эту метафору в составе метафорической модели, в комплексе с другими метафорами рассматриваемого текста и — шире — нарратива, в сопоставлении с системой политических метафор в других языках, то отдельная метафора предстает как проявление важных закономерностей, которые отражают особенности национального самосознания и специфику соответствующего этапа развития общества.

Важнейший постулат современной политической лингвистики — дискурсивный подход к изучению политических текстов, а поэтому политические метафоры в настоящей монографии исследовались, во-первых, с учетом их соответствия той или иной метафорической модели, во-вторых, с учетом того, какое место рассматриваемая метафора занимает в тексте, в-третьих, с учетом той политической ситуации, в которой создан данный текст, и в его соотношении с другими текстами. Одновременно учитывались целевые установки, политические взгляды и личностные качества автора, специфика восприятия этого текста различными людьми.

При определении составляющих метафорической модели было обнаружено, что для ее описания особенно важно охарактеризовать следующие признаки: сферу-источник и сферу-мишень метафорической экспансии, характер взаимосвязи указанных сфер, ведущие фреймы, слоты и сценарии, степень частотности и развернутости,

основные концептуальные векторы и прагматический потенциал модели.

За основу для систематизации моделей можно взять как понятийную сферу-источник метафорической экспансии, так и понятийную сферу метафорического притяжения (сферу-мишень), но это будут совершенно различные классификации. Например, если анализировать понятийную сферу «Экономика» как источник политических метафор, то выделяются фреймы «Деньги (капитал) и товары», «Субъекты экономической деятельности», «Экономическая деятельность», «Экономическая оценка». Если же анализировать сферу «Экономика» как центр притяжения метафор, то обнаруживаются обширные разряды метафор, восходящих к понятийным сферам «Человеческий организм», «Мир животных», «Война», «Криминал» и др., в каждой из которых обнаруживается оригинальная система фреймов и слотов. При понятийной классификации сфер, служащих источниками метафорической экспансии в сферу «Политика», на первом этапе классификации выделяются четыре основные субсферы — «Человек», «Природа», «Артефакты», «Социум». При понятийном анализе сфер, служащих мишенями политической метафоры, обнаруживается, что метафорическая категоризация присуща всем областям политического мира.

Когнитивно-дискурсивное исследование закономерностей использования метафор в составе конкретных политических текстов подтвердило, что особую значимость приобретает использование в тексте значительного количества метафор, соответствующих той или иной модели. В политическом тексте часто можно обнаружить доминантную метафорическую модель (реже — две-три доминантные модели). Основные признаки доминантных моделей — высокая частотность использования соответствующих им концептов, развернутость (использование в тексте разнообразных фреймов, слотов и концептов) и рассредоточенность по различным частям текста. В качестве дополнительных признаков доминантного положения модели в тексте следует назвать применение не только традиционных, но и ярких индивидуально-авторских образов, реализацию соответствующих метафор в наиболее сильных позициях текста (заголовок, первая и последняя фразы текста, шрифтовые выделения и др.).

Восприятие метафорической модели становится более ярким, если соответствующие ей элементы акцентируются в тексте при помощи тех или иных риторических фигур, способствующих привлечению внимания читателей к форме выражения соответствующих смыслов (антитеза, анафора, градация и др.), при помощи средств интертекстуальности и иных дискурсивных сигналов. Наша работа показывает, что исследование метафоры становится более глубоким, если традиционные методики лингвистики текста дополнить когнитивно-дискурсивными методиками, если изучать не просто текст, а текст в дискурсе.

Особую значимость приобретает использование соответствующей модели метафоры в заголовке текста. Доминантные метафорические модели представляют собой одно из важных средств обеспечения связности и цельности текста (в том числе собственно текста и его заголовка), эти модели усиливают эстетическую значимость и прагматический потенциал текста. Использование развернутой метафорической модели — это мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования политической картины мира в его сознании. Удачная метафора обладает мощным эвристическим потенциалом: она формирует отношение к обсуждаемой проблеме, создает эмоциональный фон, необходимый для принятия решений, и подсказывает направления движения мысли за счет активизации аналоговых возможностей человеческого мышления.

В процессе нарративного исследования метафорических моделей было обнаружено, что в политическом нарративе «Федеральные выборы в России» получили развитие метафорические модели с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества (война, криминал, спорт, мир животных и др.), отклонения от естественного для человека порядка вещей (болезнь, криминал, мир животных и др.). Еще одна группа сильных концептуальных векторов современной российской политической метафоры — это неправдоподобие происходящего, неискренность политиков, излишняя карнавальность находящихся в центре общественного внимания событий, несамостоятельность публичных политиков — наличие каких-то тайных сценаристов, режиссеров и тренеров в политической жизни страны (театральная, игровая и спортивная метафоры). Ис-

следуемая система концептуальных метафор отражает типовые социальные представления о характере современных политических выборов.

В процессе исследования был сделан вывод о том, что нарративный анализ — одно из перспективных направлений исследования современной политической метафоры, позволяющее выявить взаимосвязи между политическим событием, его восприятием в национальном сознании и соответствующей системой метафор. Нарративный подход позволяет выделить общие закономерности в метафорическом отражении соответствующего события, в той или иной степени абстрагируясь от метафорической картины мира, характерной для отдельных политических течений и политических лидеров, а также от особенностей использования метафор, связанных с жанровыми и иными свойствами политических текстов. Вместе с тем нарратив должен изучаться не как некое автономное явление, а в дискурсе соответствующей политической ситуации.

Когнитивно-дискурсивный анализ показывает, что представленные в современном российском политическом дискурсе метафорические модели в одних своих аспектах отражают национальную культуру и национальный менталитет, в других — типичны для «западного» (европейско-американского) культурного пространства, а в третьих — имеют общечеловеческий характер. Эти метафоры, с одной стороны, традиционны, связаны с историей развития российского общества и русского языка, а с другой — тесно связаны с текущей политической ситуацией, погружены в дискурс.

Метафора относится к числу тех феноменов, в которых наиболее ярко проявляется «душа народа», его ментальный мир. Сопоставительное когнитивно-дискурсивное исследование метафорических моделей, используемых в политическом дискурсе различных стран, позволяет точнее разграничить национальные и общечеловеческие черты метафорического мышления, дифференцировать феномены, связанные с языком, на котором создается текст, и явления, зависящие от национальной ментальности, социально-исторических факторов и конкретной политической ситуации.

Библиографический список

- АГЕЕНКО Е. Л. Русская речь у микрофона // Русская речь. 1996. № 1.
- АЛЕКСАНДРОВА О. В. Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса в СМИ // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- АЛЕКСЕЕВА Л. М. Метафоры, которые мы выбираем: (Опыт описания индивидуальной концептосферы) // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Москва; Воронеж, 2002.
- АЛЕКСЕЕВА Л. М., МИШЛАНОВА С. Л. Медицинский дискурс: Теоретические основы и принципы анализа. Пермь, 2002.
- АЛТУНЯН А. Г. От Булгарина до Жириновского: Идеино-стилистический анализ политических текстов. М., 1999.
- АЛТУНЯН А. О собирателях земли русской: Жириновский как публицист // Вопросы литературы. 1996. № 2.
- АМИРОВ В. М. Агитационный предвыборный сверхтекст: Организация содержания и стратегии реализации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- АНДРЕЕВА К. А. Грамматика и поэтика нарратива в русском и английском языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998.
- АНДРЕЕВА К. А. Грамматика и поэтика нарратива. Тюмень, 1996.
- АННУШКИН В. И. Русские учения о речи: (История, теория и общественно-языковая практика) // Речевое общение. Красноярск, 2000. Вып. 3 (11).
- АПРЕСЯН В. Ю., АПРЕСЯН Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3.
- АПРЕСЯН Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- АПРЕСЯН Ю. Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1971. Вып. 6.
- АПРЕСЯН Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
- АРИСТОТЕЛЬ. Сочинения: В 4 т. М., 1982. Т. 4.
- АРУТЮНОВА Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990а.
- АРУТЮНОВА Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990б.
- АРУТЮНОВА Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. № 4.

- АРУТЮНОВА Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- АХМАДЕЕВА С. А. Изучение функций метафоры в лингвистике XX века: Приоритеты и критерии классификации // Русский язык на рубеже тысячелетий: Материалы докладов и сообщений. СПб., 2001. Т. 1.
- БАБЕНКО Л. Г., ВАСИЛЬЕВ И. Е., КАЗАРИН Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
- БАГИЧЕВА Н. В. Россия — мать или мачеха? (Метафорическое моделирование образа Родины) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т. 5.
- БАЗЫЛЕВ В. Н. Автопортреты политиков: от психопозитики к психополитике // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- БАЗЫЛЕВ В. Н. Политик в интеллектуальном контексте эпохи // Политический дискурс в России-6: Материалы постоянно действующего семинара. М., 2002.
- БАЙКОВ В. Г. Манипулятивная семантика и контрпропаганда // Функционирование языка как средства идеологического воздействия. Краснодар, 1988.
- БАКУМОВА Е. В. Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
- БАКУМОВА Е. В. Социальные роли российских политиков // Вопросы филологии и лингводидактики. Волгоград, 2001.
- БАЛАШОВА Л. В. Метафора в диахронии: На материале русского языка XI — XX веков. Саратов, 1998.
- БАРАНОВ А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
- БАРАНОВ А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.
- БАРАНОВ А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: Возможности лингвистического мониторинга // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- БАРАНОВ А. Н. Политический дискурс: Прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6.
- БАРАНОВ А. Н. Речевое воздействие и аргументация // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. М., 2000.
- БАРАНОВ А. Н. Языковые игры времен перестройки: (Феномен политического лозунга) // Русистика. 1993. № 2.
- БАРАНОВ А. Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 1.
- БАРАНОВ А. Н., КАЗАКЕВИЧ Е. Г. Парламентские дебаты: Традиции и новаторство. М., 1991.

- БАРАНОВ А. Н., КАРАУЛОВ Ю. Н.** Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.
- БАРАНОВ А. Н., КАРАУЛОВ Ю. Н.** Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- БАРАНОВ А. Н., ПАРШИН П. Б.** Процедурный язык в лингвистической семантике // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1990. № 1.
- БАСОВСКАЯ Е. Н.** Художественный вымысел Оруэлла и советский язык // Русская речь. 1995. № 4.
- БАХТИН М. М.** Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- БЕЛКИНА О. Е.** «Загадочный Путин», или... // Политический дискурс в России-6: Материалы постоянно действующего семинара. М., 2002.
- БЕЛОВА Е. Н.** Структура и семантика аргументативного дискурса (на материале слушаний комитетов конгресса США): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
- БЕЛЬЧИКОВ Ю. А.** Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны // Филологические науки. 2000. № 6.
- БЕЛЯНИН В. П.** Психолингвистический анализ речи одного политика. 1999 // www.textology.ru.
- БЕРДЯЕВ Н.** Судьба России. М., 1990.
- БЕРКНЕР С. С.** Язык как инструмент политики // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001.
- БЛАКАР Р.** Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- БОЛДЫРЕВ Н. Н.** Когнитивная семантика: (Курс лекций по английской филологии). Тамбов, 2001.
- БОЛОТОВА Е., ЦИНКЕН Й.** Русская и немецкая Европа: Исследование структуры миров культурных представлений в русской и немецкой прессе // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- БОРКОВЕЦ Н. И.** Техническая метафора в художественной картине мира: (На материале немецкой прозы XX века и ее переводов на русский язык): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- БРОКМЕЙЕР Й., ХАРРЕ Р.** Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3.
- БУЛГАКОВА Л. Н., ЗАХАРЕНКО И. В., КРАСНЫХ В. В.** Харизма без власти и власть без харизмы: (К вопросу о современном российском политическом дискурсе) // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- БУЛЫГИНА Е. Ю.** Лексическое воплощение концепта «деньги» в современной публицистике // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск, 1999.

- БУЧНЕВА Н. Л.** Некоторые аспекты метафоризации терминов в современной немецкой прессе // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- БЫКОВА Е. В.** Однословные финансово-экономические термины, заимствованные из английского языка в 90-е годы (этапы и типы адаптации): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
- ВАЙНРИХ Х.** Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
- ВАН ДЕЙК Т. А.** Критический анализ дискурса // Перевод и лингвистика текста. М., 1994.
- ВАСИЛЕНКО И. А.** О возможностях политической герменевтики // Вопросы философии. 1999. № 6.
- ВАСИЛЬЕВ А. Д.** Слово в телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000.
- ВЕЖБИЦКА А.** Антитоталитарный язык в Польше: Механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4.
- ВЕЖБИЦКАЯ А.** Язык, культура, познание. М., 1996.
- ВЕПРЕВА И. Т.** Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.
- ВЕРШИННИНА Т. С.** Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- ВЕРШИННИНА Т. С.** Метафора в политическом дискурсе: Традиции и новаторство // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 6.
- ВЕРШИННИНА Т. С.** Политическая метафора: Ю. Лужков, А. Проханов, В. Жириновский // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 7.
- ВИНОГРАДОВ С. И.** Нормативный и культурно-прагматический аспекты культуры речи // Культура речи и эффективность общения. М., 1996.
- ВИНОГРАДОВ С. И.** Слово в парламентской речи и культура общения // Русская речь. 1993. № 2—4.
- ВОДАК Р.** Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.
- ВОЛОДИНА М. Н.** Теория терминологической номинации. М., 1997.
- ВОЛОДИНА М. Н.** Язык массовой коммуникации — основное средство информационного воздействия на общественное сознание // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- ВОРКАЧЕВ С. Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: Становление антропоцентрической парадигмы // Филологические науки. 2001. № 1.
- ВОРОБЬЕВ В. В.** Лингвокультурология: (Теория и методы). М., 1997.

- ВОРОБЬЕВА О. И.** Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи. Архангельск, 2000.
- ВОРОБЬЕВА О. И.** Политическая лексика. Семантическая структура. Текстовые коннотации. Архангельск, 1999.
- ВОРОЖБИТОВА А. А.** «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны в лингвориторической интерпретации // Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж, 2000. Вып. 2: Язык и социальная среда.
- ВОРОЖБИТОВА А. А.** На «входе» и «выходе» русского советского дискурса: (Лингвориторический аспект) // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1999.
- ВУ БОК НАМ.** Метафорическое представление межличностных отношений: (Когнитивный аспект) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2002. Т. 8.
- ГАДЖИЕВ К. С.** Политическая наука. М., 1994.
- ГАК В. Г.** Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- ГАК В. Г.** Сопоставительная лексикология. М., 1977.
- ГАЛЕЕВА Н. Л.** Параметры художественного текста и перевод. Тверь, 1999.
- ГАЛЬПЕРИН И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- ГЕЛЛЕР М.** Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.
- ГЕЛЬМАН А.** Политика как театр // gazeta.ru // naedine 1999.
- ГЛУХОВА А. В.** Речь как политическое действие: Функциональный аспект // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001.
- ГОЛОВАНОВА А. В.** Языковые метафоры в оценке человека: (На материале русского и польского языков) // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2000.
- ГОРБАНЕВСКИЙ М. В., КАРАУЛОВ Ю. Н., ШАКЛЕИН В. М.** Не говори шершавым языком. М., 1999.
- ГОРДОН Д.** Терапевтические метафоры. СПб., 1995.
- ГРАНОВСКАЯ Л. М.** Русская эмиграция о русском языке. М., 1993.
- ГРАУДИНА Л. К.** Эвфемизмы — дисфемизмы: парламентские и непарламентские выражения // Культура парламентской речи. М., 1994.
- ГРЕШНЕВИКОВ А.** Информационная война. М., 1999.
- ГРИГОРЬЕВ А. Б.** Утешение филологией // Клемперер В. ЛТІ. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога. М., 1998.
- ГРИГОРЬЕВА О. Н.** Политический театр современной России (взгляд филолога) // Интернет-журнал «Полемика». Публикации Irex-Russia, 2001. № 9.

- ГРИГОРЬЕВА О. Н. Цвет и запах власти: (Семантика ощущений в языке СМИ) // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- ГРИШАЕВА Л. И. Россия в зеркале немецкой прессы: Путь к взаимопониманию народов? // XXI век без войны и насилия?!. Материалы международной научной конференции. Воронеж, 2002.
- ГУДКОВ Д. Б. «Сюжеты политического дискурса» и способы их актуализации // Политический дискурс в России-6: Материалы постоянно действующего семинара. М., 2002.
- ГУДКОВ Д. Б. Настенные надписи в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- ГУДКОВ Д. Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2: Материалы рабочего совещания. М., 1998.
- ГУДКОВ Д. Б. Тексты политического дискурса и национальный миф // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- ГУДКОВ Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
- ГУДКОВ Л. Д. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемологии. М., 1994.
- ГУМБОЛЬДТ В. ФОН. Язык и философия культуры. М., 1984.
- ГУРЕВИЧ П. С. Философская антропология. М., 1997.
- ДАНИЛОВ С. Ю. Жанр проработки в тоталитарной культуре // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 1999.
- ДЕЙК Т. А. ВАН. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- ДЕМЬЯНКОВ В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- ДЕМЬЯНКОВ В. З. Событийность в языке средств массовой информации // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- ДЖОНСОН-ЛЭРД Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
- ДЗЯЛОШИНСКИЙ И. М. Методы деятельности СМИ в условиях становления гражданского общества. М., 2001.
- ДИНСМОР ДЖ. Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект. М., 1998.
- ДМИТРИЕВА О. Л. Ярлык в парламентской речи // Культура парламентской речи. М., 1994.
- ДОБРЕНКО У. Фундаментальный лексикон. Литература позднего сталинизма // Новый мир. 1990. № 2.

- ДОРОЖКИНА Т. Н. Речевой имидж политического лидера // Социс (Социологические исследования). 1997. № 8.
- ДУКА А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1 // www.soc.ru/publications/jssa/1998/1/a9.html.
- ДУЛИЧЕНКО А. Д. Русский язык конца II тысячелетия. Мюнхен, 1995.
- ДЫМАРСКИЙ М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб., 1999.
- ЕВСТАФЬЕВ В. А. СМИ в системе массовых коммуникаций в России: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
- ЕНИНА Л. В. Идеологическое содержание современных лозунгов протеста // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- ЕНИНА Л. В. Современные российские лозунги как свертхтекст: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
- ЕРИЛОВА С. Л. Метафора как средство выражения смысловой неопределенности в политическом дискурсе // Языковые подсистемы: Стабильность и динамика. Тверь, 2002.
- ЕРМАКОВА О. П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- ЕРМОЛЕНКО С. С. Язык тоталитаризма и тоталитаризм языка // Мова тоталітарного суспільства. Киев, 1995.
- ЖЕЛТУХИНА М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики. Москва; Волгоград, 2000.
- ЖЕЛЬВИС В. И. Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.
- ЖЕЛЬВИС В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.
- ЖУКОВА Н. Н. Реализация культурно-языковой компетенции в заглавиях публицистических текстов // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- ЗАЛИЗНЯК АННА А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: Проект «каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
- ЗЕМСКАЯ Е. А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- ЗЕМСКАЯ Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского времени // Вопросы языкознания. 1997. № 3.
- ЗИМИНА М. В. Концептуальная метафора в сфере политики // Филологический сборник. Кемерово, 2002. Вып. 2.
- ЗОЛотова Г. А. У языка, как у людей, — свои проблемы // Русская речь. 2001. № 4.

- ИГНАТЬЕВ А. А.** Ценности науки и традиционное общество (социокультурные предпосылки радикального политического дискурса) // Вопросы философии. 1991. № 4.
- ИЛЬИН М. В.** Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997.
- ИЛЮХИНА Н. А.** Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара, 1998.
- ИССЕРС О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Екатеринбург; Омск, 1999.
- ИШКОВА Т. Н.** Концепт языковой личности в английском языке в сопоставлении с русским языком: (На примере анализа вариантов переводов пьесы Б. Шоу «Пигмалион»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- КАКОРИНА Е. В.** Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- КАНЧЕР М. А.** Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса: (На материале игровых программ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- КАРА-МУРЗА С. Г.** Манипуляция сознанием. М., 2000.
- КАРАСИК В. И.** Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- КАРАУЛОВ Ю. Н.** О состоянии русского языка современности. М., 1991.
- КАРАУЛОВ Ю. Н.** О состоянии современного русского языка // Русская речь. 2001. № 3.
- КАРАУЛОВ Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- КАРАУЛОВ Ю. Н., ПЕТРОВ В. В.** От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- КАСЛОВА А. А.** Концептуальная метафора «Выборы президента — это театр» в российском и американском политическом дискурсе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2003. Т. 9.
- КАСЛОВА А. А.** Концептуальная метафора в российских и американских текстах, посвященных выборам президента // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2002а. Т. 8.
- КАСЛОВА А. А.** Развертывание военной метафоры в тексте // Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование. Екатеринбург, 2002б.
- КАШКИН В. Б.** Коммуникативная мимикрия и социальная власть // Эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001.
- КАШКИН В. Д.** Кого класть на рельсы (к проблеме авторства в политическом дискурсе) // <http://kachkine.narod.ru>.
- КИРЕЕВА Е. С.** «Лидер родился...?!» // Политический дискурс в России-6: Материалы постоянно действующего семинара. М., 2002.

- КИРЕЕВА Е. С.** Символические проводники в политическом сценарии // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- КИСЕЛЕВ К. В.** Политический слоган: Проблемы семантической политики и коммуникативная техника. Екатеринбург, 2002.
- КИТАЙГОРОДСКАЯ М. В., РОЗАНОВА Н. Н.** «Свое» — «чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. М., 1995. № 1.
- КЛЕМПЕРЕР В. ЛТІ.** Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога. М., 1998.
- КОБОЗЕВА И. М.** Прагматический подход к идентификации метафоры в политическом дискурсе СМИ // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- КОБОЗЕВА И. М.** Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 6.
- КОБРИН К.** Десяностые: Эпоха больших метафор // Логос. 2000. № 5. www.ruthenia.ru/logos/number/2000_05.
- КОЖЕВНИКОВА Н. А.** Язык революционной эпохи в изображении писателей русского зарубежья // Русистика сегодня. 1998. № 1—2.
- КОЖЕНЕВСКА-БЕРЧИНСКА Й.** Новации в языковой картине мира русского человека: На основе современных публицистических текстов. Ольштын, 1996.
- КОЖИН А. Н.** Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. М., 1985.
- КОЖИНА М. Н.** Об отношении стилистики к лингвистике текста // Функциональный стиль научной прозы: Проблемы лингвистики и методики преподавания. М., 1980.
- КОЛОТНИНА Е. В.** Метафорическая модель «Субъекты экономической деятельности — это животные» // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 6.
- КОЛОТНИНА Е. В.** Метафорическое использование лексики понятийной сферы «Больной — здоровый» // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т. 5.
- КОЛОТНИНА Е. В.** Развертывание концептуальной метафоры в английском экономическом тексте // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2003. Т. 9.
- КОНЫКОВ В. И.** Речевая структура газетного заголовка. СПб., 1995.
- КОРДОНСКИЙ С.** Фундаментальный лексикон: Язык и политический спектр в России // Век XX и мир. 1994. № 1—2.
- КОСТОМАРОВ В. Г.** Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1999.
- КРАВЧЕНКО И. И.** Политическая мифология: Вечность и современность // Вопро-

- сы философии. 1999. № 1.
- КРАСНЫХ В. В.** Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М., 1998.
- КРАСНЫХ В. В.** Этнопсихолингвистика и лингвокультуралогия. М., 2002.
- КРОНГАУЗ М.** Критика языка // Логос. 1999. № 3. // www.ruthenia.ru/number/1999-03-13.htm.
- КРЫСИН Л. П.** Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь. 2000. № 1.
- КРЫСИН Л. П.** Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- КРЮЧКОВА Т. Б.** Общественно-политическая лексика и терминология: Основные свойства и тенденции развития: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991.
- КУБРЯКОВА Е. С.** Композиционная семантика: Цели и задачи // Композиционная семантика: Материалы третьей международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 2002. Ч. 1.
- КУБРЯКОВА Е. С.** Начальные этапы становления когнитивизма: Лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- КУБРЯКОВА Е. С.** О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров / ИНИОН РАН. М., 2000.
- КУБРЯКОВА Е. С.** О разных подходах к изучению СМИ // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- КУБРЯКОВА Е. С.** Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58. № 5—6.
- КУБРЯКОВА Е. С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века: (Опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
- КУБРЯКОВА Е. С., ДЕМЬЯНКОВ В. З., ПАНКРАЦ Ю. Г., ЛУЗИНА Л. Г.** Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- КУЗЬМИНА Н. А.** Интертекст и его роль в процессах эволюции языка. Екатеринбург; Омск, 1999.
- КУЛЬТУРА** парламентской речи / Под ред. Л. Г. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М., 1994.
- КУНИНА М. Н.** Когнитивно-прагматические характеристики террористического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001.
- КУПИНА Н. А.** Агитационный дискурс: В поисках жанров влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
- КУПИНА Н. А.** Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
- КУПИНА Н. А.** Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры.

Екатеринбург, 1999.

КУПИНА Н. А., БИТЕНСКАЯ Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек — Текст — Культура. Екатеринбург, 1994.

КУРТИН Ж. Ж. Шапка Клементиса: (Заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

ЛАБУТИНА В. В. Вторичная номинация в сфере обозначения причинно-следственных отношений в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1998.

ЛАБУТИНА В. В. О двух моделях метафорического обозначения причинно-следственных отношений // Семантическая системность языковых единиц. Самара, 1997.

ЛАЗАРЕВА Э. А. Заголовок в газете. Свердловск, 1989.

ЛАЗАРЕВА Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург, 1993.

ЛАЙДИНЕН Н. В. Образ России в зеркале общественного мнения // Социс. 2001. № 4.

ЛАКОФФ ДЖ. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1995.

ЛАКОФФ ДЖ. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М., 1996.

ЛАКОФФ ДЖ. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.

ЛАКОФФ ДЖ., ДЖОНСОН М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990 (гл. 1—6).

ЛАКОФФ ДЖ., ДЖОНСОН М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987 (гл. 1, 13, 21, 23, 24).

ЛАНГАККЕР Р. В. Модель, основанная на языковом употреблении // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 4, 6.

ЛАССАН Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: Когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.

ЛЕВИН Ю. И. Семиотика советских лозунгов // Левин Ю. И. Поэтика. Семиотика: Избр. труды. М., 1998.

ЛЕВОНТИНА И. Б., ШМЕЛЕВ А. Д. За справедливостью пустой // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.

ЛИХАЧЕВ Д. С. Экология культуры. Л., 1985.

МАЙДАНОВА А. М., АМИРОВ В. М., ЕНИНА Л. В. и др. Речевая агрессия в средствах массовой информации. Екатеринбург, 1997.

МАКАРОВ М. Л. Речевая коммуникация в группе: Дискурсивное конструирование социальной идентичности // Эссе о социальной власти языка. Воронеж,

2001.

МАРТЫНЕНКО Н. Г. Субъективизация новостийного дискурса аналитических программ ТВ // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.

МАТУРАНА У. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1995.

МЕТАФОРА в языке и тексте. М., 1988.

МЕТОДОЛОГИЯ исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 1998.

МИНАЕВА Л. В. Язык СМИ в аспекте лингвоимиджологии // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.

МИНСКИЙ М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

МИРОНОВА П. О. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: Когнитивно-прагматический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

МИРОНОВА П. О. Упрощение модели мира в современном политическом дискурсе: (Анализ концептов) // Вестник Омского университета. 2003. № 1.

МИХАЛЬСКАЯ А. К. О речевом поведении политиков // Независимая газета. 1999. 2 дек.

МИХАЛЬСКАЯ А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996.

МИХАЛЬСКАЯ А. К. Язык российских СМИ как манипулирующая система // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.

МИШЛАНОВА С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. Пермь, 2002.

МОКИЕНКО В. М., НИКИТИНА Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

МОЛОКОВ С. В., КИСЕЛЕВ В. Н. Словарь новых значений и слов языка газеты. М., 1996.

МОСКВИН В. П. Русская метафора. Волгоград, 1997.

МОСКВИН В. П. Русская метафора: Параметры классификации // Филологические науки. 2000. № 2.

МОСКВИН В. П. Эвфемизмы в лексической системе русского языка. Волгоград, 1999.

МУРАНЕ С. Н. Лексика военной сферы в постсоветском политическом дискурсе // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб., 2001.

МУРАНЕ С. Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2002. Т. 8.

- НИКИТИН М. В. Метафора: Уподобление vs. Интеграция концептов // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Москва; Воронеж, 2002.
- НИКОЛАЕВА А. В. К счастью... пострадали только читатели // Русская речь. 2000. № 1.
- НОВИКОВ А. Б. Словарь перифраз русского языка: (На материале газетной публицистики). М., 1999.
- НОВИКОВ Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.
- НОРМАН Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии // Язык и культура: Третья международная конф. Киев, 1994.
- ОЛЬШАНСКИЙ И. Г. Модели представления знаний и когнитивные аспекты полисемии // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Москва; Воронеж, 2002.
- ОРЛОВА О. Г. Концепт «Россия» в американской публицистике // Филологический сборник. Кемерово, 2002. Вып. 2.
- ОРТЕГА-И-ГАССЕТ Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
- ОСИПОВА М. А. Этноним «совок» // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.
- ПАВЛОВИЧ Н. В. Словарь поэтических образов. М., 1999. Т. 1—2.
- ПАВЛОВИЧ Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.
- ПАРШИН П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae = Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001.
- ПАРШИН П. Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики // www/elections/ru/biblio/parshin/htm/Архив 23 марта 1999.
- ПАРШИН П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятёж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. 1996. № 2.
- ПЕНЬКОВСКИЙ А. Б. О семантической категории чуждости в русском языке // Структурная лингвистика. 1985—1987. М., 1989.
- ПЕТРЕНКО В. Ф., МИТИНА О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. Смоленск, 1997.
- ПЕТРОВ В. В. Метафора: От семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3.
- ПЛУЦЕР-САРНО А. Государственная дума как фольклорный персонаж: Пародия, плач, исповедь и пасквиль — жанры русской политики // Логос. 1999. № 9.
- ПОДЧАСОВ А. С. Дезориентирующие заголовки в современных газетах // Русская речь. 2000. № 3.
- ПОКРОВСКАЯ Е. А. Русский синтаксис в XX веке: (Лингвокультурологический

- анализ). Ростов-на-Дону, 2001.
- ПОПОВА Е. А. О лингвистике нарратива // Филологические науки. 2001. № 4.
- ПОПОВА З. Д., СТЕРНИН И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
- ПОПОВА Т. И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб., 2002.
- ПОТЕБНЯ А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968.
- ПОЦЕЛУЕВ С. П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация // Полис. 1999. № 5.
- ПОЧЕПЦОВ Г. Г. Информационные войны. М., 2000.
- ПОЧЕПЦОВ Г. Г. Теория и практика коммуникации. М., 1998.
- ПОЧЕПЦОВ Г. Г. Тоталитарный человек. Киев, 1994.
- ПРОСКУряков М. Р. Дискурс борьбы: (Очерк языка выборов) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 1.
- ПРОХОРОВА Э. В. Современная демократическая риторика: (На примере текстов Анатолия Собчака) // Политическая коммуникация: Материалы Интернет-конференции. Челябинск, 2002.
- РАССОХИНА М. В. Метафора в языке социологической теории. М., 2001.
- РАХИЛИНА Е. В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36.
- РАХИЛИНА Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. № 3.
- РЕВЗИНА О. Г. Язык и дискурс // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 1.
- РЕМИЗОВ М. Война, язык и невращения // Логос. 2000. № 2. www.ruthenia.ru/logos/number/2000_02.
- РОГОЗИНА И. В. Медиа-картина мира // Языковое бытие человека и этноса: Психолингвистический аспект. Барнаул, 2001.
- РОДИОНОВА Е. Националистический дискурс газеты «Завтра» // Логос. 2000. № 1.
- РОЗИНА Р. И. Корифей пропаганды, или Риторика Сталина // Наука убеждать — риторика. 1991. № 8.
- РОКОТЯНСКАЯ Л. Ю. Лингвокультурные характеристики животных в сказках // Языковая личность: Проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001.
- РОМАНЕНКО А. П. Советская словесная культура: Образ ратора. Саратов, 2000.
- РОМАНОВ А. А. Конфликтный дискурс политика // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- РОМАНОВ А. А., РОМАНОВА Л. А. Технология резонансной информации в полити-

- ческой коммуникации // Политический дискурс в России-6: Материалы постоянно действующего семинара. М., 2002.
- РУБЕРТ И. Б.** Мифологема в языке СМИ // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- РУЖЕНЦЕВА Н. Б.** Дискредитирующие тактики в газетно-журнальном политическом дискурсе // Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе. Екатеринбург, 2002.
- РУССКИЙ** язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996.
- РЯБЦЕВА Н. К.** Этические знания и их «предметное» воплощение // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000.
- РЯПОСОВА А. Б.** Агрессивный прагматический потенциал криминальных метафор, функционирующих в агитационно-политическом дискурсе периода федеральных выборов (1998—2000 гг.) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 7.
- РЯПОСОВА А. Б.** Криминальный жаргон в дискурсе российских выборов // Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование. Екатеринбург, 2002.
- РЯПОСОВА А. Б.** Милитарная метафора в современном агитационно-политическом дискурсе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 6.
- САВЕЛЬЕВ А. Н.** Политическая мифология и политическая технология // Москва. 1998. № 8.
- САВЕНКОВА Л. Б.** Русская паремиология: Семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону, 2002.
- САМОТИК Л. Г.** Словарь выразительных средств языка политика: (На материале текстов губернатора Красноярского края А. И. Лебеда). Красноярск, 2002.
- САФОНОВ А. А.** Стилистика газетных заголовков // Стилистика газетных жанров. М., 1981.
- САФОНОВА Ю. А.** Русский язык, властные структуры и электорат // Русский язык на рубеже тысячелетий: Материалы докладов и сообщений всерос. конф. СПб., 2001. Т. 1.
- СЕГЕЛА Ж.** Национальные особенности охоты за голосами. М., 1999.
- СЕДОВ А. Е.** История генетики, запечатленная в метафорах ее языка // Проблемы социолингвистики и многоязычия. М., 1997. Вып. 1.
- СЕЛИЩЕВ А. М.** Выразительность и образность языка революционной эпохи // Селищев А. М. Избранные работы. М., 1968.
- СЕЛИЩЕВ А. М.** Язык послереволюционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. М., 1928.
- СЕНЬКО Е. В.** Коннотативно-прагматическая динамика лексических единиц // Коммуникативно-прагматическая семантика. Волгоград, 2000.

- СЕРЕБРЯННИКОВ В. В.** Косовская и чеченская война в сознании России и Запада // Социс. 2000. № 10.
- СЕРЕБРЯННИКОВ В. В.** Социология войны. М., 1997.
- СЕРНО П.** Русский язык и советский политический дискурс: Анализ номинаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- СКЛЯРЕВСКАЯ Г. Н.** Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- СКЛЯРЕВСКАЯ Г. Н.** Языковая метафора в толковом словаре: Проблемы семантики: (На материале русского языка). М., 1988. Ч. 1—2.
- СКОВОРОДНИКОВ А. П.** Лингвистическая экология: Проблема становления // Филологические науки. 1996. № 2.
- СКРЕБЦОВА Т. Г.** Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000.
- СКРЕБЦОВА Т. Г.** Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // *Respectus philologicus*. 2002. № 1.
- СЛОВАРЬ** перестройки / Сост. В. И. Максимов и др. СПб., 1992.
- СЛОВО** в парламентской речи и культура общения. М., 1995.
- СМЕТАНИНА С. И.** Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб., 2002.
- СОЛОВЬЕВ А. И.** Политическая коммуникация: К проблеме теоретической идентификации // Полис. 2002. № 3.
- СОРОКИН Ю. А.** Текст, цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной теории текста. М., 1982.
- СОРОКИН Ю. А.** Человек из будущего, которого у него нет: Григорий Явлинский // Политический дискурс в России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- СТЕПАНЕНКО А. В.** Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе: (На материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
- СТЕПАНЕНКО А. В.** Некоторые вопросы современного изучения метафоры в отечественном языкознании // Социокультурное варьирование в языке: Сб. науч. тр. / МГЛУ. М., 2001. Вып. 452.
- СТЕПАНОВ Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
- СТЕРНИН И. А.** Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
- СТЕРНИН И. А.** Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
- СУРОВЦЕВ В. А., СЫРОВ В. Н.** Метафора, нарратив и языковая игра: Еще раз о роли метафоры в научном познании. 2000 // siterium.trecom.tomsk.ru.
- ТЕЛИЯ В. Н.** Метафора и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.

- ТЕОРИЯ** метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990.
- УЛЬМАНН** С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5.
- УРЫСОН** Е. А. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. № 3.
- УСПЕНСКИЙ** Б. А. Избранные труды: В 2 т. М., 1994.
- УХВАНОВА-ШМЫГОВА** И. Речевой портрет политического лидера: Новые подходы в рамках дискурс-исследований // *Respectus philologicus*. 2002. № 1.
- УШАКИН** С. А. После модернизма: Язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. № 5.
- УШАКИН** С. А. Речь как политическое действие // Полис. 1995. № 5.
- ФЕДЕНЕВА** Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
- ФЕДЕНЕВА** Ю. Б. Функции метафоры в политической речи // Художественный текст: Структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997.
- ФЕДЕНЕВА** Ю. Б., **ЧУДИНОВ** А. П. Метафорическое моделирование в российском политическом дискурсе // Политический дискурс России-3: Материалы рабочего совещания. М., 1999.
- ФЕСЕНКО** А. И Т. Русский язык при советах. Нью-Йорк, 1955.
- ФИЛИНСКИЙ** А. А. Диффамация противника в политическом дискурсе // Ученые записки ТвГУ. Тверь, 2001.
- ФИЛИНСКИЙ** А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999—2000 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002.
- ФИЛИНСКИЙ** А. А. Стратегия манипуляции в политическом дискурсе // Языковые подсистемы: Стабильность и динамика. Тверь, 2002.
- ЦИЦЕРОН** МАРК ТУЛЛИЙ. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972
- ЧЕНКИ** А. Современные когнитивные подходы к семантике: Сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2.
- ЧЕПКИНА** Э. В. Русский журналистский дискурс: Текстопорождающие практики и коды (1995—2000). Екатеринбург, 2000.
- ЧЕРЕДНИЧЕНКО** Т. Россия 1990-х в слоганах, рейтингах, имиджах // Актуальный лексикон истории культуры. М., 1999.
- ЧЕРНИКОВА** Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. 2001. № 1.
- ЧЕРНЯВСКАЯ** В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс: Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001.

- ЧУДИНОВ А. П.** Динамика моделей концептуальной метафоры // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб., 2001.
- ЧУДИНОВ А. П.** Заметки о риторическом мастерстве И. В. Сталина // Художественный текст: Структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997.
- ЧУДИНОВ А. П.** Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. № 1, 3, 4; 2002. № 1, 2, 3.
- ЧУДИНОВ А. П.** Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Екатеринбург, 2001.
- ШАПОШНИКОВ В. Н.** Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отражении. М., 1998.
- ШАРИФУЛЛИН Б. Я., ИВАНОВА З. М.** Речь Александра Лебеда в свете языковой игры // Самотик Л. Г. Словарь выразительных средств языка политика: (На материале текстов губернатора Красноярского края А. И. Лебеда). Красноярск, 2002.
- ШАХОВСКИЙ В. И.** Голос эмоций в русском политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2: Материалы рабочего совещания. М., 1998.
- ШЕЙГАЛ Е. И.** Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28.
- ШЕЙГАЛ Е. И.** Семиотика политического дискурса. Москва; Волгоград, 2000.
- ШМЕЛЕВ Д. Н.** Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
- ШМЕЛЕВ Д. Н.** Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- ШМЕЛЕВА Т. В.** Морбиальная оптика // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001. Т. 7.
- ШУДЕГОВА Е. А.** Милитарная метафора в российском и американском политическом дискурсе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2002. Т. 8.
- ЭПШТЕЙН М. Н.** Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6.
- ЮНГ К. Г.** Архетип и символ. М., 1991.
- ЯГУБОВА М. А.** Культурно-оценочный аспект речевой деятельности // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000.
- ЯГУБОВА М. А.** Речь в средствах массовой информации // Хорошая речь. Саратов, 2001.
- ЯКОБСОН Р. О.** Избранные труды. М., 1985.
- BLACK M.** More about metaphor // Metaphor and thought / Ed. A. Ortony. 2 ed. Cambridge, 1993.
- CHOMSKY N.** Language and Politics. Montreal; New York. 1988.

- DE LANDTSHEER CH.** Function and the language of politics. A linguistic uses and gratification approach // *Communication and cognition*. 1991. Vol. 24. № 3 / 4.
- HAHN L. F.** *Political Communication: Rhetoric, Government and Citizens*. State College (Pennsylvania), 1998.
- KITTAY E., LEHRER A.** Semantic field and the structure of metaphor // *Studies in language*. 1981. № 5.
- LAKOFF G.** Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Galf // D. Yallet (ed.). *Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf*. Honolulu, 1991.
- LAKOFF G.** *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago; London, 1996.
- LAKOFF G., JOHNSON M.** *Metaphors we live by*. Chicago, 1980.
- ORTONY A.** Metaphor, language, and thought // *Metaphor and thought* / Ed. A. Ortony. 2 ed. Cambridge. 1993.
- PRINCE G.** *A Dictionary of Narratology*. London, 1988.
- ROSCH E.** Principles of categorization // *Cognition and categorization*. Hillsdale. New York, 1978.
- TURNER M., FAUCONNIER G.** Conceptual integration and formal expression // *Metaphor and symbolic activity*. 1995. Vol. 10. № 3.
- TURNER M., FAUCONNIER G.** *Metaphor, Metonymy and Binding* // *Metonymy and Metaphor*. Barcelona, 1998.
- WATTS D.** *Political Communication Today*. Manchester; New York, 1997.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЧУДИНОВ Анатолий Прокопьевич

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОЗАИКА
В СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Монография

Редактор Л. Н. Лексина

Оригинал-макет Л. Н. Лексина

Подписано в печать 23.03.2003. Формат 84х108 ¹/₁₆.

Гарнитура Times New Roman. Бумага для множ. ап.

Печать на ризографе. Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 12,2.

Тираж 200 экз. Заказ 990.

Оригинал-макет изготовлен и отпечатан

в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, проспект Космонавтов, 26

E-mail: uspu@ dialup. utk. ru

